

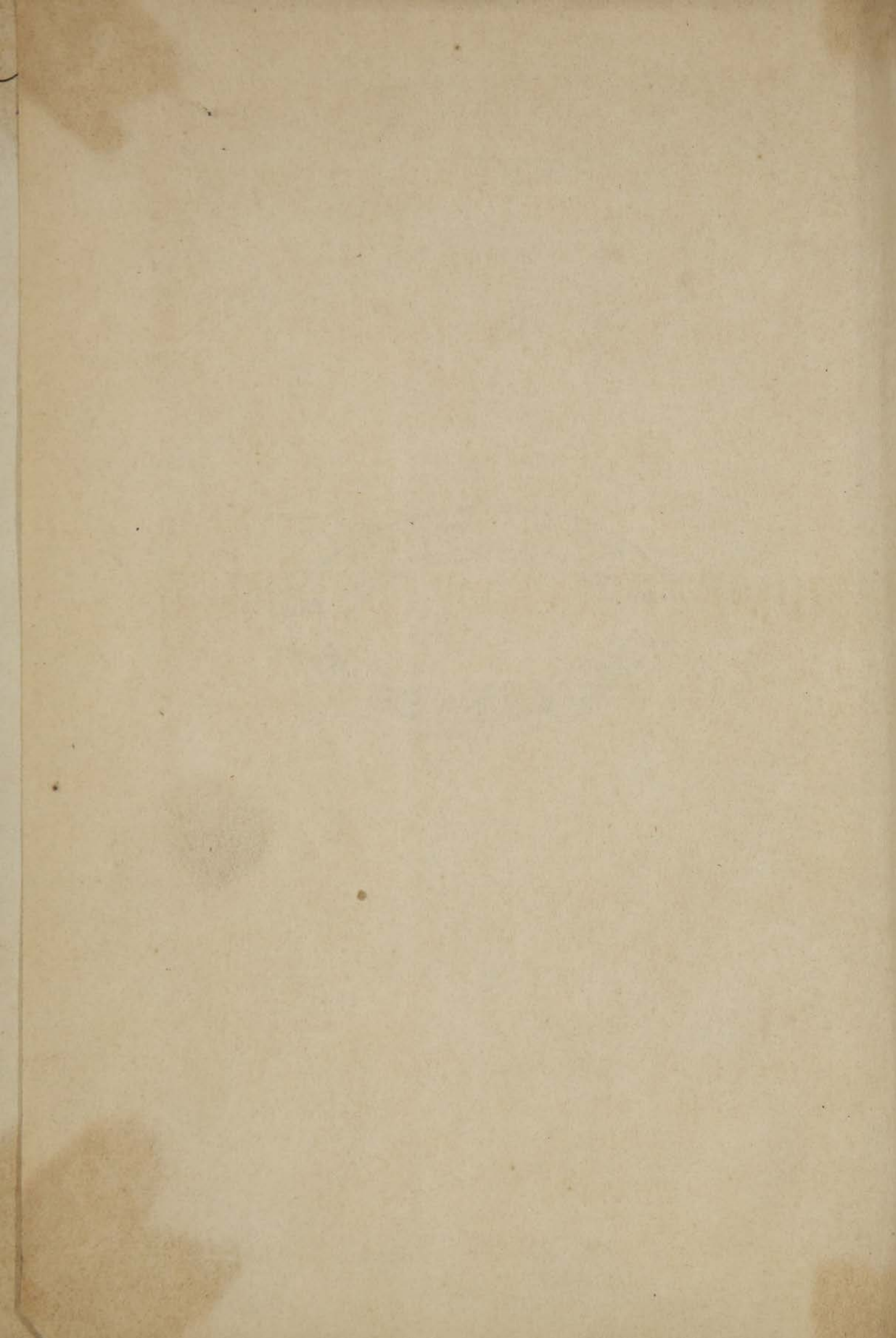
5803



9.

Св. Бруно-Тиллобранд и Мејоран
востаніи Кошицъ окончени. урение свѣдѣн
перев. Борогараго. Спб. 1861.







ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.



5803

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ

НАСТОЯЩАГО И БУДУЩАГО.

~~2.729.~~

СОЧИНЕНІЕ

БРУНО ГИЛЬДЕБРАНДА.

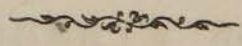
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

отъ тѣхъ по отпечатаваніи предвѣдѣнаго въ немъ предмета, въ
каждомъ изъ городовъ, гдѣ издается, по дозволенію
18 дн 1860 г.

ПЕРЕВОДЪ

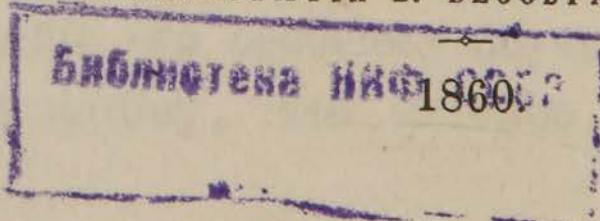
М. П. ЩЕПКИНА.

2478



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.



12

ВЪСНОВЪНІЕ ВЪЗВРАЩЕНІЮ

ВЪСНОВЪНІЕ ВЪЗВРАЩЕНІЮ
ВЪСНОВЪНІЕ ВЪЗВРАЩЕНІЮ
ВЪСНОВЪНІЕ ВЪЗВРАЩЕНІЮ

~~1860~~

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Декабря
16 дня 1860 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

63742

ВЪСНОВЪНІЕ ВЪЗВРАЩЕНІЮ



ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая въ русскомъ переводѣ сочиненіе Гильдебранда, безспорно одного изъ даровитѣйшихъ представителей современной науки о народномъ хозяйствѣ, мы приводимъ здѣсь, вмѣсто предисловія, отзывъ Роберта Моля объ этомъ сочиненіи. Вотъ что говоритъ о немъ знаменитый публицистъ въ своей энциклопедіи государственныхъ наукъ (*Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*, III, XIV).

„Въ высшей степени остроумное сочиненіе посвятилъ Гильдебрандъ исторіи и нынѣшнему состоянію самой юной изъ трехъ политико-экономическихъ системъ (промышленной). Авторъ начинаетъ свое сочиненіе съ Адама Смита, считая два предшествовавшія ему ученія, меркантилизмъ и фیزیократію, уже окончательно побѣжденными; изложеніе его особенно поучительно и даже грандіозно потому, что исторію науки о народномъ

хозяйствѣ онъ приводитъ въ тѣсную связь съ одновременными явленіями въ другихъ отрасляхъ государствовѣдѣнія, а именно: съ явленіями въ философіи государственнаго права. Какъ не проста эта мысль, но до Гильдебранда она никому не пришла въ голову. Благодаря такому приему, въ сочиненіи его наука не является чѣмъ-то отрывочнымъ и не вращается одиноко въ пустомъ пространствѣ, а живетъ въ такой же духовной средѣ, какъ и другія родственныя съ нею науки.

„По мнѣнію Гильдебранда, теорія Адама Смита составляетъ только новую фазу въ развитіи политической экономіи и вовсе не имѣетъ значенія послѣдняго слова въ наукѣ. Правда, Адамъ Смитъ совершилъ огромный шагъ впередъ тѣмъ, что окончательно поставилъ денежное хозяйство на мѣсто средневѣковаго естественнаго хозяйства; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открылъ настежь двери самому грубому эгоизму. Различныя нападенія противъ этой теоріи сами по себѣ основательны, хотя положительныя предложенія ея критиковъ, можетъ быть, и не состоятельны. Какъ въ философіи государственнаго права одно ученіе, признававшее разумнымъ только одинъ родъ государственнаго устройства, уступило мѣсто другому ученію, которое признаетъ, что каждой ступени развитія народовъ соотвѣтствуетъ особенная государственная

форма, такъ и въ политической экономіи необходимо такое новое ученіе, по которому каждой ступени хозяйственнаго развитія народовъ соотвѣтствовала бы особенная хозяйственная система.

„Наука о народномъ хозяйствѣ распадается у Гильдебранда на пять различныхъ группъ, и каждая изъ нихъ имѣетъ свои отличительныя свойства. Хотя въ этомъ отношеніи изображенія автора, можетъ быть, не такъ ясны и не довольно подробны, какъ бы этого желалось, однако ему нельзя отказать здѣсь въ остроуміи и талантѣ. Ученіе Адама Смита считаетъ онъ, какъ сказано, только ученіемъ денежнаго хозяйства, открываетъ сущность его въ себялюбивомъ раціонализмѣ и сравниваетъ его, въ исторіи философіи государственнаго права, съ теоріями Руссо и Канта. А. Мюллеръ, исполненный средневѣковаго романтизма, шелъ по одному направленію съ Галлеромъ. Ф. Листъ, хотя и примкнулъ къ ученію Смита, но требовалъ права и признанія національности, а потому стремленія его можно сравнить съ новѣйшими нѣмецкими и особенно итальянскими стремленіями въ государственномъ правѣ. Соціальныя школы ратуютъ соединенными силами, хотя и различнымъ образомъ, противъ денежнаго хозяйства; но всѣ организаціонныя планы, придуманные ими для возстановленія порядка въ обществѣ, совершенно неисполнимы.

Эти соціальныя школы можно сравнить съ республиканскими партіями въ государственной жизни. Наконецъ, Прудонъ (значеніе котораго слишкомъ преувеличено) доказалъ, по мнѣнію Гильдебранда, что всѣ экономическія учрежденія имѣютъ лишь одно относительное значеніе.

„Нельзя не пожалѣть, что авторъ до сихъ поръ не кончилъ своего сочиненія и не раскрылъ своего собственнаго ученія; но это нисколько не уменьшаетъ значенія его историко-критическаго изслѣдованія.“

Что касается до перевода, то мы держались какъ можно ближе подлинника, стараясь передать сжатую и сильную рѣчь даровитаго экономиста, умѣющаго всегда сказать такъ много въ немногихъ словахъ.

Въ заключеніе, прибавимъ, что предлагаемое нынѣ въ русскомъ переводѣ сочиненіе Гильдебранда издано въ Германіи еще въ 1848 году.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ для политической экономіи въ Германіи настала важная эпоха. Эта наука перестала быть собственностью однихъ ученыхъ и становится, какъ въ Англии, наукой народа. Какъ во время реформаціи богословіе вышло изъ келій духовенства, такъ точно теперь наука о народномъ хозяйствѣ покидаетъ кабинеты ученыхъ и профессорскія кафедры, чтобы спуститься на общую сцену жизни, начинаетъ приводить въ движеніе народныя массы и предъявляетъ свои права на общенародный интересъ.

Этотъ новый поворотъ не долженъ казаться страннымъ. Онъ тѣсно связанъ со всѣмъ политическимъ развитіемъ Германіи. Порожденное болѣе чѣмъ тридцатилѣтнимъ миромъ благосостояніе, развившееся въ промышленныхъ сословіяхъ пониманіе, увеличившееся участіе ихъ въ дѣлахъ государства и общества, совершенное Таможеннымъ

Союзомъ сближеніе между различными государствами Германіи и, наконецъ, все болѣе и болѣе усиливающееся во всѣхъ областяхъ сознаніе національности тѣсно связали рѣшеніе вопросовъ общественнаго блага съ началами народной жизни и вызвали всеобщее стремленіе къ занятію науками государственными и политическою экономіею.

Сверхъ того, въ Германіи самые промышленные классы достигли весьма знаменательной точки развитія. Рядомъ съ земледѣліемъ фабричность развилась уже до степени промышленной силы. Ко всеобщему стремленію къ торговой независимости отъ иностранныхъ государствъ и къ единообразной національной формѣ внутреннихъ торговыхъ отношеній примкнуло множество практическихъ вопросовъ. Введеніе общаго нѣмецкаго вексельнаго права и общаго единообразнаго почтоваго управленія составляетъ уже предметъ официальныхъ совѣщаній. Споръ о свободѣ торговли, покровительственной системѣ, дифференціальныхъ пошлинахъ, навигаціонномъ актѣ и т. д. составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ предметовъ текущей литературы, и различные промышленные классы ведутъ его съ такимъ же жаромъ, какъ и должностныя лица въ различныхъ государствахъ Германіи. Послѣдній денежный кризисъ заставилъ подумать о дальнѣйшемъ улучшеніи кредитнаго

хозяйства. Наперерывъ стараются осуществить какой либо новый проектъ банка или основать кредитное учрежденіе, и возбуждавшій столько споровъ вопросъ о томъ, какія условія необходимы для успѣшнаго развитія банковъ и какіе банки, государственные или частные, болѣе соотвѣтствуютъ цѣли, ожидаетъ еще въ будущемъ своего окончательнаго рѣшенія. Но впередъ всѣхъ другихъ вопросовъ пауперизмъ обратилъ вниманіе и участіе всѣхъ образованныхъ людей на состояніе рабочихъ классовъ, а со времени волненій между ткачами въ Силезіи и Богеміи не только возникли въ различныхъ частяхъ Германіи цѣлыя общества для прекращенія ихъ, но и снова еще настоятельнѣе поднятъ великій, всеобщій вопросъ о томъ: „какихъ соціальныхъ реформъ требуетъ пропасть, все болѣе и болѣе раздѣляющая бѣдняка отъ богача, и какія обязанности налагаетъ на человѣка право владѣнія“. Всего же поразительнѣе въ этомъ отношеніи то, что люди, которыхъ вообще привыкли считать авторитетами въ экономической наукѣ, какъ, на примѣръ: Германнъ, Рау, Небеніусъ, не подаютъ голоса въ большей части этихъ споровъ, и на полѣ битвы состязаются почти одни только практики изъ народа, поставленные въ самую средину практической жизни, или новое поколѣніе публицистовъ.

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно,

что въ настоящее время, когда столько умовъ за одинъ разъ выступаютъ въ доселѣ невѣдомой имъ наукѣ и испытываютъ свои силы въ разрѣшеніи непривычныхъ для нихъ задачъ, здѣсь сталкиваются вмѣстѣ самыя противоположныя воззрѣнія, и что зрѣлыя и незрѣлыя, справедливыя и ложныя представленія вызвали такое замѣшательство во взглядахъ и такое всеобщее броженіе экономическихъ понятій, которое окончится, вѣроятно, еще не скоро.

Но, съ другой стороны, понятно также, что этотъ процессъ общаго броженія въ народѣ произвелъ такой же внутренній процессъ въ самой наукѣ. Многія положенія, считавшіяся доселѣ несомнѣнными въ кабинетахъ ученыхъ, на вольномъ воздухѣ оказались несостоятельны. Факты дѣйствительной жизни пришли въ противорѣчіе съ теоріею. Статистическія данныя, которыя приводились въ подтвержденіе научныхъ взглядовъ, кажутся теперь уже недостаточными, поверхностными или такими, которыми пользовались для ложныхъ заключеній. Однимъ словомъ, если для какой нибудь науки настало время провѣрить тѣ основанія и начала, на которыхъ она до сихъ поръ существовала, то конечно для науки о народномъ хозяйствѣ.

Ко всему этому присоединилось еще вліяніе одновременныхъ экономическихъ движеній въ дру-

гихъ странахъ Европы. Въ то время какъ въ Англии, настоящей родинѣ нашей науки, между жаркими преніями партій, правительство только-что отказалось отъ запретительной системы, которою вскормлена была вся англійская промышленность, — въ то время какъ одинъ изъ ея величайшихъ государственныхъ людей, сэръ Робертъ Пиль, публично призналъ ошибочными тѣ существенныя политико-экономическія начала, которыя доселѣ самъ считалъ справедливыми, и изъ новѣйшихъ опытовъ Великобританіи почерпнулъ доказательства для своего мнѣнія, — въ то время какъ англійскій проповѣдникъ свободной торговли, Кобденъ, ведетъ во Франціи, Испаніи, Италіи и другихъ странахъ континента пропаганду возвѣщенной Адамомъ Смитомъ теоріи торговли, — въ это самое время во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи юное поколѣніе, вмѣстѣ съ нѣмецкими эмигрантами, поднимаютъ бурю на эту устарѣлую школу Адама Смита и строятъ хозяйственныя системы для будущаго устройства общества, какъ будто всемірная исторія съ завтрашняго дня должна начаться вновь.

Сдается, что девятнадцатое столѣтіе хочетъ съ тою же горячею стремительностью предаться рѣшенію соціальныхъ и экономическихъ задачъ, съ какою восемнадцатое столѣтіе предавалось вопросамъ политическимъ. Этого достаточно для того,

чтобы тѣмъ съ большею осмотрительностью заняться повѣркою положеній нашей науки и одинаково оградиться какъ отъ неподвижнаго коснѣнія, такъ и отъ легкомысленнаго разрушенія всего доселѣ совершеннаго.

Желая содѣйствовать разрѣшенію этой задачи и среди общаго разлада господствующихъ мнѣній о народномъ хозяйствѣ отыскать вѣрную дорогу для будущаго, мы должны прежде всего подвергнуть критическому разбору всѣ существующія, частью наслѣдованныя, частью возникшія въ наше время, воззрѣнія и системы.

Къ этому разбору примыкаетъ само собою, во второмъ отдѣленіи нашего сочиненія, повѣрка методъ, по которымъ строили до сихъ поръ зданіе экономической науки. Эта повѣрка сама собою приведетъ насъ къ единственно справедливому методу, котораго требуютъ научное содержаніе политической экономіи и ея характеръ. Въ заключеніе же, на основаніи открытаго метода, мы рассмотримъ науку въ ея новомъ видѣ.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ.

		Напечатано:	Должно быть:
На стран. 13	стр. 14	Лаубердэлю	Лаудердэлю
»	» 25	» 4	»
		не смотря на то этотъ	этотъ
»	» 33	» 7	»
		одно единое цѣлое	единое цѣлое
»	» 69	» 5	»
		будутъ рѣшать побѣды	будутъ рѣшителями побѣды
»	» 103	» 5	»
		снизу обладаніемъ сред- ствами	обладаніемъ средствъ
»	» 140	» 4	»
		всякому труду по его силамъ и потреб- ностямъ	каждый долженъ тру- диться по своимъ силамъ и пользуется предметами по сво- имъ потребностямъ
»	» 152	» 13	»
		$\frac{2}{3}$	$\frac{1}{3}$
»	» 163	» 15	»
		сверху по 2—3 злбгр.	по 2—8 злбгр.



ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Первый отдѣлъ.

Адамъ Смитъ и его школа.

§ 1.

Взглядъ на меркантилистовъ и физиократовъ.

При оцѣнкѣ политико-экономическихъ системъ, изъ которыхъ однѣ въ настоящее время уже имѣютъ значеніе, а другія стремятся пріобрѣсть его, надо обращаться назадъ къ Шотландцу Адаму Смигу. Онъ есть настоящій основатель политической экономіи и принадлежитъ къ тѣмъ великимъ геніямъ, къ которымъ прилагаются слова поэта: „когда государи созидаютъ, то и поденщикамъ бываетъ много работы“. Хотя еще и до него, вслѣдствіе борьбы между господствовавшимъ въ средніе вѣка естественнымъ и внезапно такъ сильно распространившимся денежнымъ хозяйствомъ, развилось въ Европѣ пониманіе политической и государственной экономіи и нашло себѣ выраженіе въ теоріяхъ меркантилистовъ и физиократовъ, однако эти послѣдніе систематически разрѣшили, въ угоду тогдашней политикѣ, лишь отдѣльные, стоявшіе на очереди, практическіе вопросы и не проникали глубже въ самую природу экономическихъ отношеній. Мер-

2 ВЗГЛЯДЪ НА МЕРКАНТИЛИСТОВЪ И ФИЗИОКРАТОВЪ.

кантилисты, придававшіе слишкомъ много значенія новому орудію мѣны, смотрѣли на государства, какъ на искусственныя теплицы для городской промышленности, въ которыхъ монополіями, вывозными и ввозными пошлинами, преміями и другими искусственными средствами правительства должны воспитывать всѣ отрасли фабричной промышленности и торговли, приносящія странѣ и государственной казнѣ наиболѣе денежнаго дохода. Физиократы, въ свою очередь, хотѣли превратить государства въ искусственные луга, съ которыхъ должны быть изгнаны всѣ искусственныя растенія, равно какъ и всякая искусственная заботливость правительствъ о воспитаніи промышленности. Обѣ эти теоріи были составлены въ исключительныхъ интересахъ только извѣстныхъ классовъ производителей и извѣстныхъ политическихъ системъ. Меркантилизмъ былъ экономической теоріею абсолютизма; онъ былъ вызванъ открытіемъ сокровищъ новаго свѣта и опирался на римскую государственную практику временъ Юстиніановыхъ ⁽¹⁾. Физиократія была теоріею ре-

(1) Вліяніе, какое имѣло римское право на европейское государственное хозяйство въ XVI и XVII столѣтіяхъ, требуетъ еще основательнаго и подробнаго изслѣдованія. Если взглядъ меркантилистовъ на деньги и былъ совершенно чуждъ Римлянамъ, то все-таки римское право существенно содѣйствовало тому, что во время реформаціи денежное хозяйство одержало верхъ надъ естественнымъ, и если нѣкоторыя учрежденія, предлагаемыя меркантилизмомъ, встрѣчаются уже въ средніе вѣка, то во всякомъ случаѣ большая часть мѣръ, принадлежащихъ къ промышленной полиціи и финансовому управленію того времени, были заимствованы изъ римскаго права. Сюда я причисляю установленіе государствомъ цѣнъ на жизненные припасы и заработную плату, запрещенія вывоза, систему монополій, казенныя фабрики, связанныя съ новымъ учевіемъ фиска, правильные прямые налоги на поземельную собственность, отдачу въ откупное содержаніе пошлинъ, налагаемыя на отдѣльные классы жителей личныя подати и мн. др.

волюціи. Одна требовала ^{искусственнаго} производства государствомъ и для государства, другая просто естественнаго, совершенно независимаго отъ государства, производства народомъ и для народа; одна теорія была составлена въ пользу привилегированныхъ фабрикантовъ и купцовъ, другая въ пользу земледѣлія и въ то время угнетеннаго крестьянскаго сословія, съ котораго она хотѣла снять тяжелыя оковы.

Примѣчаніе. Хотя отдѣльныя, разсѣянныя положенія меркантилистовъ встрѣчаются у многихъ писателей еще въ XVI столѣтіи (напримѣръ у Бэкона Веруламскаго, sermon. fidel. 15, de seditiōibus et turbis. 30, de usura sive foenore, и др.), однако полная система меркантилизма образовалась только въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ, когда она давно уже была извѣстна государственной практикѣ. Итальянцы Гаспаро Скарүффи (Discorso sopra le monete e della vera proporzione fra l'oro e l'argento, 1582) и Бернардо Даванцати (Lezione sulle monete, Firenze 1588) неправедливо причисляются къ меркантилистамъ. Сочиненія ихъ содержатъ въ себѣ одни лишь предложенія объ улучшеніи монеты. Еще менѣе можно считать французскаго юриста Ж. Бодэна (Six livres de la république, Paris 1576) представителемъ этой системы государственнаго хозяйства. Выраженіемъ: rei publicae nervos in pecuniis consistere, которое обратилось уже въ поговорку и приводится обыкновенно въ подтвержденіе этого мнѣнія, Бодэнъ начинаетъ только главу: De aerario, дабы болѣе обратить вниманіе читателей на важность этого отдѣла своего сочиненія; на самомъ же дѣлѣ онъ выступаетъ прямо противникомъ взгляда меркантилистовъ на деньги. Такъ какъ этотъ ложный взглядъ на Бодэна сохранился до настоящаго

времени и вошелъ въ новѣйшіе учебники политической экономіи, то мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь всѣ относящіяся сюда главныя его политико-экономическія положенія, которыя потомъ опять повторяются въ отдѣльномъ полемическомъ сочиненіи его (*Adversus Paradoxa Malastreti*, Paris 1586), съ подробными доказательствами. Въ названномъ отдѣлѣ своего сочиненія Боденъ возвращается къ вопросу о деньгахъ при опроверженіи тѣхъ людей, которые въ его время требовали, чтобы подати были уменьшены до размѣра, въ какомъ онѣ находились при Людовикѣ XII.

Въ этомъ отдѣлѣ (стр. 1028 и сл. латинскаго изданія in-8) онъ выводитъ, на основаніи многочисленныхъ примѣровъ древности и XVI вѣка, слѣдующія положенія:

1) Чѣмъ болѣе увеличивается привозъ какого нибудь товара, тѣмъ ниже падаетъ цѣна его; это правило справедливо также относительно благородныхъ металловъ и денегъ.

2) Но чѣмъ болѣе падаетъ цѣна денегъ, тѣмъ выше поднимаются цѣны на товары, какъ достаточно доказалъ это привозъ денегъ изъ Вестъ-Индіи, поднявшій вдесятеро цѣны на товары.

3) Съ пониженіемъ цѣнъ на деньги поднимаются въ цѣнѣ: земельная собственность, заработки и постоянные оклады жалованья и, наоборотъ, падаетъ процентъ съ капитала.

4) Слѣдовательно, излишекъ благородныхъ металловъ не составляетъ народнаго богатства и запрещенія вывозить золото и серебро тѣмъ бесполезнѣе, что вслѣдствіе общей необходимости въ торговлѣ они въ дѣйствительности никѣмъ не исполняются.

Хотя въ другомъ мѣстѣ (стр. 1016 и сл.), говоря о по-

шлинахъ, Бодэнъ требуетъ непременно высокихъ вывозныхъ пошлинъ для съѣстныхъ припасовъ, низкихъ ввозныхъ пошлинъ для съѣстныхъ припасовъ и для суровья и высокихъ ввозныхъ пошлинъ для фабрикатовъ, однако не для увеличенія денежнаго богатства, а для поддержанія промышленной дѣятельности и для сохраненія нужнаго для народа запаса средствъ пропитанія.

Первыми меркантилистами-теоретиками были: въ Италіи Неаполитанецъ *Антоніо Серра* (*Breve trattato delle cause che possono far abbondare li regni d'oro e d'argento, dove non sono miniere. Roma 1613*, и въ I томѣ *Scrittori classici italiani di economia politica, Milano 1803*); въ Англии *Томасъ Мунъ* (*A discourse of trade from England into the East-Indies, London 1609*, и *Englands treasure by foreingn trade, London 1664*) и въ Франціи *Ж. Ф. Мелонъ* (*Essai politique sur le commerce, Amsterdam 1734*, и въ первомъ томѣ *Économistes financiers du XVIII siècle, ed. par M. Eugène Daire, Paris 1843*); въ Германіи принадлежатъ сюда подробные *Tractatus I. Klockii de contributionibus (1634, in Fol.)* и *de aerario (Norimb. 1651, in Fol.)* и сочиненіе фонъ-Горнека *Oesterreich über Alles, wenn es will, 1654*. Прочія сочиненія по этому предмету см. у К. Штейнлейна *Handbuch der Volkswirtschaftslehre, T. I. Мюнхенъ, 1831, стр. 19 и сл.*

Экономическая теорія физиократовъ впервые развилась въ Англии во время революціи. Противъ запрещенія вывозить золото и серебро писалъ *Льюисъ Робертсъ* (*The treasure of traffick (1641)*); въ пользу совершенной свободы торговли писалъ *Додли Нортъ* (*Discourses upon trade, 1691*), а философъ *Джонъ Локкъ* старался именно доказать, что деньги имѣютъ лишь одну воображаемую цѣнность, основанную только на взаимномъ согласіи лю-

дей. Онъ придавалъ особенное значеніе труду, употребляемому на земледѣліе и производство суровья и, наконецъ, требовалъ еще въ то время одного поземельнаго налога. См. Two treatises of government: in the former the false principles and foundation of Sir Robert Filmer are detected and owerthrown. The latter is an essay concerning the true original extent, and end of civil government, London 1689, именно втораго отдѣленія гл. 5; потомъ Some considerations of the consequences of the lowering of interest and raising the value of money. In a letter sent to a member of parliament, *ibid.* 1691. — Short observations on a printed paper, intituled «For incouraging the coining silver money in England, and after for keeping it here» *ibid.* 1695. — Forther observations concerning raising the value of money, *ibid.* 1696.

Изъ Англіи эти воззрѣнія, вмѣстѣ съ политическими теоріями революціи, перешли во Францію. Здѣсь, они высказаны были сперва въ сочиненіи знаменитаго *Вобана*, *De la dîme royal* (1707, Qu. и въ I части *Économistes financiers*), а потомъ развиты до самыхъ крайнихъ выводовъ въ извѣстныхъ сочиненіяхъ старшаго *Мирабо* (*L'ami des hommes ou traité de la population*, Avignon 1756. — *Théorie de l'impôt*, Paris 1756. — *La philosophie rurale*, Paris 1763, и др.) и *Ф. Кенэ* (*Tableau économique avec son explication*, Versailles 1758. — *Maximes générales du gouvernement économique et d'un royaume agricole*, Versailles 1758. — *La physiocratie, ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain. Recueil de traités du Dr. Quesnay publié par S. Dupont*, Paris 1768). Въ Германіи система фізіократовъ рѣзче всего была представлена Шмальцемъ въ *Staatswirthschaftslehre, in Briefen an einen teutschen Erbprinzen*, 1818.

§ 2.

Смитова система.

Когда окончилась борьба между естественнымъ и денежнымъ хозяйствомъ въ Европѣ и когда послѣднее исполненными шагами ринулось на встрѣчу своей совершенной побѣдѣ, А. Смитъ создалъ первую обширную теорію народнаго хозяйства, въ которой онъ впервые противопоставилъ интересамъ производителей интересы потребителей и изслѣдовалъ самыя способности народовъ къ составленію матеріальнаго богатства. Онъ доказалъ въ этой теоріи, что народъ можетъ удовлетворять свои потребности только произведеніями собственнаго труда и что поэтому запасъ этихъ средствъ удовлетворенія, или экономическихъ цѣнностей, онъ можетъ увеличить, или ограничивая свои потребности, или усиливая и совершенствуя самый трудъ. Для достиженія первой цѣли, каждому народу представляется, по его мнѣнію, готовое средство въ ограниченіи его непроизводительнаго населенія, а для достиженія второй цѣли — въ примѣненіи закона раздѣленія труда. Хотя этотъ законъ находитъ себѣ естественныя предѣлы въ величинѣ рынка, однако онъ способенъ къ обширному примѣненію. Прежде всего онъ требуетъ для себя капитала, то есть запаса сбереженныхъ произведеній труда, а потомъ удобнаго орудія обращенія — денегъ, и сообщаетъ каждому произведенію, кромѣ его полезности (*Gebrauchswerth*), еще и мѣновую цѣнность, которая одна только и принимается въ соображеніе въ общественной экономіи. Трудъ, употребленный на произведеніе какого нибудь товара, составляетъ ту первоначальную цѣну, какую всякій производитель назначаетъ своему товару, а такъ какъ вслѣдствіе примѣненія закона раздѣленія труда человѣкъ можетъ удовлетворять собственнымъ трудомъ лишь

весьма малую часть своихъ потребностей и наибольшую часть средствъ удовлетворенія долженъ получать отъ труда другихъ людей, то и мѣновая цѣнность его товара состоитъ изъ того количества труда, которое онъ можетъ обмѣнять на него. Такимъ образомъ, при каждомъ обмѣнѣ товаровъ происходитъ собственно одинъ лишь обмѣнъ количествъ труда, при чемъ трудъ служитъ истиннымъ мѣриломъ мѣновой цѣнности и единственною первоначальною цѣной каждаго предмета.

Въ болѣе развитыхъ хозяйствахъ, послѣ утвержденія поземельной собственности и умноженія капиталовъ въ странѣ, цѣна каждаго товара не состоитъ уже изъ одной заработной платы, а распадается еще на прибыль съ капитала и на земельный доходъ, или ренту, потому что работникъ долженъ возратить одну часть изъ вырученной цѣны своего произведенія владѣльцу земли, снабдившему его суровьемъ, а другую часть — капиталисту, который доставилъ ему средства къ труду.

Тогда величина заработной платы соразмѣряется частью съ цѣною необходимыхъ средствъ пропитанія, частью съ отношеніемъ числа работниковъ, нуждающихся въ работѣ, къ числу требуемыхъ работниковъ, то есть съ отношеніемъ числа ищущихъ работы людей къ числу ищущихъ работы капиталовъ. Согласно съ этимъ отношеніемъ, устанавливается также и прибыль съ капитала, но такъ, что она находится всегда въ обратномъ отношеніи къ заработной платѣ. Чѣмъ менѣе находится капиталовъ и чѣмъ болѣе свободныхъ работниковъ, тѣмъ ниже бываетъ заработная плата и тѣмъ выше прибыль съ капитала. Наоборотъ, чѣмъ болѣе находится капиталовъ, сравнительно съ числомъ работниковъ, тѣмъ выше бываетъ заработная плата и тѣмъ ниже прибыль съ капитала. Такимъ образомъ, съ успѣхами общества на

пути къ благосостоянію увеличивается плата работниковъ и уменьшается доходъ капиталистовъ. Наконецъ, земельная рента или сумма, платимая землевладѣльцу за пользованіе его землею, составляетъ тотъ излишекъ, который остается отъ земельного дохода, за покрытіемъ издержекъ обработки и за уплатою обыкновеннаго процента съ потраченнаго на землю капитала; слѣдовательно, величина ея соразмѣряется съ величиною, а частью съ цѣною земельного дохода.

Такимъ-то путемъ дошелъ Смитъ до открытія законовъ, по которымъ устанавливается величина трехъ составныхъ частей цѣны товаровъ у всякаго народа, и ихъ взаимное отношеніе, и по которымъ совокупный годовой доходъ народа распредѣляется, при помощи мѣны, снова между тремя классами производителей: между работниками, земледѣльцами и капиталистами, смотря по участию каждаго изъ нихъ въ народномъ производствѣ. Высокая заработная плата, высокая земельная рента и низкій процентъ съ капитала — вотъ самое выгодное положеніе для всей массы населенія. Какъ производство, такъ и распредѣленіе цѣнностей требуютъ для своего успѣха свободы мѣны, ибо эта свобода есть ничто иное, какъ естественная необходимость въ обращеніи цѣнностей; она доставляетъ каждой отдѣльной силѣ возможность занять выгоднѣйшее для нея положеніе. Государственная же власть должна только доставлять защиту закона и заводить такія вспомогательныя учрежденія, которыя превышаютъ силы частныхъ людей.

§ 3.

Значеніе Смитовой системы въ исторіи политической экономіи.

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ положеніяхъ своей теоріи Адамъ Смитъ имѣлъ предшественниковъ. Еще въ предъиду-

шемъ столѣтіи Гоббесъ ⁽¹⁾ признавалъ трудъ и бережливость главными основаніями народнаго богатства. Точно также въ сочиненіяхъ Локка ⁽²⁾ и Петти ⁽³⁾ можно найти зародыши его теоріи цѣны, а у Мандевилля ⁽⁴⁾, не говоря уже о древнихъ писателяхъ ⁽⁵⁾, въ 1714, возвѣщенное имъ начало раздѣленія труда. Наконецъ, Юмъ былъ его непосредственнымъ учителемъ и своими политическими „Опы-

⁽¹⁾ *Elementa philosophica de cive*. Amst. 1646, Cap. XIII, § 14. *Ad locupletandos cives necessaria duo sunt, labor et parsimonia; conducit etiam tertium, nempe terrae aquaeque proventus naturalis; — priora duo sola necessaria sunt.*

⁽²⁾ Въ *Two treatises of government*, II. Cap. 5, гдѣ Локкъ изслѣдуетъ происхожденіе частной собственности и доказываетъ, что только человѣческой трудъ дѣлаетъ годными дары природы и что, слѣдовательно, онъ понуждаетъ къ частной собственности и сообщаетъ цѣнность всѣмъ продуктамъ. Трудъ человѣка, говоритъ онъ въ § 40, опредѣляетъ различіе цѣнности предметовъ. Если мы сравнимъ одинъ акръ земли подъ табакомъ и сахарнымъ тростникомъ, или подъ пшеницею и ячменемъ, съ другимъ акромъ такой же земли, но лежащей впустѣ, то увидимъ, что увеличеніе цѣнности земли почти исключительно зависитъ отъ употребленнаго на нее труда. Я думаю, что, по самому умѣренному счисленію, $\frac{9}{10}$ собранныхъ съ земли произведеній принадлежатъ труду человѣка. Мало того, если мы подробно разберемъ цѣнность предметовъ, находящихся въ нашемъ пользованіи, для того, чтобы узнать, чѣмъ обязаны мы исключительно природѣ и чѣмъ обязаны труду, то найдемъ, что $\frac{99}{100}$ издержекъ исключительно приходятся на долю одного труда.

⁽³⁾ *William Petty: Treatise of taxes and contributions*. 1679.

⁽⁴⁾ *Tables of the bees, or private vice publick benefit*. London 1714.

⁽⁵⁾ Въ древности начало раздѣленія труда весьма ясно высказано было многими писателями, а именно: Платономъ: *De re publica* II, 370; Ксенофонтомъ: *Cyropaed.* VIII, 2, 5. Ср. мое сочиненіе: *Xenophontis et Aristotelis de oeconomia publica doctrinae*, P. I. Marburgi 1845. 4. pag. 13.

тами⁽⁶⁾, написанными съ изумительною ясностью и остроуміемъ, и далъ ему, конечно, самый сильный толчекъ. Но про какого геніальнаго человѣка въ наукѣ нельзя сказать того же самаго?

Во всякомъ случаѣ, въ исторіи политической экономіи Смитъ занимаетъ такое же мѣсто, какое Кантъ занимаетъ въ исторіи философіи. До появленія Канта, источниками для познанія истины считали: одни — природу или опытъ, другіе — внутренняго человѣка или разумъ, и такимъ образомъ создали: первые — эмпиризмъ, а вторые — догматизмъ. Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“ впервые изслѣдовалъ способности людей къ познанію истины. Точно также съ Адама Смита исключительными источниками общественнаго богатства считали сначала самого человѣка и его искусство, а потомъ природу, и Адамъ Смитъ первый изслѣдовалъ экономическія способности человѣческаго общества. Но что придаетъ творенію Смита совершенно особенное значеніе, — это ясный пластическій способъ изображенія. Какъ Юстусъ Мёзеръ въ своихъ патріотическихъ фантазіяхъ, онъ развиваетъ всѣ общія положенія свои изъ превосходно выбранныхъ фактовъ и постепенно ведетъ читателя изъ глубины дѣйствительной жизни на высоту отвлеченныхъ ученій, а потомъ опять низводитъ его въ самую жизнь, раскрывая передъ нимъ свои, въ высшей степени поучительныя, историческія изслѣдованія.

(6) David Hume: Essays moral political and literary. Edinb. 1742. Это сочиненіе, передѣланное и дополненное, вышло потомъ подъ заглавіемъ: Essays and treatises on several subjects. London 1753. 4 vol. Статьи, прямо относящіяся къ политической экономіи, вошли въ нѣмецкій переводъ Хр. Якова Крауза (Vermischte Schriften, Königsberg, 1813, B. 7).

§ 4.

Ученики Адама Смита.

Твореніе Смита, явившееся въ 1776 г. ⁽¹⁾, за пять лѣтъ до Кантовой „Критики чистаго разума“, переведенное почти на всѣ живые языки Европы и пережившее до конца прошлаго столѣтія десять оригинальныхъ изданій, служило въ первые двадцать лѣтъ предметомъ одного изумленія и не было понято современнымъ ему поколѣніемъ. Уже позже явились комментаріи на него, популярныя извлечения, систематическія передѣлки и другіе труды ⁽²⁾, имѣвшіе цѣлью распространить новое ученіе, и только въ нынѣшнемъ сто-

(1) An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, by Adam Smith. 2 voll. London 1776.

(2) Сюда относятся слѣдующія важнѣйшія сочиненія: Въ *Англии*: *Иеремія Джойсѣ*, A complete analysis of Adam Smith's inquiry etc. London 1797. — Во *Франціи*: Комментаріи *Кондорсэ* къ французскому переводу Смитова сочиненія, изданныя *Жаномъ Антуаномъ Рушэ*, въ Парижѣ 1790; Примѣчанія *Жозефа Гарнье* къ собственному переводу Смита, Paris 1802, 5 vol. и 1822, 6 vol.; *Жанъ-Батистъ Сэ*, Traité d'économie politique etc. Paris 1803. — Въ *Германиі*: *Г. Сарторій*, Handbuch der Staatswirthschaft, Berlin 1796; — Von den Elementen des National-Reichthums und von der Staatswirthschaft, nach Adam Smith, Gött. 1806. — Abhandlungen, die Elemente des Nationalreichthums und die Staatswirthschaft betreffend. I Theil, Gött. 1806; — *А. Ф. Людеръ*, Ueber National-Industrie und Staatswirthschaft, nach Adam Smith bearbeitet. Berlin 1800—1804. 3 Th. — Die National-Industrie und ihre Wirkungen. Braunschweig 1808. — *Е. Г. Фонъ-Якобъ*, Grundsätze der National-Oeconomie oder National-Wirthschaftslehre. Halle 1805. — *І. Краузъ*, Staatswirthschaft, изданное по смерти автора *Г. Ф. Ауерсвальдомъ*, въ Кенигсбергѣ, 1808—1811. 5 частей. — Aufsätze über staatswirthschaftliche Gegenstände. Königsberg 1808. 2 Th.

лѣтїи критика ⁽³⁾ осмѣлилась коснуться нѣкоторыхъ отдѣльныхъ взглядовъ его, пополнила оставленные въ немъ великимъ творцемъ пробѣлы, или передѣлывала отдѣльныя положенія, которыя противорѣчили новымъ фактамъ. При этомъ каждый народъ поступалъ по своему, такъ что въ Смитовыхъ ученикахъ мы узнаемъ ихъ различный національный характеръ. Французы представили самыя ясныя и остроумныя изложенія цѣлой системы для поученія всѣхъ образованныхъ сословій Европы, и многое улучшили и дополнили въ ней новыми соображеніями ⁽⁴⁾. Англичане смотрѣли на нее со стороны ея практической примѣнимости и изслѣдовали отдѣльныя ученія, на основаніи своего богатаго опыта ⁽⁵⁾. Нѣмцы передѣлывали преимущественно

⁽³⁾ Первый значительный разборъ принадлежитъ *Лаубердэлю*, An inquiry into the nature and origin of public wealth and into the means and causes of its increase. Edinb. 1804. Нѣмецкій переводъ *Г. Фонъ-Шёна*. Берлинъ 1808.

⁽⁴⁾ Важнѣйшія изъ нихъ суть: *Ж. Б. Сэ*, который въ новыхъ изданіяхъ выше названнаго сочиненія включилъ въ понятіе о богатствѣ также и невещественныя цѣнности, природныя и пріобрѣтенныя таланты людей, и рядомъ съ производительностью человѣческаго труда указалъ гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, также и на производительность природы. — *Сим. де-Сисмонди*, De la richesse commerciale ou principes de l'économie politique appliqués à la législation du commerce. Genève 1803. 2 Т. и Nouveaux principes d'économie politique. Paris 1819. 2 Т. Онъ указываетъ въ этихъ сочиненіяхъ на значеніе матеріальнаго богатства для общественнаго благосостоянія и приписываетъ государству болѣе положительное вліяніе на народное богатство, въ особенности на равномерность распределенія цѣнностей. Въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ онъ примыкаетъ болѣе къ социализму.

⁽⁵⁾ Сюда относятся особенно *Роб. Мальтусъ*, An essay on the principle of population. London 1806, и *Рикардо*, Разныя сочиненія. См. § 5 и многочисленныя сочиненія *Р. Торренса*.

основныя философскія начала политической экономіи ⁽⁶⁾ и составили важнѣйшія руководства для университетовъ и систематическіе учебники ⁽⁷⁾. Впрочемъ, въ послѣднія десятилѣтія и въ Германіи не было недостатка въ самостоятельныхъ и основательныхъ спеціальныхъ трудахъ. А именно: Небеніусъ ⁽⁸⁾ и Баумштаркъ ⁽⁹⁾ посвятили основательныя изслѣдованія ученію объ общественномъ кредитѣ, Германнъ ⁽¹⁰⁾ — ученію о цѣнѣ и капиталѣ и Фонъ-Тюненъ ⁽¹¹⁾ — отношенію между различными системами земледѣлія и цѣнамъ земледѣльческихъ произведеній. Съ практической точки зрѣнія, I. Г. Гоффманъ написалъ истинно-образцовыя монографіи о деньгахъ, о налогахъ и условіяхъ ремесленности.

§ 5.

Давидъ Рикардо.

Изо всѣхъ послѣдователей Смитова ученія наиболее выдается впередъ Англичанинъ Рикардо, который съ бли-

⁽⁶⁾ См. *Г. Гуфеланда*, Neue Grundlegung der Staatswirthschaftskunst durch Prüfung und Berichtigung ihrer Hauptbegriffe. 1. Band. Giessen und Wetzlar 1807. *Ф. Евс. Лотцъ*, Revision der Grundbegriffe der Nationalwirthschaftslehre. Kob. und Leipzig 1811—1814. 4 Bd., и *К. Томасъ*, Die Theorie des Verkehrs. Erste Abth.: Die Grundbegriffe der Güterlehre. Berlin 1841.

⁽⁷⁾ Лучшіе учебники составлены: *Лотцъ*, Handbuch der Staatswirthschaftslehre. 2. Aufl. Erlangen 1837—1838. 3 Bd., и *Рай*, Lehrbuch der politischen Oeconomie, 3 Bd. Первый учебникъ отличается ясностью и выпуклостью изображенія, а послѣдній богатымъ выборомъ статистическаго матеріала.

⁽⁸⁾ Der öffentliche Credit, 2. Aufl. Karlsruhe und Baden 1829

⁽⁹⁾ Staatswissenschaftliche Versuche über Staatskredit, Staatsschulden und Staatspapiere. Heidelberg 1833.

⁽¹⁰⁾ Staatswirthschaftliche Untersuchungen. München 1832.

⁽¹¹⁾ Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationalökonomie. Hamburg 1826. 2. Aufl. 1842.

стательнымъ природнымъ остроуміемъ соединялъ богатую опытность, пріобрѣтенную имъ на рынкѣ всемірной торговли.

Подобно большей части политическихъ писателей Англіи, онъ посвятилъ свою послѣднюю литературную дѣятельность важнѣйшимъ текущимъ вопросамъ государственнаго хозяйства своего отечества, особенно вопросу объ англійскихъ банкахъ (1), и въ рѣшеніи его не только выказалъ большое умственное превосходство надъ своими противниками, но и каждымъ своимъ изслѣдованіемъ наводилъ на открытіе постоянно новыхъ общихъ политико-экономическихъ законовъ. Въ 1817 году онъ издалъ сочиненіе, которое обширнѣе всѣхъ предыдущихъ и содержитъ въ себѣ изложеніе тѣхъ началъ, въ которыхъ онъ расходился съ ученіемъ Смита. Это сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: *On the principles of political economy and taxation*, и отличается отъ Смитова творенія въ особенности своею отвлеченностью и почти математическою точностью.

Особенный взглядъ на мѣновую цѣнность и земельную ренту составляетъ тѣ начала, изъ которыхъ Рикардо выходитъ и къ которымъ онъ постоянно возвращается. Смитъ доказывалъ, что мѣновая цѣнность предметовъ опредѣляется количествомъ труда, которое въ торговлѣ можно обмѣнять на какой нибудь предметъ; Рикардо, напротивъ, доказываетъ, что, кромѣ рѣдкости предмета, мѣновую цѣнность его опре-

(1) Сочиненія его носятъ слѣдующія заглавія: 1) *The high price of bullion, a proof of the depreciation of banknotes*. London 1809. 2) *Reply to Mr. Bosanquet's practical observations on the report of bullion committee*. London 1811. 3) *An Essay on the influence of a low price of corn on the profits of stock etc.* London 1815. 4) *Proposals for an economical and secure currency etc.* London 1816. 5) *Protection to agriculture*. London 1822.

дѣляетъ еще та доля труда, которая необходима, чтобы самому произвести предметъ. Смитъ считалъ земельную ренту необходимою составною частью цѣны земледѣльческихъ произведеній, признавалъ, что рента получается со всякой земли и ставилъ ее въ зависимость частью отъ величины, а частью отъ цѣны земельного сбора. По мнѣнію же Рикардо, рента не входитъ въ цѣну земледѣльческихъ произведеній, получается не со всякой земли, а также и не зависитъ отъ величины и цѣны дохода. Скорѣе земельная рента происходитъ вслѣдствіе развитія частной собственности и то лишь тогда, когда бываетъ уже невозможно занимать и обрабатывать земельные участки по своему выбору. Увеличеніе населенія и вызванная имъ бѣлая потребность въ земледѣльческихъ произведеніяхъ заставляютъ или разводить эти произведенія на участкахъ все болѣе и болѣе худшаго качества, или все болѣе и болѣе улучшать обработку, и употреблять на землю больше труда и капитала. А такъ какъ рента состоитъ въ излишкѣ дохода надъ издержками производства, вмѣстѣ съ процентами на нихъ, то она увеличивается по мѣрѣ того, какъ воздѣлываются земли все низшаго качества, и смотря по изобилію труда и капитала, затраченныхъ на послѣдній участокъ. Этотъ послѣдній участокъ, или затраченные на него трудъ и капиталъ не даютъ ренты и доходъ съ него покрываетъ только издержки производства, вмѣстѣ съ процентами на нихъ. Напротивъ того, лучшій, или лучше обработанный участокъ приноситъ тѣмъ болѣе ренту, чѣмъ болѣе доходъ съ него превышаетъ доходъ, получаемый съ наихудшихъ, или наихуже обработанныхъ участковъ. Отсюда земельная рента каждаго участка равняется разности между доходомъ съ него и доходомъ съ самаго дурнаго, или хуже другихъ обработаннаго участка.

Основываясь на этихъ двухъ положеніяхъ, Рикардо приходитъ къ совсѣмъ иному взгляду на основныя части цѣны и на заработную плату, равно какъ на процентъ съ капитала и на бумажныя деньги, и въ заключеніе примѣняетъ результаты своего изслѣдованія, также какъ и Адамъ Смитъ, къ теоріи податей ⁽³⁾.

Отсюда видно, что уклоненія Рикардо и его школы ⁽⁴⁾ отъ Смитовой системы, хотя и весьма существенны, однако не касаются точки зрѣнія этой системы и ея основныхъ началъ; лишь нѣкоторые отдѣльные предметы ея изслѣдованы глубже и основательнѣе, такъ что великія заслуги Адама Смита, какъ основателя политической экономіи, остаются несокрушимыми.

Тоже самое, и еще въ бѣльшей степени, можно сказать и о всѣхъ другихъ послѣдователяхъ Адама Смита. Всѣ они только продолжаютъ созидать науку на томъ основаніи, какое заложилъ Адамъ Смитъ своимъ твореніемъ.

§ 6.

Односторонность Смитовой школы.

Не смотря на указанныя выше заслуги и по истинѣ всемірное историческое значеніе свое, Адамъ Смитъ и вся его школа сходятся съ своими предшественниками, мерканти-

⁽³⁾ См. паралель между А. Смитомъ и Рикардо у Баум-старка: Grundsätze der Volkswirtschaft. Leipzig 1837 — 1838 2 Bd. Стр. 263 и сл.

⁽⁴⁾ Къ послѣдователямъ Рикардо принадлежатъ: Дж. Милль, Elements of political economy. London 1821, М.-Коллохъ, Principles of political economy. Edinb. 1825, и Т. Квинсей The logic of economy. Edinb. and London 1844.

листами и физиократами, въ томъ, что они старались построить такую политико-экономическую теорію, которой законы примѣнялись бы безусловно ко всѣмъ временамъ и народамъ.

Какъ Руссо и Кантъ создали государственную и политическую школу, которая старалась построить безусловное государство, не обращая вниманія на природныя различія человѣчества и на различныя степени развитія и способностей народовъ, такъ точно Адамъ Смитъ и его приверженцы, до Росси (1) и Квинсея (2), старались вывести изъ частныхъ фактовъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ и изъ отдѣльныхъ моментовъ развитія общія безусловныя положенія и такимъ образомъ создать что-то въ родѣ всемірно-человѣческаго хозяйства (3), которое вполнѣ соответствовало раціонализму того времени.

(1) Cours d'économie politique. 3 тома. Paris 1838 и Bruxelles 1840.

(2) См. § 5, Прим. 4.

(3) Рау опровергаетъ это мнѣніе въ своемъ Архивѣ, 1843, стр. 264. Онъ говоритъ: „Самое нѣмецкое названіе науки, — Volkswirtschaftslehre показываетъ, что при обработкѣ ея имѣлись въ виду не столько явленія хозяйственной жизни всего человѣческаго рода, сколько такія явленія, которыя совершаются въ предѣлахъ какого нибудь государства. Хотя нѣкоторыя хозяйственныя явленія не ограничиваются предѣлами государствъ, а имѣютъ всеобщее значеніе какъ на примѣръ, цѣны товаровъ, однако большая часть предметовъ политической экономіи, имѣютъ противоположный характеръ, ибо они относятся къ хозяйственной дѣятельности и ея послѣдствіямъ въ предѣлахъ какой нибудь одной страны и государства, безъ обозначенія, впрочемъ, какой именно. Если не держаться этой точки зрѣнія, то зачѣмъ же было бы говорить о богатыхъ и бѣдныхъ народахъ, о ввозѣ и вывозѣ товаровъ, о количествѣ обращающихся денегъ, объ оцѣнкѣ имущества и дохода страны и о подобныхъ предметахъ? — Легко было бы доказать на многихъ сочиненіяхъ, что ученые, занимавшіеся

Они отправляются отъ того положенія, что всѣ законы народнаго хозяйства, основанные на отношеніи человѣка къ вещественнымъ цѣнностямъ, стоятъ внѣ условій времени и пространства и что они несокрушимы при всей переменчивости явленій; но при этомъ они совершенно забываютъ, что человѣкъ, какъ существо общественное, есть прежде всего продуктъ цивилизаціи и исторіи, и что его потребности, его образованіе и его отношенія къ вещественнымъ цѣнностямъ, равно какъ и къ людямъ, никогда не остаются одни и тѣ же, а географически и исторически непрерывно измѣняются и развиваются вмѣстѣ со всею образованностью человѣчества.

Впрочемъ, эта экономическая школа Адама Смита существенно отличается отъ школы Руссо и Канта тѣмъ, что она выходила не изъ философскихъ началъ, какъ физиократія,

политической экономіей, имѣли дѣло только съ имущественными отношеніями народа въ смыслѣ государственномъ, то есть съ имущественными отношеніями всей совокупности гражданъ одного государства. Наше мнѣніе подтверждается также тѣмъ, что большинство прежнихъ писателей, подобно Смиуту, ввели въ науку также и практическія изслѣдованія изъ области народо-хозяйственной политики (*Volkswirtschaftspflege*), которыя могли содѣйствовать лишь къ возвышенію благосостоянія внутри государства. Вотъ почему никакъ нельзя согласиться съ тѣми, которые признаютъ существованіе космополитическаго ученія о хозяйствѣ вмѣсто истиннаго народнаго. Но Рау нисколько не устраняетъ этимъ упрека, потому что космополитическій характеръ Смитовой школы обнаруживается не въ томъ, что она не признавала существованія государства, но въ томъ, что она распространяетъ свое ученіе одинаково на всѣ государства и народы, въ томъ, что она признаетъ государство только со стороны его внѣшнихъ предѣловъ, просто какъ отдѣлъ цѣлой массы человѣчества и приписываетъ своимъ законамъ одинаковую силу для всѣхъ странъ и народовъ.

а изъ общаго выдѣляла частности. Скорѣе она построила свою систему на совокупности наблюдений и фактовъ практической жизни. Но это различіе проистекало только изъ самаго характера науки, въ которой чисто-философское построение почти невозможно, а въ способѣ, которымъ эта школа разрѣшала свою задачу, и въ конечныхъ цѣляхъ и результатахъ, къ которымъ стремилась, она впала въ ту же ошибку отвлеченнаго космополитизма, какъ и названная политическая школа. Смитова система выдавала себя за всеобщее ученіе человѣческаго хозяйства, а на самомъ дѣлѣ была лишь выраженіемъ денежнаго хозяйства, которое только что успѣло упрочить свое господство въ Европѣ.

Сверхъ того, Смитово ученіе имѣетъ еще и другую особенность, которую оно раздѣляетъ также съ государственнымъ правомъ и со всею литературою того времени. Оно основывается на такихъ же анатомическихъ воззрѣніяхъ на человѣческое и гражданское общество и единственною цѣлью общественнаго союза считаетъ благо отдѣльныхъ лицъ. Политическому раціонализму государство представлялось какъ юридическое учрежденіе для обезпеченія свободы всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, а экономическому раціонализму экономическое общество представлялось только союзомъ, или системою отдѣльныхъ хозяйствъ, для легчайшаго и удобнѣйшаго удовлетворенія частныхъ потребностей. Первый основывалъ общество на юридическомъ, а послѣдній на торговомъ договорѣ отдѣльныхъ лицъ, и частная выгода служила въ обоихъ случаяхъ причиною и связью общественнаго союза ⁽⁴⁾.

(4) Въ народѣ, говоритъ Германнъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о государственномъ хозяйствѣ, стр. 8, существуетъ столько же хозяйствъ, сколько въ немъ лицъ, которыя самостоятельно удовлетворяютъ своимъ

Вслѣдствіе этого, и тѣ и другіе считали подати цѣною, платимою отдѣльными лицами государству за оказанныя имъ услуги, и вывели изъ этого необходимость раздѣленія податей по величинѣ доходовъ, которыми каждый гражданинъ пользуется подѣ покровительствомъ государства (5).

Возводя частную выгоду на степень высшаго начала

потребностямъ. Отсюда, съ одной стороны, хозяйство отдѣльныхъ лицъ и семействъ, корпорацій, учреждений, общинъ, округовъ, а съ другой стороны, — хозяйство государства въ тѣсномъ смыслѣ, или правительства. — *Всѣ эти хозяйства стремятся къ тому, чтобы производить и потреблять цѣнности исключительно для удовлетворенія собственныхъ потребностей.* Хозяйство правительства, или финансы, принадлежатъ къ числу такихъ же отдѣльныхъ хозяйствъ. Рау, хотя и сравниваетъ (Lehrbuch I, § 7. 8.) систему хозяйствъ съ организмомъ, однако утверждаетъ, что связь между ними основана только на эгоистическомъ стремленіи отдѣльныхъ лицъ удовлетворять свои потребности съ возможно меньшею тратою имущества и съ помощью раздѣленія труда. Эта связь, по его мнѣнію, по тому такъ и крѣпка, что она вытекаетъ изъ неодолимаго побужденія своекорыстія.

(5) Уже Гоббесъ (Elem. phil. de cive, XIII, 10) считалъ подати *emtae pacis pretium*, а Монтескьё (De l'esprit des lois, XIII, 1) называлъ ихъ одною частью имущества, которую каждый гражданинъ платитъ государству для того, чтобы безопасно пользоваться другою частью. Смитъ сравниваетъ (V, 2, 2) гражданина съ дольщикомъ во владѣніи обширнымъ имѣніемъ и думаетъ, что какъ этотъ дольщикъ, пропорціонально получаемому имъ съ имѣнія доходу, долженъ участвовать въ хозяйственныхъ издержкахъ на него, такъ и всякій гражданинъ обязанъ платить подати, соразмѣрно доходамъ, которыми онъ пользуется подѣ покровительствомъ государства. Этотъ взглядъ встрѣчается потомъ у большей части нѣмецкихъ финансистовъ, какъ, напримѣръ, у Крѣнке, Креля, фонъ-Кремера и др. Ср. I. Шёна, Die Grundsätze der Finanz. Breslau 1832, стр. 61 и сл.

экономической науки, Смитова школа порвала всякую связь между наукою и нравственною задачею человѣческаго рода, а потому не безъ основанія упрекають эту школу въ материализмъ; ибо если большая часть послѣдователей Смита, и особенно въ Германіи, отнюдь не считали матеріальное наслажденіе главною цѣлью человѣка, а напротивъ, старались въ экономической политикѣ (*Volkswirthschaftspflege*) связать частныя богатства съ высшими нравственными цѣлями и съ государственнымъ благосостояніемъ, какъ средствомъ къ нравственному совершенствованію отдѣльныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе они придавали этой части науки немалое вліяніе на самую науку о хозяйствѣ и, подобно Адаму Смиту, построили все зданіе послѣдней на одномъ всепреобладающемъ началѣ личнаго эгоизма ⁽⁶⁾. На этомъ и основывается различіе между англійскими и нѣмецкими послѣдователями Смита. Первые выходятъ изъ этого основнаго начала, что эгоизмъ всегда ведетъ къ общему благу ⁽⁷⁾; послѣдніе, на-

⁽⁶⁾ На этомъ основаніи, *К. С. Захаріэ* и другіе называютъ общую часть политической экономіи *методическимъ ученіемъ корыстолюбія и скупости*.

⁽⁷⁾ Это начало заимствовано изъ англійской нравственной филозофіи первой половины прошлаго столѣтія и въ самой рѣзкой формѣ (именно: что добродѣтель мѣшаетъ всякому общественному благополучію) было высказано *Мандевиллемъ* въ примѣчаніяхъ къ извѣстной баснѣ о пчелахъ (см. § 3 прим. 4. стр. 18). Извѣстно, что это начало легло въ основаніе и Смитовой системы. А. Смитъ высказываетъ его довольно часто и простодушно въ своихъ изслѣдованіяхъ. Такъ, на примѣръ, въ к. IV, 2 онъ говоритъ: „Каждый человѣкъ непрерывно употребляетъ всѣ свои усилія на то, чтобы какъ можно выгоднѣе помѣстить весь капиталъ, которымъ онъ располагаетъ. При этомъ онъ имѣетъ въ виду, разумѣется, одну собственную выгоду, а не выгоду цѣлаго общества. Но заботливость его о личной выгодѣ, естественно

противъ, не во всемъ признають это начало, а потому хозяйство, основанное на человѣческомъ корыстолюбіи, хотять дополнить экономической политикою (Volkswirthschafts-pflege), имѣющею въ виду общее благо ⁽⁸⁾.

Экономическая наука была для всей Смитовой школы или необходимо, заставляетъ его предпочитать именно то помѣщеніе капитала, какое въ то же время наиболѣе выгодно и для самаго общества“; а далѣе Смитъ прибавляетъ: „преслѣдуя только свою личную выгоду, каждый человѣкъ содѣйствуетъ часто выгодамъ общества гораздо прямѣе, нежели какъ онъ дѣйствительно старался бы имъ содѣйствовать“.

(8) Многіе нѣмецкіе экономисты впали въ противорѣчіе, ибо, съ одной стороны, вмѣстѣ съ англійскими экономистами, утверждали, что совокупная дѣятельность людей, поступающихъ изъ однихъ своекорыстныхъ расчетовъ, удовлетворяетъ совокупнымъ потребностямъ народа, а съ другой стороны, говорили, что народное хозяйство нуждается въ покровительствѣ государственной власти. По этому Германнъ (стр. 18) думалъ рѣшить это противорѣчіе тѣмъ, что ученіе о своекорыстіи считалъ только теоретическою частью политической экономіи, которая содержитъ въ себѣ одни законы пріобрѣтенія и обращенія частныхъ хозяйствъ, а потому сама по себѣ недостаточна; другая же часть, практическая, называемая экономической политикою, показываетъ, какъ дѣйствуетъ въ государствѣ совокупный духъ общественности. Но этимъ нисколько не разрѣшается указанное противорѣчіе, а напротивъ, только подрывается прежнее зданіе теоріи политической экономіи. Если только признать, что въ хозяйственной жизни народа вмѣстѣ съ эгоизмомъ господствуетъ духъ общественности, сдерживающій этотъ эгоизмъ и подчиняющій его нравственнымъ началамъ, то надо будетъ отвергнуть справедливость тѣхъ законовъ, которые основываются на исключительномъ господствѣ эгоизма; ибо своекорыстіе и духъ общественности не могутъ рядомъ дѣйствовать, какъ двѣ различныя силы, въ двухъ раздѣльныхъ областяхъ, а въ дѣйствительности должны, смотря по нравственному развитію и образованности народа, дѣйствовать одна черезъ другую въ различной степени.

только естественнымъ ученіемъ мѣны, въ которомъ чело-
вѣкъ признается только эгоистическою силою, дѣйствующею,
какъ и всякая другая сила природы, всегда въ одномъ и
томъ же направленіи и ведущею, при одинакихъ условіяхъ,
всегда къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ. Поэтому, въ
Германіи и Англій называли законы и правила этой школы
естественными экономическими законами и считали ихъ, какъ
и всѣ другіе законы природы, вѣчными, неизмѣнными.

Второй отдѣлъ.

Адамъ Мюллеръ и политико-экономическій романтизмъ.

§ 7.

Положеніе Адама Мюллера въ современной ему образованности.

Эпоха прозрѣнія прошлаго вѣка скоро привела, какъ извѣстно, къ противоположному направленію. Какъ въ практической жизни отдѣльныя національности Европы, исполненныя общаго стремленія къ поддержанію ихъ естественной индивидуальности и къ самостоятельному устройству ихъ самобытной государственной жизни, выступили противъ французской универсальной монархіи, такъ точно въ области духовнаго развитія выступили противъ владычества отвлеченныхъ понятій и отдѣльныхъ личныхъ убѣжденій полная разнообразія естественная дѣйствительность, противъ критическаго разума — чувствительность и личное расположеніе, а противъ творческой силы отдѣльной воли — совершенная преданность и подчиненіе человѣка разнообразнымъ общественнымъ формамъ. Что прежде приписывали человѣческой предусмотрительности, то теперь стали считать неизбѣжнымъ слѣдствіемъ верховной силы, управляющей міромъ; что прежде казалось яснымъ и естественнымъ, то стали считать удивительнымъ и сверхъ-естественнымъ. Историческое раз-

витіе поставлено выше філософскаго построенія, прошедшее выше настоящаго, народное выше общечеловѣческаго.

Такъ въ Германіи за бурнымъ критическимъ періодомъ послѣдовала литература романтизма, а за эпохою религіознаго раціонализма, порожденнаго Кантовою філософією, — періодъ положительно христіанскаго, болѣе мистическо-религіознаго воззрѣнія; равнымъ образомъ въ политикѣ теоріи конституціоннаго государства, основаннаго на космополитизмѣ, смѣнились господствомъ Галлеровыхъ началъ реставраціи, и въ области філософіи это направленіе сосредоточилось въ Шеллинговой натуръ-філософіи.

Въ экономической наукѣ, по самому характеру ея, эта противоположность началамъ прошлаго вѣка не могла развиться такъ быстро и энергически. Напротивъ, среди всеобщаго преобразованія умовъ, Смитова школа продолжала по прежнему господствовать какъ между государственными людьми, такъ и въ преподаваніи, и за исключеніемъ філософскихъ построеній Якова Вагнера (1), стоящаго со-

(1) О политической экономіи Вагнеръ говоритъ въ своемъ сочиненіи: *Der Staat* (Вюрцбургъ 1815), въ отдѣлѣ о сословіяхъ, стр. 156. Различіе сословій, по его мнѣнію, основывается на раздѣленіи труда. Все роды труда изображаетъ онъ въ слѣдующей схемѣ:

Государственный трудъ	
Торговля	Ремесла
Земледѣльческій трудъ.	
Земледѣльческій трудъ распадается на:	
Горное дѣло	
Лѣсоводство	Земледѣліе
Скотоводство.	
Ремесленный трудъ распадается на производства:	
Пищи	
Платья	Жилища
Утвари.	

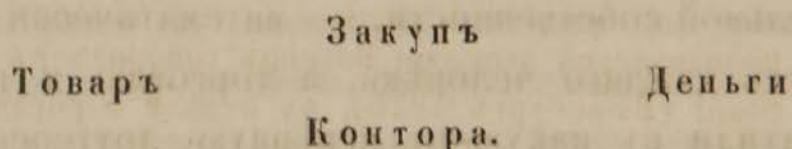
вершено одиноко въ литературѣ, только одинъ Адамъ Мюллеръ, другъ и ученикъ Фридриха Генца, задумалъ возстановить науку о народномъ хозяйствѣ на средневѣковыхъ началахъ. Не смотря на то, этотъ опытъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что онъ не только былъ первымъ своеобразнымъ проявленіемъ нѣмецкой народности въ исторіи политической экономіи, но и справедливою стороною своего ученія послужилъ источникомъ для позднѣйшихъ реакцій противъ Смитовой системы.

§ 8.

Мюллерова критика Смитовой теоріи.

Какъ въ политикѣ, Адамъ Мюллеръ ⁽¹⁾ отправляется отъ абсолютныхъ и революціонныхъ теорій о государствѣ

Эти два нисшія сословія суть производительныя сословія, а два другія — высшія, соединяющія частныя хозяйства въ одно общее хозяйство. Для торговли Вагнеръ составляетъ слѣдующую схему:



Государственный трудъ, представляющій такую же схему, изъ четырехъ частей, имѣетъ особую задачу — соединить все эти сословія въ одну замкнутую самостоятельную систему, при которой нѣтъ мѣста въ народѣ ни богатству, ни бѣдности, и при которой все, что превосходитъ достаточность частныхъ людей, принадлежитъ всему народу. Отсюда его социалистическое убѣжденіе, что надо чаще возобновлять передѣлъ собственности такъ, чтобы въ народѣ отнюдь не было ни одного бѣдняка.

⁽¹⁾ Важнѣйшее сочиненіе Адама Мюллера, которое въ одномъ письмѣ онъ самъ называетъ самымъ удачнымъ изъ своихъ трудовъ, представляютъ: лекціи *объ элементахъ государственнаго искусства*, которыя онъ читалъ въ 1808 году въ Дрезденѣ принцу веймарскому и многочисленному собранію государственныхъ людей и дипломатовъ

последнихъ столѣтій и считаетъ среднїе вѣка своимъ идеаломъ и взаимныя ленныя связи осуществленіемъ истинной свободы, такъ точно въ экономическомъ отношеніи онъ отвергаетъ систему новаго денежнаго хозяйства и называетъ всѣ теоріи государственнаго хозяйства, начиная съ меркантилизма и до самаго ученія Смитовой школы (сохраняя, впрочемъ, полное уваженіе къ основателю послѣдней), односторонними теоріями денежнаго и частнаго хозяйства, экономическими ученіями вещественныхъ цѣнностей, разстроивающими все человѣческое общество. Онъ приписываетъ имъ такое же вредное вліяніе, какъ и введенію римскаго права. И то и другое своими односторонними выводами вытѣснили изъ нашихъ государствъ всякое чувство, всякую личность, всякую религію и способствуютъ расторженію кровныхъ связей. И то и другое сокрушили духъ любви и взаимнаго довѣрія и всякое чувство общности, — уничтожили духовную связь между людьми, развивавшуюся подъ вліяніемъ средневѣковыхъ корпорацій, подъ вліяніемъ понятія о личности и неотчуждаемости земельной собственности, — математически ограничили дѣятельность каждаго человѣка, а торговлю и промышленность обратили въ какую-то невѣрную лоттерейю. Понятіе

и которыя потомъ, въ 1809 году, были напечатаны въ Берлинѣ, въ трехъ томахъ. Все, что онъ писалъ впоследствии по предмету государственнаго хозяйства, какъ то: изданная Доровомъ *Записка* его о собраніи прусскаго дворянства, составленная имъ для князя Гарденберга противъ новаго прусскаго законодательства, *Агрономическія письма*, которыя онъ вскорѣ по отъѣздѣ своемъ въ Вѣну, вслѣдъ за другомъ своимъ Генцомъ, напечаталъ въ Шлегелевомъ Нѣмецкомъ музеѣ, *Опытъ новой теоріи денегъ*, 1816 года, сочиненіе о промышленной полиціи въ отношеніи къ земледѣлію, 1824 года, различныя статьи въ его нѣмецкихъ Указателяхъ, — всѣ эти сочиненія заключаютъ въ себѣ или повторенія уже однажды сказаннаго, или только подробныя изложенія взглядовъ, содержащихся въ этой книгѣ.

объ абсолютной частной собственности, которая служить основаніемъ римскаго права и предметомъ какого-то обоготворенія въ новѣйшее время, находится въ вѣчномъ разладѣ съ идеею права, а начало частной выгоды и увеличенія чистаго дохода, лежащее въ основаніи политико-экономическихъ теорій, находится въ вѣчномъ разладѣ съ идеею политической экономіи.

Этотъ общій упрекъ Смитову ученію подкрѣпляетъ Адамъ Мюллеръ во многихъ мѣстахъ ⁽²⁾ своего сочиненія слѣдующими подробными доказательствами.

Вся Смитова теорія обращается собственно около вопроса: какой трудъ въ государствѣ дѣйствительно обогащаетъ человѣка? и въ отвѣтъ на него она признаетъ производительнымъ всякій трудъ, который создаетъ какойнибудь предметъ и имѣетъ мѣновую цѣнность. Съ этимъ вопросомъ соединяетъ она два другіе, столь же важные вопроса, а именно: какую силу и какую дѣятельность надо поддерживать въ государствѣ? и какой трудъ содѣйствуетъ прочности цѣлаго съ помощью отдѣльнаго производства? Эта школа имѣетъ дѣло лишь съ временнымъ производствомъ, съ временнымъ бытіемъ отдѣльныхъ лицъ, а не съ прочностью и поддержаніемъ совокупнаго производства, на пользу грядущихъ поколѣній. Притомъ, она занимается лишь производствомъ сырыхъ вещественныхъ, осязаемыхъ цѣнностей и исключаетъ всѣ духовныя наслажденія и продукты, а слѣдовательно все, что необходимо облагораживаетъ потребности народа и самое производство и безъ чего никакое произведеніе не можетъ имѣть цѣнности.

(2) Главныя мѣста см. въ сочиненіи объ «Элементахъ государственнаго искусства», ч. I, стр. 49 и сл., 82 и сл.; ч. II, стр. 201 и сл., 228 и сл.; ч. III, стр. 3 и сл., 26 и сл.

Смитъ не понимаетъ человѣка, какъ предмета хозяйства, какъ продукта всѣхъ продуктовъ, не понимаетъ человѣка, какъ члена народа, наконецъ, не понимаетъ его стремлений, этого единственнаго опредѣлителя всякихъ цѣнностей. Отсюда происходитъ рѣзкое противорѣчiе между его теорiей и практическимъ государственнымъ хозяйствомъ. Первая имѣетъ въ виду лишь простую механическую дѣятельность отдѣльныхъ людей; напротивъ того, правитель государства долженъ пецись о будущности народа и сообщить отдѣльнымъ производствамъ общее всѣмъ національное стремленiе и высшее гражданское значенiе; онъ долженъ утвердить всѣ частныя хозяйства на одномъ законѣ прочности и сгруппировать ихъ въ одно живое, нераздѣльное цѣлое, а потому иногда онъ бываетъ вынужденъ ограничивать торговлю запрещенiями ввоза и вывоза товаровъ.

Далѣе, Смитъ не вполне развилъ начало раздѣленiя труда. Онъ выводитъ его изъ врожденной человѣку потребности мѣны, между тѣмъ какъ это начало условливается скорѣе капиталомъ, то есть завѣщаннымъ прежними поколѣнiями запасомъ цѣнностей, который служитъ работнику ручательствомъ въ томъ, что, занимаясь какимъ нибудь отдѣльнымъ производствомъ, онъ не умретъ съ голоду. Капиталь представляетъ именно силу, соединяющую въ одно всѣ разнообразныя операцiи, на которыя распадается промышленность, вслѣдствiе раздѣленiя труда, — силу, составляющую главное условiе и необходимое равновѣсiе во всякомъ раздѣленiи. Слѣдовательно, Смитово ученiе о раздѣленiи труда надо дополнить другимъ ученiемъ — о соединенiи труда, безъ котораго это раздѣленiе истребляетъ послѣднiе остатки народнаго капитала.

Наконецъ, Смитъ признаетъ только одинъ родъ капитала — вещественнаго. Но вмѣстѣ съ нимъ существуетъ

другой, по крайней мѣрѣ столько же важный, или еще важнѣе, капиталъ духовный.

Первый выражается и развивается въ деньгахъ, а послѣдній въ языкѣ. Въ языкѣ растетъ капиталъ народной мудрости, опыта и мысли; онъ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и составляетъ во всякое время сильнѣйшій рычагъ народнаго хозяйства, который въ послѣднія столѣтія почему-то оставленъ почти безо всякаго вниманія. Между тѣмъ какъ въ средніе вѣка умственнымъ капиталомъ народа руководило духовенство и дѣлало его плодотворнымъ для всѣхъ, нынѣ въ литературѣ современной Германіи исключительно господствуетъ такое же одностороннее начало раздѣленія труда, какъ и въ экономической теоріи, а потому она сдѣлалась чуждою народной жизни. Въ ея разсѣянныхъ ученыхъ трудахъ не видать того общаго основанія народнаго опыта и исторіи, которое связывало бы ихъ живою связью съ народною жизнью, а потому вся неизмѣримая дѣятельность настоящаго пропадаетъ даромъ отъ этого недостатка общихъ основаній.

§ 9.

Взглядъ Мюллера на относительное значеніе Смитовой теоріи для Англій и на непримѣнимость ея для материка Европы.

Вся Смитова теорія составляетъ, по мнѣнію Мюллера, одностороннее ученіе британской промышленности и денежнаго хозяйства и не приноситъ никакого вреда той странѣ, въ которой она возникла, потому что ленное право и внутренняя связь между частями цѣлаго, существуютъ тамъ въ полной силѣ и обезпечены образцовымъ политическимъ устройствомъ государства, потому что въ Англій законы строгой частной собственности не навязаны народу извнѣ, а выросли сами на отечественной почвѣ. Англія передъ всѣми другими

европейскими государствами имѣеть ту характеристическую особенность, что она обладаетъ громаднымъ національнымъ капиталомъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, капиталомъ, состоящимъ въ законахъ, нравахъ, народной славѣ, кредитѣ и т. д.; этотъ капиталъ, со всѣхъ сторонъ огражденный моремъ, даетъ возможность примѣнить законъ раздѣленія труда въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и невидимо поддерживаетъ единство между частями цѣлаго. Притомъ, Англія — словно громадный городъ Европы, который снабжаетъ всю твердую землю произведеніями своего труда и въ которомъ поэтому возможно и необходимо самое обширное раздѣленіе занятій.

Но все это показываетъ, что другія государства не могутъ взять себѣ за образецъ ни Смитову теорію, ни англійское устройство. Великобританія осуществляетъ собою назначеніе городской, а государства твердой земли сельской жизни, а въ сельскомъ хозяйствѣ Смитово начало раздѣленія труда находитъ себѣ также мало примѣненія, какъ и въ занятіяхъ наукою и искусствами. Въ земледѣліи трудъ служитъ землѣ, между тѣмъ какъ въ городскомъ хозяйствѣ онъ господствуетъ надъ нею и только временно распадается на меньшаго размѣра отдѣльныя, слѣдующія одна за другою операціи; въ деревнѣ господствуетъ не текучій и подвижный, а твердый и неподвижный элементъ хозяйства, который Адамъ Смитъ совершенно упускаетъ изъ виду.

Слѣдовательно, государства твердой земли нуждаются въ совершенно иной, гораздо обширнѣйшей системѣ хозяйства и въ такомъ ученіи, въ которомъ бы всякая односторонность была уничтожена или пополнена и въ которомъ, вмѣсто мѣновой цѣнности хозяйственныхъ предметовъ, выступалъ бы впередъ ихъ гражданскій и національный характеръ, вмѣсто односторонняго производства — гармоническое развитіе на-

ціональнаго производства и національныхъ стремленій, вмѣсто всѣхъ отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ и частныхъ производствъ — дѣйствительное національное богатство и развитіе національныхъ силъ, — въ такомъ ученіи, которое вмѣстѣ съ раздѣленіемъ обнимало бы собою и національное сосредоточеніе труда, вмѣстѣ съ вещественнымъ и духовный капиталъ народа.

§ 10.

Взглядъ Мюллера на государство.

Изъ этого разбора Смитовой системы уже видно, что въ основаніи собственной экономической теоріи Мюллера лежитъ не дѣятельность частныхъ лицъ, но понятіе о государствѣ, о національномъ союзѣ, а потому мы должны изложить здѣсь его ученіе о государствѣ.

Это ученіе представляетъ чрезвычайно остроумное сочетаніе политическихъ началъ классической древности съ началами среднихъ вѣковъ, сочетаніе, сложившееся подъ вліяніемъ Шеллинговой философіи и юридическихъ воззрѣній Борка. У древности заимствовалъ Мюллеръ понятіе и задачу государства, а у среднихъ вѣковъ — его содержаніе.

Человѣка онъ считаетъ, подобно Аристотелю, *соціальнымъ животнымъ* (*ζῷον πολιτικόν*), который внѣ государства совершенно немыслимъ. Между гражданскимъ и человѣческимъ существованіемъ лица онъ не знаетъ никакого различія. Государство не есть простое юридическое учрежденіе, не есть отдѣльная отрасль человѣческой образованности, но обнимаетъ всю совокупность человѣческихъ отношеній и несетъ свою цѣль въ самомъ себѣ. Семейство, наука и всѣ созданія человѣческаго духа должны въ немъ имѣть свои корни и въ немъ развиваться. „Человѣкъ теряетъ все, говоритъ Мюллеръ, коль скоро онъ не чувствуетъ

общественной связи, или государства. Государство есть потребность всѣхъ потребностей, потребность сердца, духа и тѣла; безъ государства человѣкъ не можетъ слышать, видѣть, думать, чувствовать, любить; однимъ словомъ, человѣкъ не мыслимъ иначе, какъ въ государствѣ.“

Но этому государству, обнимающему собою, въ смыслѣ древности, всю человѣческую жизнь, Мюллеръ приписываетъ германское происхожденіе. Онъ выводитъ его изъ нѣмецкой свободы и считаетъ его органическимъ національнымъ продуктомъ, который, какъ провозвѣстникъ мира, вырастаетъ изъ непрерывнаго столкновенія различныхъ родовъ личной свободы, но не непосредственно, а чрезъ множество посредствующихъ членовъ, чрезъ цѣлый рядъ корпорацій и отдѣльныхъ состояній, существовавшихъ въ феодальномъ государствѣ среднихъ вѣковъ, такъ что на каждой ступени развитія, вплоть до самаго государства, изъ непрерывныхъ противоположностей постоянно вырабатывается такое среднее состояніе, въ которомъ всѣ эти противоположности примиряются и тѣмъ самымъ осуществляютъ миръ и истинную свободу.

Каждое такимъ образомъ выросшее государство естественно отличается отъ всѣхъ другихъ государствъ и отдѣляется отъ нихъ живыми границами. Оно несетъ въ себѣ свое особенное жизненное начало, ибо природа создаетъ не однородныя понятія, а идеи, разсѣянныя повсюду въ ея разнообразныхъ твореніяхъ. Цѣль этого разнообразія состоитъ въ томъ, чтобы безпрестанно поддерживать треніе и взаимодѣйствіе между всѣми государствами, дабы каждое изъ нихъ могло проявлять себя, какъ живое существо, и не только сохранять въ цѣлости свою самобытность, но и расширяться во всѣ стороны, и чтобы изъ этого непрерывнаго взаимодѣйствія происходило всегда естественное возрастаніе всѣхъ государствъ.

Общее свойство всѣхъ этихъ разнородныхъ государствъ состоитъ въ томъ, что они возникаютъ и растутъ, что они связываютъ всѣхъ людей, живущихъ не только въ одно время но и на одномъ пространствѣ, и всѣ слѣдующіи другъ за другомъ поколѣнія, и что каждое изъ этихъ государствъ отъ первыхъ своихъ зародышей и до конца жизни образуетъ одно единое цѣлое. Отсюда каждое государство можно познавать только въ его движеніи и развитіи; оно представляетъ собою не какое нибудь понятіе, а только живую идею, которая сама подвижна и которая должна быть не изучена, а пережита. Отсюда въ государственной практической жизни надо руководствоваться не частною выгодною одного человѣка и не мгновенною выгодною цѣлаго, а только постоянною выгодною этого цѣлаго въ ея продолженіи. Каждое живущее поколѣніе, каждый государственный человѣкъ должны всегда согласовать настоящее съ прошедшимъ и всегда одинаково имѣть передъ глазами то и другое. При этомъ только условіи государство можетъ совмѣстить въ себѣ элементъ постоянный и неподвижный съ элементомъ подвижнымъ, безпрестанно развивающимся, то есть элементъ производства съ элементомъ сохраненія существующаго. Въ общественномъ устройствѣ всѣхъ народовъ эти два элемента олицетворяются въ семействѣ. Какъ юность всегда олицетворяетъ собою развивающійся элементъ, старость — элементъ задерживающій развитіе, мужской полъ — производительность, а женскій — сохраненіе существующаго, такъ точно и въ каждомъ здоровомъ государствѣ эти четыре элемента олицетворяются въ различныхъ сословіяхъ, какія были въ средніе вѣка, а именно: въ ученомъ, военномъ, среднемъ и торговомъ, или въ духовенствѣ, дворянствѣ, мѣщанствѣ и купечествѣ. Эти четыре сословія преслѣдуютъ свои разнородныя цѣли совершенно независимо одно отъ другаго и своими противо-

положностями водворятъ гармонію и миръ въ цѣломъ государствѣ.

§ 11.

Главныя экономическія положенія Мюллера.

Такъ понимаетъ Мюллеръ государство. Хозяйство, вмѣстѣ съ юридическимъ бытомъ, составляетъ существеннѣйшую часть его содержанія. Какъ въ борьбѣ между свободою и рабствомъ, въ борьбѣ стремленій народа къ независимости отъ другихъ народовъ, вырабатывается живой законъ, такъ точно изъ борьбы взаимныхъ желаній, изъ борьбы потребностей съ препятствіями рождается дѣятельность, постоянно расширяющаяся, рождается трудъ, на которомъ основывается хозяйство народа. Но всякій частный трудъ есть только одинъ актъ отдѣльнаго органа государства, въ цѣломъ же государствѣ совершается національный трудъ и сглаживаются національныя стремленія и производства.

Національное богатство состоитъ не изъ массы однѣхъ произведенныхъ цѣнностей, но также изъ лицъ и предметовъ, по скольку вмѣстѣ съ индивидуальными свойствами выработались ихъ политическія и гражданскія свойства, вмѣстѣ съ личною и ихъ общественная цѣнность, въ силу которой они становятся предметомъ національныхъ потребностей. Національное производство усиливаетъ гражданскій характеръ цѣнностей и создаетъ продуктъ всѣхъ продуктовъ — общественную связь, которая одна обезпечиваетъ прочное существованіе каждому отдѣльному производству. Поэтому, чистый доходъ можетъ иногда оставаться неизмѣннымъ, а между тѣмъ національное производство и національное богатство могутъ увеличиваться, или уменьшаться.

Свойство, въ силу котораго всѣ члены общества, всѣ лица, равно какъ и вещи, получаютъ цѣнность для госу-

дарства и могутъ вступать въ связь съ прочими лицами, Мюллеръ называетъ деньгами. Такимъ образомъ не только одни благородные металлы, или какой-нибудь другой товаръ, имѣющіе это свойство, получаютъ истинный характеръ денегъ, но и самый человѣкъ все болѣе и болѣе получаетъ значеніе денегъ, по мѣрѣ того, какъ онъ развиваетъ свои техническія и духовныя способности на пользу общаго блага и для удовлетворенія общественныхъ потребностей. На этомъ основаніи, Мюллеръ даетъ совершенно различное отъ Смита опредѣленіе цѣнности въ употребленіи и цѣнности мѣновой (Gebrauchs- и Tauschwerth), опредѣленіе, одинаково распространяемое имъ на всѣ лица и предметы. Первая есть цѣнность индивидуальная, послѣдняя, напротивъ, общественная или политическая. Мѣрою всѣхъ истинныхъ цѣнностей служатъ деньги въ указанномъ смыслѣ слова.

Главными условіями всякаго производства служатъ четыре элемента: земля, трудъ, капиталъ вещественный и капиталъ духовный. Земельная собственность, по своей зависимости отъ законовъ природы, есть элементъ задерживающій, элементъ прочности, трудъ же — элементъ подвижный, а капиталъ, представляющій собою все прошедшее народа, соединяетъ въ себѣ свойства этихъ обоихъ элементовъ; онъ можетъ такъ же легко ускорять, какъ и задерживать производство. Эти четыре элемента соотвѣтствуютъ элементамъ семейства и ведутъ къ четыремъ необходимымъ основнымъ занятіямъ, на которыя распадается нормальная экономическая жизнь всякаго народа, и къ четыремъ названнымъ выше сословіямъ. Производительная сила природы соотвѣтствуетъ началу женскому и ведетъ къ дворянству, а трудъ соотвѣтствуетъ началу мужскому и ведетъ къ городскому сословію. Торговое сословіе, располагающее вещественнымъ капиталомъ, соотвѣтствуетъ юности, а духовенство, дѣйствующее съ

помощью духовнаго капитала, соотвѣтствуетъ старчеству. На этомъ различіи элементовъ національной хозяйственной жизни основывается національное раздѣленіе труда, а потому между ними должны существовать всегда полная равномерность отношеній и самое живое взаимодѣйствіе, дабы народный трудъ, распавшись на свои составныя части, соединялся снова въ одно органическое цѣлое.

Вся эта необходимая гармонія и внутреннее равновѣсіе въ хозяйствѣ исчезли съ наступленіемъ новыхъ вѣковъ, „когда Индія возстала изъ моря, а Римъ и Греція изъ пыли, и когда компасъ, порохъ и печать послужили средствами къ безмѣрному увеличенію вещественнаго капитала“. Раздѣленіе труда на отдѣльныя операціи сдѣлалось душою всякаго производства. Владычество вещественнаго капитала унизило трудъ до степени простаго механизма, а землю, которая по самой природѣ своей должна всегда нераздѣльно переходить отъ одного семейства къ другому, оно стало дробить на части, какъ простой оборотный капиталъ, и такимъ образомъ это владычество лишило весь міръ его прежней необходимой связи. Короче сказать, съ этого времени „водворился тотъ исключительный порядокъ вещей, сущность котораго изобразилъ намъ Адамъ Смитъ въ своей теоріи, и который впоследствии экономисты ставили въ примѣръ нормальнаго положенія вещей“.

Правда, это владычество вещественнаго капитала надъ всѣми другими элементами принесло свои выгоды: оно открыло для человѣка новое, безконечное, поле дѣятельности и сокрушило преграды, стѣснявшія горизонтъ древней христіанской Европы и исторически отторгло христіанство отъ греческой древности. Но утрата чувства національности, мгновенное извращеніе всей политической жизни — вотъ какую страшную цѣною куплены были блага, которыя

обществу еще только обѣщаетъ будущее. Задача новой науки народнаго хозяйства заключается въ томъ, чтобы возстановить естественное равновѣсіе между названными элементами и сословіями, возвратить каждому человѣку его прежнія естественныя права, а особенно, утвержденіемъ прежняго преобладанія духовенства въ Европѣ, возстановить духовный капиталъ въ новомъ, еще большемъ блескѣ, и такимъ образомъ создать новые средніе вѣка, еще въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ они были прежде.

§ 12.

Разборъ экономическихъ положеній Мюллера.

Изложенное нами сейчасъ въ существеннѣйшихъ положеніяхъ экономическое ученіе Мюллера имѣетъ то несомнѣнное преимущество, что оно, въ противоположность механическому и матеріальному пониманію гражданскаго общества, отъ котораго отправлялся Адамъ Смитъ, энергически отстаиваетъ необходимость политическаго и нравственнаго единства и значеніе духовной образованности въ хозяйствѣ народовъ, и что оно помимо отвлеченныхъ теорій указываетъ на исторію и на необходимость признать прочность и обезпеченіе общества главными условіями всякаго частнаго хозяйства. Поэтому оно вполне справедливо, если весь матеріальный міръ цѣнностей и частную собственность приводитъ въ связь съ нравственною идеею государства и старается ввести въ политическую экономію понятіе о соціальной, или политической цѣнности. Но, не смотря на это, основныя начала Мюллерова ученія не имѣютъ никакой научной состоятельности. Они представляютъ собою такую же рѣзкую односторонность, какъ и ученіе Смитовой школы, только въ противоположномъ направленіи. Мюллеръ, подобно классической древности, понимаетъ человѣка только какъ члена

государства, какъ сосудъ общихъ идей, и упускаетъ изъ виду, что каждый отдѣльный человѣкъ въ государствѣ сознательно несетъ въ себѣ собственный самостоятельный міръ. Какъ Адамъ Смитъ оторвалъ человѣка отъ нравственной идеи общности и признавалъ цѣлое только какъ сумму отдѣльныхъ лицъ, такъ точно Мюллеръ оторвалъ цѣлое отъ его богатаго содержанія, отъ составляющихъ его творческихъ индивидуальностей, и признаетъ отдѣльнаго человѣка лишь на столько, на сколько онъ нуженъ для государства.

Къ этому надо присоединить еще другое рѣзкое противорѣчіе между идеею о государствѣ и содержаніемъ, какое Мюллеръ даетъ этому государству. Съ одной стороны, онъ требуетъ, согласно древнему воззрѣнію, чтобы человѣкъ поглощался государствомъ, а съ другой, наполняетъ это государство всѣми неподвижными феодальными элементами, при которыхъ не можетъ быть никакой нравственной государственной власти, никакого общаго государственнаго сознанія, которое могущественно сплачивало бы въ одно всѣхъ членовъ государства; онъ наполняетъ его такими элементами, которые по самой природѣ своей противодѣйствуютъ силѣ, поддерживающей всѣ части цѣлаго въ постоянной гармоніи. Мюллеръ старается построить на германской свободѣ людей нѣчто невозможное, потому что онъ соединяетъ всѣ свободы въ замкнутыя эгоистическія братства, которыя, не будучи сдерживаемы никакою третьею силой, постоянно противодѣйствуютъ единству. Если, съ одной стороны, мы должны признать политическія преимущества среднихъ вѣковъ и, на основаніи изученія нѣмецкаго права и исторіи, согласиться съ Мюллеромъ въ томъ, что со времени введенія римскаго права вымерли въ нѣмецкомъ народѣ всякая самостоятельность и всякій политическій интересъ, то, съ другой сто-

роны, мы не видимъ въ среднихъ вѣкахъ того государства, которое Мюллеръ выставляетъ своимъ идеаломъ. Нѣмецкія государства того времени представляли рѣзкое противорѣчіе древнему государственному устройству именно тѣмъ, что они, вслѣдствіе господствовавшего въ нихъ начала высшей личной свободы, не знали никакого публичнаго права, а знали только права отдѣльныхъ лицъ, и тѣмъ, что они знали только множество рядомъ и другъ надъ другомъ стоявшихъ помѣщиковъ, общинъ, корпорацій и орденовъ, которые, не связанные никакою общею политическою связью, едва сдерживались какими-то частными отношеніями и договорами. Въ нихъ господствовалъ тотъ же общій разладъ, то же необузданное соперничество нисшихъ политическихъ элементовъ и силъ, какой господствуетъ въ современной промышленности. Господство сильнаго надъ слабымъ и безграничная сила побѣдителя нигдѣ не были сдерживаемы одною управляющею властью государства; напротивъ, все росло подъ безсильными государственными учрежденіями, какъ деревья въ лѣсу. Въ чемъ сохранялись еще свѣжія силы, то было велико и сильно, а слабое было до смерти заглушено сильнѣйшимъ.

Мюллеръ совершенно упустилъ изъ виду рѣзкое различіе между естественнымъ и денежнымъ хозяйствомъ и внутреннюю связь ^{нравъ} послѣдняго со всѣмъ феодальнымъ бытомъ. Ему недостаетъ особенно основательнаго историческаго пониманія и, не смотря на его богатые дарованія, мнѣнія его не вездѣ опредѣленны и ясны. Поэтому мы встрѣчаемъ у него много неточнаго, смутнаго (1), множество противорѣчій,

(1) Сюда относится прежде всего поставленное имъ различіе между понятіемъ и идеею, которое онъ такъ часто повторяетъ безо всякой нужды и которое нигдѣ достаточно не опредѣляетъ. Если онъ въ

которыя скрываются подъ блестящею формою его изображеній. Онъ взываетъ къ исторіи противъ мертваго пониманія государства и раціоналистическаго построенія государствъ, а въ тоже время самъ отрицаетъ исторію цѣлыхъ трехъ послѣднихъ столѣтій. Онъ требуетъ, чтобы каждый государственный человѣкъ понималъ общественную жизнь въ ея движеніи и возрастаніи и вполне отдался возвѣщенному имъ національному развитію, а между тѣмъ отвергаетъ періоды историческаго развитія, которыхъ онъ самъ былъ произведеніемъ. Онъ хочетъ сокрушить противоположность между теоріею и практикою и выступаетъ противъ практической жизни всѣхъ современныхъ государствъ. Онъ ратуетъ противъ пренебреженія духовнымъ національнымъ капиталомъ и противъ науки о народномъ хозяйствѣ и не хочетъ ничего знать объ исполинскихъ успѣхахъ, какіе наука совершила въ Европѣ со времени Бэкона. Онъ требуетъ, чтобы наука имѣла національный характеръ и находилась въ живой связи со всею народною жизнію, а самъ открываетъ ее въ средневѣковомъ духовенствѣ, которое никогда не употребляло народнаго языка. Онъ требуетъ отъ всѣхъ экономическихъ производительныхъ силъ тѣснаго союза и національной согласной дѣятельности и находитъ осуществленіе ихъ въ среднихъ вѣкахъ, въ которые привилегіи и торговыя преграды всякаго рода дѣлали невозможнымъ всякое живое взаимодѣйствіе производительныхъ силъ.

Ученіе Мюллера есть субъективная и совершенно анти-историческая идеализація одного отдѣла исторіи, который

своей полемикѣ, открывшейся противъ выраженія его: *понятіе*, разумѣетъ подъ идеею духъ, существующій и развивающійся въ явленіяхъ дѣйствительности, то все-таки никакъ нельзя понять, почему человѣкъ имѣетъ о такой идеѣ не понятіе, а идею.

произвольно вырванъ изъ цѣлой исторіи и жизненныя формы котораго давно уже утратили душу, а такъ какъ Мюллеръ распространяетъ свою схему одинаково на всѣ народы и на всѣ времена, то его система такъ же мало свободна отъ упрека въ космополитизмъ, какъ и система Смита. Удивительно ли послѣ этого, что ему не удалось доставить своему ученію бóльшаго успѣха, чѣмъ какой оно имѣло ⁽²⁾, а не достигло оно этого успѣха по тому, что свои практическія требованія, какъ напримѣръ, возстановленіе помѣщичьяго права, барщины, строгаго цеховаго устройства, Мюллеръ предъявилъ въ такое время, когда нужда убѣдила Германію въ совершенно противоположномъ. Только сокрушивъ послѣдніе остатки отъ среднихъ вѣковъ, освободивъ крестьянъ отъ барщины и тягостей, введя свободу промышленности и раздробленіе земельной собственности и

(2) Между современниками Мюллеръ имѣлъ мало приверженцевъ. Кромѣ Александра Марвица, прославленнаго Фр. Листомъ, сторонникомъ Мюллера выступилъ трудолюбивый историкъ, изъ партіи ультрамонтановъ, *фонъ-Шюцъ*, который напечаталъ въ Шлегелевомъ Музеѣ посланіе къ Мюллеру. Въ этомъ посланіи онъ не только провозгласилъ всю землю совокупною собственностью человѣчества, отрицалъ справедливость частнаго владѣнія землею и признавалъ только ленную форму владѣній, но и возвелъ трехпольную систему хозяйства къ божественной троичности. Хотя *Генцъ* признавалъ оригинальную теорію Мюллера совершенно справедливою, однако отдѣльныя, помѣщенные въ его сочиненія письма, а также многіе сохранившіеся отрывки (см. *Deutsche Vierteljahrschrift*, 1840, кн. III, стр. 73 и сл.) и особенно его статьи о деньгахъ и банкахъ, напечатанныя въ его историческомъ журналѣ 1799 года, доказываютъ, что онъ не раздѣлялъ вполнѣ взгляда Мюллера на экономическую жизнь народовъ. Въ новѣйшее время *К. Г. Брюлеманъ* въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ „*Національной системы*“ Листа (см. § 14, примѣч. 2, стр. 59) снова сослался на политико-экономическую теорію Мюллера и далъ ей опредѣленное мѣсто въ наукѣ.

признавъ могущественную силу денегъ, Пруссія какъ бы волшебствомъ вызвала къ жизни запасъ новыхъ силъ и спасла свою собственную жизнь и жизнь цѣдой Германіи; да и все финансовое управленіе большей части Европейскихъ государствъ утвердилось на денежномъ хозяйствѣ. Теперь спрашивается: можно ли было вернуться къ средневѣковому быту иначе, какъ не чрезъ самую ужасную революцію?

Третій отдѣлъ.

Фридрихъ Листъ и національная система политической экономіи.

§ 13.

Александръ Гамильтонъ, предшественникъ Листа.

Мы видѣли, какъ Мюллеръ, изъ любви къ исчезнувшему естественному хозяйству среднихъ вѣковъ и изъ ненависти къ новому денежному хозяйству, возсталъ на ученіе Смитовой школы. Теперь намъ предстоитъ говорить о другой реакціи, которая, наоборотъ, исполненная восторга передъ великими результатами денежнаго хозяйства, напала на это ученіе съ большимъ успѣхомъ, хотя и дѣйствовала тѣмъ же оружіемъ, именно о такъ-называемой національной системѣ, основанной Фридрихомъ Листомъ. Фридрихъ Листъ, въ своихъ экономическихъ стремленіяхъ, имѣлъ себѣ весьма славнаго предшественника еще въ прошломъ столѣтіи, въ лицѣ Американца Александра Гамильтона. Законодательное Сословіе сѣвероамериканской республики поручило этому опытному чело-вѣку, бывшему въ то время секретаремъ казначейства, составить записку о томъ, какими мѣрами можно поднять внутреннія мануфактуры. Эта записка была составлена въ

1791 году и напечатана на 58 страницахъ, in folio (1). Гамильтонъ начинаетъ свою записку разборомъ всѣхъ относящихся къ этому предмету теорій, — объявляетъ, что Смитова система свободной торговли исполнима только тогда, когда она одновременно принята всѣми государствами, — приписываетъ фабрикамъ бѣольшую производительность противъ земледѣлія и старается опровергнуть возраженія тѣхъ, которые утверждали, будто процвѣтаніе фабричной промышленности въ Америкѣ невозможно, вслѣдствіе недостатка капиталовъ, высокой заработной платы и низкихъ цѣнъ на земли. Въ заключеніе, онъ приходитъ къ тому выводу, что американскую промышленность надо поднять приличнымъ охранительнымъ тарифомъ, который потомъ онъ и разбираетъ по частямъ.

§ 14.

Обвиненія Листа противъ Смитовой системы и отношеніе его къ Адаму Мюллеру.

Чего Гамильтонъ добивался для Америки, того Листъ (1) хотѣлъ въ послѣднія 8 лѣтъ достигнуть для Германіи. Но онъ идетъ гораздо далѣе, ибо для подкрѣпленія своихъ практическихъ требованій противопоставляетъ Смитовой системѣ собственную политико-экономическую систему. Онъ

(1) A. Hamilton, Reports etc. presented to the house of representatives of the United-States. См. Сапторія: Предисловіе къ его Handbuch der Staatswirthschaft, 1796.

(1) См. Die Nationaloekonomie, aus dem historischen Gesichtspunkt betrachtet, въ Cotta's Deutsche Vierteljahrsschrift, 1839, I. — Ueber das Wesen und den Werth einer nationalen Gewerbsproduktivkraft, ibid. 1840, I т. — Das nationale System der politischen Oekonomie, I т., Stuttgart, 1841. — Fr. List's gesammelte Schriften, herausgegeben von L. Häusser, 3 Bd. 1850. — Das Zollvereinsblatt, сь 1843.

начинаетъ ее, какъ извѣстно, съ разбора Смитова ученія и выражаетъ свои обвиненія противъ него въ слѣдующихъ трехъ словахъ: космополитизмъ, матеріализмъ и партикуляризмъ. Въ этихъ трехъ пунктахъ онъ сходится съ Адамомъ Мюллеромъ. Оба они противопоставляютъ хозяйство народа, какъ естественной и необходимой единицы, частнымъ хозяйствамъ отдѣльныхъ лицъ; оба признаютъ и въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ тѣ же различія, какими разъобщаются между собою всѣ народы, въ противоположность къ ихъ космополитическому безразличію; оба считаютъ совокупную духовную и политическую національную силу отчасти двигателемъ, отчасти цѣлью хозяйства всякаго народа, въ противоположность къ совокупности однихъ только матеріальныхъ силъ и мѣновыхъ цѣнностей. Но всѣ эти доводы противъ Смитовой системы имѣютъ въ сочиненіяхъ Листа совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ у Мюллера⁽²⁾.

У Мюллера отдѣльное лицо поглощается народомъ, а основанный на нравственныхъ началахъ государственный союзъ составляетъ задачу и цѣль каждаго отдѣльнаго лица; у Листа же національность и государство служатъ для человѣка только средствомъ для достиженія цѣли, а задачей человѣческаго существованія остаются счастье и благополучіе отдѣльныхъ лицъ. У Мюллера взаимное треніе народовъ, даже самая война являются необходимымъ средствомъ для сохраненія въ каждомъ народѣ его самостоятельной жизненной силы; напротивъ, у Листа, всѣ экономическія и политическія тренія народовъ служатъ только временными средствами для того, чтобы достигнуть, наконецъ, вѣчнаго мира и общаго экономическаго равенства народовъ. Мюллеръ разумѣетъ подъ національною силою

(²) Ср. К. Г. Брюггеманна: *Dr. List's nationales System der politischen Oekonomie*. Berlin, 1842.

живое взаимодѣйствіе и національную совокупность всѣхъ силъ и цѣнностей; напротивъ, Листъ соединяетъ съ нею понятіе о всѣхъ отдѣльныхъ производительныхъ силахъ народа, въ противоположность къ его мѣновымъ цѣностямъ. Оба они нападаютъ на Смитово начало экономической свободы и на бюрократію новаго полицейскаго государства, но Мюллеръ — въ интересѣ возстановленія поземельной аристократіи со всѣми ея прежними правами, а Листъ — въ интересѣ возникающей денежной и фабричной промышленности. Оба они предпочитаютъ общее развитіе и постоянную выгоду народа выгодамъ минуты, но Мюллеръ — для того, чтобы снова вызвать къ жизни прежнее экономическое устройство среднихъ вѣковъ, которому положило конецъ денежное хозяйство, а Листъ — для того, чтобы повсюду водворить новое хозяйство и обезпечить ему прочное существованіе. Оба они высказываютъ въ своихъ теоріяхъ протесты противъ абстрактнаго начала свободы прошлаго вѣка, но Мюллеръ — во имя прошлыхъ и отжившихъ, а Листъ — во имя современныхъ и живущихъ національностей. Мюллеръ выступаетъ противникомъ Смитовой системы по тому, что городская фабричная промышленность годится только для одной Англіи, въ которой она восполняется сохраняющимися въ ней жизнію и духомъ среднихъ вѣковъ, а Листъ протестуетъ противъ этой системы по тому, что въ ней городская фабричная промышленность составляетъ монополію одной только Англіи. Такимъ образомъ, не смотря на одинаковый протестъ противъ Смитовой системы, оба эти писателя преслѣдуютъ совершенно противоположные интересы, и Листъ ратуетъ именно за то, что отвергаетъ Мюллеръ. Онъ порицаетъ Германію за то, что она еще слишкомъ сильно держится старины и не такъ энергически вступила на путь промышленнаго разви-

тія, а Мюллеръ, напротивъ, — за то, что она сокрушила старое и спѣшитъ усвоить себѣ англійскую промышленность.

§ 15.

Національная экономическая теорія Листа.

Листъ, какъ сказано выше, отправляется въ своей теоріи отъ понятія о народѣ и національности. Между отдѣльнымъ человѣкомъ и человѣчествомъ, говоритъ онъ, стоитъ народъ, съ своимъ особымъ языкомъ и литературой, съ своимъ особымъ происхожденіемъ и исторіею, съ своими особыми правами и обычаями, законами и учрежденіями, съ собственными правами на жизнь, самостоятельность и совершенствованіе; онъ выступаетъ какъ цѣльный организмъ, который тысячью духовныхъ связей и интересовъ сплоченъ въ одно цѣлое, для себя самого существующее и полное жизни. Человѣкъ можетъ достигнуть духовнаго образованія и производительной силы, безопасности и благосостоянія только въ народѣ и черезъ народъ; а потому для отдѣльныхъ лицъ національный союзъ есть самое могущественное средство достигнуть благоденствія. Самая цивилизація человѣческаго рода возможна только при цивилизаціи и образованіи націй, которыя, подобно отдѣльнымъ лицамъ въ государствѣ, должны, съ помощью всѣмъ имъ общаго права и законовъ, постепенно соединяться въ универсальный союзъ, указываемый разумомъ и религіею и подготовляемый самою природою.

Слѣдовательно, главная цѣль человѣческихъ стремленій должна состоять въ сохраненіи, образованіи и совершенствованіи національности, а вся экономическая жизнь народа и всѣ его частные экономическіе интересы должны быть подчинены одной политической національной цѣли.

Эта цѣль требуетъ прежде всего, чтобы хозяйство

находилось всегда въ гармоніи и взаимной связи съ политической и духовною цивилизаціею. Чѣмъ развитіе и совершеннѣе хозяйство народа, тѣмъ образованнѣе и могущественнѣе бываетъ самый народъ, и чѣмъ болѣе растетъ цивилизація и могущество народа, тѣмъ выше можетъ быть его экономическое развитіе.

Далѣе, Листъ требуетъ національнаго раздѣленія труда и національнаго соединенія производительныхъ силъ, дабы всѣ силы народа были соединены въ одно національное цѣлое и могли гармонически развиваться. Но это возможно только тогда, когда различныя поколѣнія, одно за другимъ, стремятся къ одной и той же цѣли, когда законъ соединенія силъ, представляющій въ отдѣльныхъ фабричныхъ производствахъ такіе благодѣтельные результаты, будетъ примѣненъ и къ промышленности цѣлаго народа. Не отдѣльному человѣку принадлежитъ забота о нуждахъ грядущихъ столѣтій, а народу и государству.

Слѣдовательно, національное богатство состоитъ не въ количествѣ мѣновыхъ цѣнностей, а въ многосторонности, силѣ и равновѣсіи производительныхъ силъ, и для національной цѣли гораздо важнѣе развивать эти производительныя силы, нежели производить новыя мѣновыя цѣнности. Какъ отдѣльный человѣкъ долженъ жертвовать своими частными интересами въ пользу общей цѣли народа, такъ точно всякое поколѣніе должно часто жертвовать мѣновыми цѣнностями для того, чтобы укрѣпить производительныя силы народа для его будущей дѣятельности. Изъ этого слѣдуетъ, что для науки о народномъ хозяйствѣ нужна самостоятельная теорія производительныхъ силъ, которая дополняла бы господствующую доселѣ одностороннюю теорію мѣновыхъ цѣнностей.

Въ развитомъ нормальномъ состояніи народа надо разли-

чать три главныя производительныя силы, которыя должны быть развиты равномѣрно: силу земледѣльческую, мануфактурную и торговлю. Изъ этихъ трехъ силъ могущественнѣйшее вліяніе на общее развитіе народовъ имѣетъ мануфактурная сила. Она не только возвышаетъ двѣ остальные экономическія силы народа, земледѣліе и торговлю, и лежащія въ основаніи ихъ силы природы, труда и капитала, или, какъ называетъ ихъ Листъ, естественныя, личныя и инструментальныя силы, но содѣйствуетъ, кромѣ того, развитію науки, свободы и образованія и дѣлаетъ народы въ экономическомъ и политическомъ отношеніи независимыми отъ другихъ государствъ. Исключительно земледѣльческое государство никогда не можетъ сдѣлать значительныхъ успѣховъ въ нравственномъ и умственномъ развитіи и всегда бываетъ въ зависимости отъ другихъ народовъ; оно никогда не можетъ само опредѣлить, сколько ему нужно производить, но должнò всегда ждать, сколько захотятъ купить у него другіе народы.

Къ развитію мануфактурной силы призваны только страны умѣреннаго пояса. Страны жаркаго пояса имѣютъ, въ замѣнъ того, естественную монополию для производства извѣстныхъ общепотребительныхъ произведеній земледѣлія, и такимъ образомъ между обоими поясами водворяется всегда космополитическое раздѣленіе труда и соединеніе силъ. Хотя страны жаркаго пояса, отъ этого недостатка мануфактурной дѣятельности, становятся всегда въ зависимость отъ странъ умѣреннаго пояса, однако эта зависимость не вредитъ имъ, потому что въ умѣренномъ поясѣ возникаетъ много такихъ народовъ, которые поддерживаютъ между собою равновѣсіе въ мануфактурахъ, торговлѣ, судоходствѣ и въ политическомъ могуществѣ, и не допускаютъ, чтобы кто нибудь изъ

нихъ воспользовался своимъ преимуществомъ во вредъ другимъ, менѣе могущественнымъ народамъ умѣреннаго пояса.

§ 16.

Продолженіе.

Всѣ народы умѣреннаго пояса, прежде чѣмъ достигнутъ нормальнаго экономического состоянія, проходятъ четыре ступени развитія :

- 1) періодъ пастушеской жизни, который непосредственно примыкаетъ къ состоянію естественной дикости,
- 2) періодъ земледѣлія,
- 3) періодъ земледѣльческо-мануфактурный и
- 4) періодъ земледѣльческо-мануфактурно-торговый.

Вначалѣ, земледѣліе подымается ввозомъ иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ и вывозомъ туземныхъ земледѣльческихъ произведеній и суровья. Потомъ подымаются внутреннія мануфактуры, а съ ними вмѣстѣ увеличивается и ввозъ заграничныхъ товаровъ. Въ слѣдующемъ періодѣ внутренний рынокъ снабжается уже произведеніями внутреннихъ мануфактуръ, а въ четвертомъ періодѣ начинаютъ вывозить за границу большіе запасы внутреннихъ мануфактурныхъ товаровъ и привозить оттуда иностранныя сырыя и земледѣльческія произведенія.

Каждый переходъ съ одной ступени на другую соединяется всегда съ опредѣленными условіями и предположеніями и задача государства состоитъ въ томъ, чтобы осуществить эти предположенія и такимъ образомъ довести экономическое воспитаніе народа до высшей степени развитія, то есть до вступленія его въ будущее универсальное общество. Чѣмъ болѣе развивается хозяйство народа, тѣмъ болѣе должны выступать съ своимъ вліяніемъ законная власть

и администрація. Наука о народномъ хозяйствѣ должна доставить средства, которыми довершается воспитаніе народа, и въ этомъ случаѣ она есть экономическая педагогія. Она учитъ, на основаніи исторіи и разума, что каждый народъ, кромѣ другихъ условій и средствъ, необходимыхъ ему для того, чтобы подыматься съ одной ступени развитія на другую, долженъ начинать со свободы торговли и, посредствомъ сношеній съ богатыми, образованными и промышленными народами, долженъ стремиться къ водворенію у себя внутренней мануфактурной силы. Какъ скоро, вслѣдствіе свободной торговли, народъ уже на столько разовьется въ умственномъ и политическомъ отношеніи, что можетъ самостоятельно заниматься фабричною промышленностью, то должна быть введена охранительная система, съ помощью которой мануфактурная сила достигаетъ своего полного развитія. Наконецъ, когда эта послѣдняя разовьется до того, что превзойдетъ силы другихъ народовъ, тогда опять надо возвратиться къ свободной торговлѣ.

Хотя охранительныя пошлины на нѣкоторое время и повышаютъ цѣну внутреннихъ мануфактурныхъ товаровъ, за то потомъ, вслѣдствіе внутренняго соперничества, эти товары дешевѣютъ все болѣе и болѣе, потому что вполнѣ развившаяся народная промышленность можетъ производить, въ сравненіе съ иностранною промышленностью, во столько разъ дешевле, во сколько обходятся перевозъ и торговый барышъ при вывозѣ суровья и съѣстныхъ припасовъ и при ввозѣ фабрикатовъ. Сколько народъ, вслѣдствіе тарифа, проигрываетъ въ цѣнностяхъ, столько выигрываетъ онъ въ производительныхъ силахъ, которыя даютъ ему возможность производить на будущія времена несмѣтныя количества цѣнностей. Эта потеря въ цѣнностяхъ составляетъ только плату за промышленное воспитаніе народа. Впрочемъ,

охранительный тарифъ не долженъ разъобщать совершенно одинъ народъ отъ другихъ и однимъ разомъ изгонять иностранное соперничество ; напротивъ, сначала онъ долженъ быть умѣренъ и усиливаться постепенно, вмѣстѣ съ умноженіемъ духовныхъ и вещественныхъ капиталовъ, технической ловкости и предприимчивости народовъ.

Исключительно земледѣльческими государствами представляются нынѣ только Испанія, Португалія и Неаполь ; на степени мануфактурнаго развитія находятся Германія и Сѣверная Америка ; къ послѣдней ступени развитія приближается Франція, а достигла ея вполнѣ одна только Англія.

И такъ, главный результатъ Листовой теоріи состоитъ въ томъ, что нынѣшняя Германія, для возстановленія нормальнаго состоянія, нуждается въ обширной, округленной территоріи и въ широкомъ мануфактурномъ и торговомъ могуществѣ. Для этого требуетъ Листъ системы постепеннаго охранительнаго тарифа для всѣхъ отраслей внутренней фабричной промышленности, расширенія Таможеннаго Союза до береговъ Балтійскаго и Средиземнаго морей, нѣмецкаго флота и навигаціоннаго акта и думаетъ, что онъ построилъ такую систему, которая, „какъ бы она въ свое время не казалась недостаточною, все-таки не основана на скользкихъ началахъ космополитизма, а вытекаетъ изъ самой природы вещей, изъ уроковъ исторіи и потребностей народовъ. Слѣдовательно, эта система даетъ, по его мнѣнію, возможность согласить теорію съ практикою, а политическую экономію, которая до сихъ поръ своею схоластическою высокопарностью, своими противорѣчіями и ложною терминологією, сбивала съ толку здравый человѣческій умъ, сдѣлать доступною для каждаго образованнаго человѣка“.

§ 17.

Заслуги Листа.

Одни сравнивали Листа съ Боркомъ и называли его даже экономическимъ Лютеромъ, а другіе ославили его лишеннымъ всякихъ знаній шарлатаномъ, который даже и то немного, что есть хорошаго въ его сочиненіяхъ, заимствовалъ у Мюллера и вдобавокъ еще, непонявши, выдалъ за свое. Оба эти мнѣнія преувеличены и свидѣтельствуютъ только объ односторонности партій, которыя въ жизни и въ литературѣ составились за и противъ Листова направленія. Но уже одно существованіе этихъ партій доказываетъ великую заслугу Листа. Онъ былъ первымъ нѣмецкимъ экономистомъ, который сдѣлалъ науку дѣломъ народнымъ, высказалъ дотолѣ глубоко скрывавшіяся стремленія къ національной независимости въ области хозяйства, пробудилъ экономическіе интересы народа, создалъ народныя партіи и вдохнулъ въ промышленность Германіи совокупное стремленіе къ великой національной цѣли. Онъ былъ первымъ промышленнымъ двигателемъ и народнымъ ораторомъ, правда одностороннимъ, неосновательнымъ, часто увлекавшимся и собственно только повторявшимъ на тысячу ладовъ одну и ту же мысль своего времени, но все-таки благодѣтелемъ нѣмецкаго народа, ибо всякое публичное обсужденіе национальныхъ вопросовъ, какъ бы неразумно и превратно не было оно вначалѣ, приноситъ неисчислимое благо: оно пробуждаетъ дремлющія духовныя силы, вызываетъ людей изъ ихъ узкой эгонстической сферы, побуждаетъ ихъ къ самостоятельному размышленію о вопросахъ общественныхъ и, пріучая вглядываться въ общественную жизнь, мало по малу воспитываетъ общественную нравственность.

Вторая заслуга Листа состоитъ въ томъ, что онъ

побудилъ нѣмецкихъ экономистовъ къ изученію исторіи; онъ заимствовалъ изъ нея половину своихъ доказательствъ въ пользу необходимости покровительственной системы и народнаго воспитанія въ экономической жизни; онъ старался доказать, что въ Италіи, Франціи, Англіи и другихъ государствахъ Европы, стоявшихъ во главѣ образованности, промышленность и торговля были воспитаны именно тѣми государственными мѣрами, какія предлагалъ онъ самъ, что отдѣльныя итальянскія государства, Амальфи, Пиза, Генуя, Венеція пали вслѣдствіе недостатка народнаго единства, а морское могущество ганзейскихъ городовъ — вслѣдствіе недостатка національнаго равновѣсія и всесторонняго развитія всѣхъ внутреннихъ производительныхъ силъ; этимъ самымъ онъ заставилъ своихъ противниковъ выйти изъ области отвлеченныхъ теорій на открытое поле исторіи и изслѣдовать самое развитіе отдѣльныхъ народовъ. Въ этой-то непривычкѣ большей части нѣмецкихъ экономистовъ работать на исторической почвѣ и должно искать главную причину мнимой побѣды Листовой теоріи.

Наконецъ, Листъ имѣетъ еще и ту заслугу, что послѣ него въ рѣшеніи вопроса о покровительственной системѣ навсегда сдѣлался невозможенъ способъ доказательствъ Адама Смита, ибо три существенныя положенія, на которыхъ Адамъ Смитъ основалъ свои доводы въ пользу свободы торговли ⁽¹⁾, а именно:

(1) Эти доводы, изложенные Адамомъ Смитомъ во второй главѣ четвертой книги, можно выразить слѣдующимъ образомъ:

1) Каждый частный человѣкъ изъ собственной выгоды старается употребить свой капиталъ и трудъ такимъ образомъ, чтобы произведенія ихъ имѣли наибольшую мѣновую цѣнность, ибо чѣмъ болѣе бываетъ цѣнность произведенія, тѣмъ болѣе бываетъ и барышъ отъ него.

2) Годовой доходъ каждаго общества всегда бываетъ равенъ мѣновой цѣнности всѣхъ отдѣльныхъ годовыхъ произведеній.

1) что всякій, кто въ хозяйствѣ, въ употребленіи своихъ трудовыхъ силъ и капитала, стремится получить какъ можно болѣе барыша, тотъ наиболѣе способствуетъ также и общему благу,

2) что чистый доходъ народа состоитъ изъ суммы мѣновыхъ цѣнностей отдѣльныхъ произведеній и

3) что всякое уменьшеніе чистаго дохода есть прямо убытокъ для народа,

самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываютъ односторонность Смитаго ученія, а если несостоятельность этихъ отдѣльныхъ положеній была доказана еще Лаудерделемъ ⁽²⁾

3) Отсюда годовой доходъ общества увеличивается наиболѣе тогда, когда каждый человекъ неограниченно слѣдуетъ въ примѣненіи своего труда и капитала естественному побужденію своекорыстія.

4) Всякій тарифъ доставляетъ охраняемой внутренней промышленности монополію на внутреннемъ рынкѣ и, слѣдовательно, искусственно отвлекаетъ капиталъ и трудъ отъ ихъ естественнаго помѣщенія, обращая ихъ къ охраняемой промышленности.

5) Поэтому, всякій охранительный тарифъ не дозволяетъ труду и капиталу помѣститься тамъ, гдѣ они могли бы приносить обществу наиболѣе чистаго дохода, и такимъ образомъ уменьшаетъ чистый доходъ страны на столько, на сколько дешевле она могла бы покупать за границею тѣ товары, которые сама производитъ.

6) Такъ какъ всѣ отрасли промышленности могутъ увеличиваться лишь въ той мѣрѣ, въ какой умножаются капиталы въ странѣ, и такъ какъ всякое уменьшеніе чистаго дохода задерживаетъ умноженіе капиталовъ, то всякій охранительный тарифъ вредитъ успѣху промышленности и производитъ противное тому, что онъ долженъ былъ произвести.

⁽²⁾ Lauderdale, Ueber Nationalwohlstand, гл. 2, гдѣ доказывается, что частныя богатства увеличиваются обыкновенно въ той мѣрѣ, въ какой уменьшается національное богатство, и на оборотъ, потому что мѣновая цѣнность отдѣльныхъ произведеній, какъ напримѣръ средствъ пропитанія, бываетъ тѣмъ выше, чѣмъ она бываетъ рѣже, и, наоборотъ, тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе существуетъ этихъ произведеній.

и Адамомъ Мюллеромъ⁽³⁾, то отрывочно и безъ всякаго прямого примѣненія къ какому нибудь практическому вопросу.

§ 18.

Разборъ теоретической части Листова ученія.

Совершенно иначе представляется намъ политико-экономическое ученіе Листа. Въ теоретической части его выдаются впередъ слѣдующіе три главные пункта: возвѣщеніе національности въ наукѣ, теорія четырехъ-степеней развитія народовъ и теорія производительныхъ силъ, въ противоположность ученію о мѣновыхъ цѣнностяхъ.

I. Въ своемъ пониманіи національности Листъ возвращается къ тому атомистическому взгляду на государственный союзъ, въ которомъ упрекали мы Смитово ученіе и рационалистическое естественное право. Государственный союзъ считаетъ онъ только средствомъ для достиженія индивидуальнаго благополучія; въ этомъ отношеніи различіе въ ихъ взглядахъ заключается только въ томъ, что Листъ считаетъ государство, основанное на національности, не только учрежденіемъ юридическимъ, но и необходимымъ для экономическаго воспитанія народа. Слѣдовательно, то, что признали мы справедливымъ въ Мюллеровой теоріи, а именно нравственная сторона общественнаго союза, у Листа опять совершенно исчезаетъ. Всякое подчиненіе частнаго интереса общественной цѣли является у него только какъ требованіе благоразумія и хорошо понимаемой выгоды, а не какъ нравственная обязанность, вытекающая изъ самой природы общественнаго союза.

⁽³⁾ См. Elemente der Staatskunst, Vorlesung 18—20. Ср. § 11.

II. Заимствованное изъ исторіи Англіи ученіе о четырехъ ступеняхъ развитія всѣхъ народовъ умѣреннаго пояса выставлено у Листа только въ подкрѣпленіе того, что промышленное могущество и самостоятельность Германіи требуетъ сильной покровительственной системы. Это легко понять изъ самыхъ сочиненій Листа. Ясное доказательство этому мы находимъ даже въ его собственномъ разсказѣ о происхожденіи его „національной системы“ (1). Но этотъ разсказъ совершенно противорѣчитъ исторіи и простое сравненіе англійскаго развитія съ разсказываемою имъ самимъ исторіею экономическаго развитія Голландіи могло бы убѣдить Листа въ несостоятельности этого взгляда. Принимаемый Листомъ переходъ отъ земледѣлія къ фабричной промышленности и потомъ къ торговлѣ не оправдывается даже и на исторіи Англіи. Образование торговаго и морскаго могущества Англіи, въ періодъ времени отъ королевы Елизаветы и до половины прошлаго столѣтія, послѣдовало совершенно независимо отъ англійской фабричной промышленности, а если Англія въ послѣдніе 70 лѣтъ сдѣлалась промышленнымъ государствомъ, то благодаря своей торговлѣ и колониальнымъ владѣніямъ. Вместимость англійскаго торговаго флота, который въ 1663 году выслали британскія гавани, простиралась до 95,266, въ 1700—1702 годахъ, среднимъ числомъ, до 273,693, съ 1749 до 1751, среднимъ числомъ, до 609,798, въ 1800 году до 1,445,271, а въ 1839 и 1840 годахъ, среднимъ числомъ, до 2,302,903 тоннъ (2). И такъ, вместимость британскаго торговаго флота возрасла въ первую половину означеннаго періода, отъ 1663 до 1840 года, почти въ шесть съ половиною разъ, а во вторую

(1) См. Предисловіе къ «Національной системѣ».

(2) См. Мэкъ-Коллоха, Dictionnary.

половину этого періода, въ которую совершился самый огромный размахъ англійской фабрикаціи, менѣе чѣмъ въ четыре раза. Листъ принимаетъ въ расчетъ одну только прямую торговлю фабрикатами и колониальными товарами между обоими поясами и совершенно забываетъ о великомъ историческомъ значеніи посреднической торговли, которая составляла главнѣйшую дѣятельность въ средневѣковыхъ итальянскихъ торговыхъ республикахъ, равно какъ въ ганзейскихъ городахъ и въ Голландіи, и вездѣ преувеличиваетъ вліяніе мануфактуръ. Онъ приводитъ въ зависимость отъ фабричной промышленности не только процвѣтаніе земледѣлія и торговли, но и науки и искусство, и забываетъ при этомъ, что ни духовная образованность древности, ни искусство среднихъ вѣковъ, ни англійская литература отъ Бэкона и Шекспира до Юма не обязаны своимъ происхожденіемъ мануфактурной силѣ, этому дѣтищу новѣйшаго времени. Скорѣе, всѣ могущественныя вліянія на цивилизацію человѣческаго рода, которыя Листъ приписываетъ фабричной промышленности, должны быть отнесены къ торговлѣ ⁽³⁾. Вся исторія цивилизаціи отъ Индійцевъ и Финикіянъ древности и до современной Америки доказываетъ, что тѣ пункты на земномъ шарѣ, на которыхъ люди и народы сближаются между собою и сталкиваются для совокупнаго состязанія въ своихъ духовныхъ и физическихъ силахъ, и тѣ области, которыя лежатъ по теченію судоходныхъ рѣкъ и морскія побережья, вездѣ были первыми разсадниками духовной и политической образованности; а если мы должны признать, что въ настоящее время ни одинъ народъ не можетъ имѣть права на участіе во всемірной торговлѣ, когда онъ не опирается на широкую фа-

⁽³⁾ Ср. К. Г. Брюггемана, *Der deutsche Zollverein und das Schutzsystem*. Berlin 1845, стр. 68 и сл.

бричную промышленность, то въ древности въ этомъ еще не было надобности, потому что въ то время техника еще слишкомъ слабо примѣнялась къ потребностямъ человѣчества. Всемирная торговля имѣла свои эпохи развитія какъ относительно предметовъ, которыми она занимается, и величины рынка, который она обнимаетъ, такъ и относительно способа, какимъ производится.

Каждый народъ проходитъ свойственныя ему ступени экономического развитія: одинъ начинаетъ съ земледѣлія, другой съ скотоводства, третій съ судоходства. Повсюду природа является первою руководительницею человѣка въ занятіи промыслами, а разнообразіе земли и климата, при которыхъ народы начинаютъ свое историческое развитіе, рождаетъ повсюду разнообразіе и различіе въ промышленномъ развитіи и въ послѣдовательности отдѣльныхъ отраслей промышленности. Кто, подобно Листу, распространяетъ эту послѣдовательность въ техническомъ образованіи съ одного народа на всѣ другіе, кто утверждаетъ, что всѣ страны умѣреннаго пояса должны стремиться къ одной цѣли, — сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ Англія сдѣлалась въ наше время, кто прилагаетъ одну и ту же мѣрку къ Италиі въ средніе вѣка, къ Германіи во время морскаго господства Ганзы, къ Голландіи, Франціи и т. д., тотъ проповѣдуетъ ученіе не только противное исторіи, но и такое же космополитическое, какъ и все ученіе Смита.

III. Наконецъ, смутное и превратное желаніе дополнить ученіе о мѣновыхъ цѣнностяхъ самостоятельнымъ ученіемъ о производительныхъ силахъ, очевидно, обязано своимъ происхожденіемъ стремленію ввести охранительный тарифъ. Такъ какъ охранительный тарифъ требуетъ пожертвованія мѣновыми цѣнностями и, по мнѣнію Листа, усиливаетъ производительныя силы народа, какъ причины мѣновыхъ

цѣнностей, то Листъ требуетъ особенной теоріи этихъ причинъ, независимо отъ ихъ дѣйствій. Но такое разъобщеніе причинъ отъ ихъ дѣйствій невозможно въ наукѣ, ибо онѣ тѣсно соединены между собою и могутъ быть вполне поняты только однѣ изъ другихъ. Какъ силы природы или труда мы можемъ понять только изъ ихъ дѣйствій, такъ точно и произведенія народныхъ силъ мы можемъ правильно понять только изъ изученія ихъ причинъ; на этомъ основаніи, въ Смитовой школѣ всѣ цѣнности и приведены въ связь съ тѣми производительными силами, которыя употреблены были для ихъ произведенія.

Но разъединять производительныя силы и цѣнности совершенно непозволительно еще и по тому, что причина и слѣдствіе въ политической экономіи отнюдь не составляютъ двухъ совершенно различныхъ величинъ; напротивъ, въ экономическомъ процессѣ каждое слѣдствіе становится, въ свою очередь, причиною. Трудомъ своимъ человѣкъ производитъ средства пропитанія, а средства пропитанія, въ свою очередь, поддерживаютъ трудъ. Духовныя силы народа создаютъ науку и образованіе; наука и образованіе увеличиваютъ экономическія силы, которыя, въ свою очередь, создаютъ матеріальное благосостояніе, а это послѣднее опять рождаетъ духовныя силы. Такъ происходитъ въ большихъ и малыхъ размѣрахъ процессъ производства въ постоянномъ взаимодействіи другъ на друга производительныхъ цѣнностей, посредствомъ котораго каждая истинная цѣнность становится производительною силою, а каждая сила — цѣнностью. По этому, народное богатство создается не противоположностью между цѣнностями и производительными силами, а вслѣдствіе соединенія ихъ, то есть вслѣдствіе того, что всякое потребленіе цѣнностей бываетъ въ то же время производительно и каждое производство удовлетворяетъ общественныя по-

требности. Гдѣ прекращается это взаимодѣйствіе и гдѣ естественный круговой процессъ производства задерживается, гдѣ цѣнности остаются непроизводительными, а производительныя силы теряютъ цѣну, гдѣ, напримѣръ, средства пропитанія вмѣсто того, чтобы увеличивать силы физическія, ослабляютъ ихъ, или гдѣ они тратятся непроизводительно, тамъ является экономическій и нравственный упадокъ народа.

Изо всего этого видно, что вся Листова теорія не имѣетъ подъ собою никакой почвы и совершенно неспособна произвести какую нибудь реформу въ наукѣ.

§ 19.

Разборъ практической части Листова ученія.

При оцѣнкѣ практической части Листова ученія, именно его теоріи охранительнаго тарифа, надо различать цѣль охранительныхъ пошлинъ отъ самыхъ охранительныхъ пошлинъ, какъ средства для достиженія этой цѣли.

Адамъ Смитъ, какъ извѣстно, примѣнялъ раздѣленіе труда къ различнымъ народамъ. „Каждый умный отецъ семейства, говоритъ онъ ⁽¹⁾, держится правила не производить дома ничего такого, что гораздо дешевле можно купить. Ни одинъ портной не вздумаетъ самъ шить на себя башмаки, но покупаетъ ихъ у башмачника; башмачникъ не подумаетъ самъ шить себѣ платье, но заказываетъ его портному; земледѣлецъ же не дѣлаетъ самъ ни того, ни другаго, а даетъ заказы этимъ обоимъ ремесленникамъ. Всѣ эти промышленники находятъ для себя выгоднымъ устроить свой промыселъ такъ, чтобы производить всегда нѣсколько лучше другаго, и потомъ остальные свои потребности удовлетворять отъ

(1) IV Б., 2 гл.

избытка собственныхъ произведеній. Что въ отдѣльной семьѣ считается благоразумнымъ, то трудно признать неблагоразумнымъ въ цѣломъ государствѣ.“ Отсюда каждый народъ долженъ развивать только отдѣльныя отрасли промышленности: одинъ долженъ заниматься земледѣліемъ, другой — горнымъ промысломъ, третій — фабричною промышленностью и т. д., а свободная торговля должна установить равновѣсіе между недостаткомъ и избыткомъ разнообразныхъ произведеній труда, въ предѣлахъ всего человѣчества. Международное раздѣленіе труда, по мнѣнію Смита, доставляетъ каждому народу такія же выгоды, какія раздѣленіе труда въ отдѣльномъ обществѣ доставляетъ каждому трудящемуся члену этого общества. Какъ портной, покупающій за два рейхсталера, или за два дня работы, у башмачника пару башмаковъ, которая обошлась бы ему самому въ четыре дня работы, выигрываетъ два рабочихъ дня, и какъ башмачникъ, приобретающій за два рейхсталера у портнаго и другихъ ремесленниковъ или купцовъ предметы ихъ труда, на производство которыхъ онъ самъ употребилъ бы вдвое болѣе времени и труда, выигрываетъ тоже два дня работы, такъ точно и въ международной торговлѣ одинаково выигрываютъ оба народа, и покупающій и продающій, и торговая прибыль ихъ бываетъ обоюдная. Свобода торговли, которая каждому народу, какъ и отдѣльному человѣку, доставляетъ возможность безпрепятственно стремиться къ тому, чтобы покупать какъ можно дешевле и, наоборотъ, продавать какъ можно дороже ⁽²⁾,

(2) Адамъ Смитъ высказываетъ это эгоистическое начало совершенно откровенно во второй главѣ. Вотъ его слова: „Выгода народа, извлекаемая изъ торговли съ другими народами, какъ и выгода отдѣльнаго купца, извлекаемая изъ торговли съ разными лицами, состоитъ въ томъ, чтобы покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже. Но покупать какъ можно дешевле можно будетъ

является у Адама Смита, также какъ и свобода промышленности, лишь необходимымъ послѣдствіемъ начала раздѣленія труда. Она служитъ средствомъ къ соразмѣрному распредѣленію труда въ человѣчествѣ.

Напротивъ того, Листъ считаетъ спасительнымъ только одно національное раздѣленіе труда и по этому требуетъ для cadaго народа умѣреннаго пояса самой всесторонней ремесленности. Каждый народъ, не смотря на различіе положенія, естественныхъ условій почвы и способностей, долженъ, по его мнѣнію, равномерно развить у себя не только земледѣліе, фабричную промышленность и торговлю, но и всѣ отрасли фабричной промышленности, необходимыя для народныхъ нуждъ. Государство должно воспитать въ немъ такое совершенное промышленное цѣлое, которое могло бы само, одними собственными средствами, удовлетворять свои потребности, и на опредѣленной ступени развитія національностей охранительный тарифъ долженъ служить универсальнымъ средствомъ для того, чтобы развить всѣ отрасли фабрикаціи, и для того, чтобы всѣ народы достигли послѣдней степени своего совершенства и могли вступить въ универсальный союзъ народовъ.

Смитъ считаетъ каждый народъ дѣйствующимъ членомъ одного цѣлаго и назначаетъ ему, въ интересъ его собственной выгоды, какую нибудь спеціальную отрасль человѣческаго труда, Листъ же въ томъ же интересѣ требуетъ, чтобы каждый народъ умѣреннаго пояса совмѣщалъ у себя всѣ отрасли человѣческаго труда. Смитъ требуетъ, чтобы всѣ народы постоянно нуждались другъ въ другѣ и были соединены въ

тогда, когда народъ посредствомъ совершенной свободы торговли поощритъ другіе народы привозить къ нему товары, въ которыхъ онъ нуждается. Точно также ^{привозить} ~~покупать~~, какъ можно дороже, можно будетъ тогда, когда на рынкѣ будетъ наибольшее число покупателей.

одну великую универсальную мастерскую, а Листъ требуетъ, чтобы все человѣчество было раздроблено на мелкія, разобщенныя между собою универсальныя мастерскія и чтобы не одинъ народъ ни въ чемъ не нуждался въ другихъ. Оба они хотятъ наибольшей матеріальной выгоды и соединенія всѣхъ народовъ въ одно великое цѣлое; но каждый изъ нихъ хочетъ достигнуть этого противоположнымъ путемъ: первый — посредствомъ космополитическаго раздѣленія труда и разнороднаго промышленнаго образованія, а послѣдній — посредствомъ національнаго раздѣленія труда и одинаковаго образованія народовъ.

Оба эти взгляда одинаково односторонни. Какъ одно національное раздѣленіе труда, исключющее космополитическое, такъ и одно космополитическое раздѣленіе труда, исключющее національное, противно и природѣ и высшимъ нравственнымъ цѣлямъ человѣчества.

Правда, прибыль отъ раздѣленія труда и прибыль торговая всегда бываютъ обоюдны, но тѣмъ не менѣе онѣ могутъ быть очень различны. Приведемъ тотъ же примѣръ, какой мы приводили выше. Если портной — капиталистъ и если онъ можетъ, на сколько позволяетъ ему его занятіе, примѣнить къ своему производству раздѣленіе труда и закупать большими партіями необходимое суровье и сѣстные припасы, то, пожалуй, онъ получитъ возможность купить на свое произведеніе, стоившее ему одного только дня работы, такое произведеніе башмачника, которое стоило этому послѣднему двухъ рабочихъ дней ⁽³⁾. Слѣдовательно, портной выигры-

⁽³⁾ Ежедневный опытъ показываетъ на безчисленныхъ примѣрахъ, какъ во всякомъ ремеслѣ величина издержекъ производства, а вслѣдствіе этого и барышъ обуславливается бѣльшимъ или мѣньшимъ капиталомъ, находящимся въ распоряженіи промышленника. Одинъ марбургскій горшечникъ, съ четырьмя работниками въ каждую недѣлю обра-

ваеть, не считая процента съ капитала во время обращенія, три рабочихъ дня, а башмачникъ только два. Если же портной въ добавокъ къ тому еще работаетъ одинъ въ извѣстной мѣстности, или если онъ имѣетъ долгъ на башмачникѣ, или какія либо другія средства, чтобы принудить его къ покупкѣ своего товара, то онъ, сверхъ того, можетъ еще увеличить цѣну своего товара и при каждой сдѣлкѣ выгодать

ботываетъ столько глины, сколько помѣщается ея въ парной телѣгѣ. Если крестьяне, у которыхъ онъ добываетъ глину, не занимаются земледѣліемъ, то она стоитъ:

Въ дешевое время года. Въ дорогое время года.
1 рхстл. 15 злгр. 4 рхстл. — злгр.

Издержки производства, состоящія въ платѣ рабочимъ, равняются среднимъ числомъ

Издержки муравы (1 цент.)	8	—	„	—	8	—	„	—
Издержки на краску . . .	6	—	„	—	6	—	„	—
Издержки на краску . . .	„	—	7 ¹ / ₂	—	„	—	7 ¹ / ₂	—
Дрова (1/2 кл. бука) . . .	3	—	„	—	4	—	„	—

Общая сумма издержекъ 18 рхстл. 22¹/₂ злгр. 22 рхстл. 7¹/₂ злгр.

Мѣновая цѣнность произведенія на самомъ мѣстѣ производства равняется, среднимъ числомъ, 28¹/₂ талера. Если бы горшечникъ имѣлъ 250 рхстл. капитала, на который онъ могъ бы закупать глину и дрова въ дешевую пору на цѣлый годъ, то барышъ его равнялся бы 9 рхстл. 22¹/₂ злгр., изъ которыхъ 7¹/₂ злгр. составляли бы еженедѣльный процентъ съ капитала (полагая по 5%) и 9 рхстл. 15 злгр. заработную плату и процентъ съ капитала, затраченнаго на другіе предметы. Но если бы горшечникъ не имѣлъ этого основнаго капитала, то барышъ его равнялся бы только 6 рхстл. 7¹/₂ злгр., то есть на цѣлую треть менѣе. Такимъ образомъ одинъ горшечникъ, который богаче другаго на эту небольшую сумму, можетъ въ 6 рабочихъ дней сработать столько, сколько горшечникъ, неимѣющій этого капитала, въ 9 рабочихъ дней. Я привожу этотъ примѣръ по тому, что положеніе, будто бы прибыль отъ раздѣленія труда бываетъ всегда обоюдная, до сихъ поръ приводится, какъ одно изъ сильныхъ доказательствъ въ пользу безусловной свободы торговли.

три рабочихъ дня, предоставляя башмачнику выгоду только одного рабочаго дня. Конечно, при этомъ каждый изъ нихъ еще получить барышъ; но неравенство этого барыша можетъ дойти до того, что одинъ ремесленникъ, владѣющій капиталомъ, будетъ все болѣе и болѣе увеличивать его, а другой, неимѣющій капитала, не смотря на получаемый имъ доходъ, едва будетъ выручать на свои ежедневныя нужды. Чтò возможно въ хозяйствѣ отдѣльныхъ лицъ, то еще въ большей степени возможно для цѣлыхъ народовъ. Различіе въ запасахъ капитала и извѣстная отрасль труда, которую беретъ на себя каждый народъ, будутъ всегда условливать большее или меньшее различіе народныхъ доходовъ. Напримѣръ, производство, которое, независимо отъ переменчивыхъ вліяній атмосферы, доставляетъ возможность безграничнаго примѣненія раздѣленія труда и машинъ и самаго бóльшаго сосредоточенія значительныхъ капиталовъ, и которое, сверхъ того, пускаетъ въ обращеніе товары, допускающіе по своей большой прочности болѣе безопасную и дешевую перевозку, чѣмъ большая часть сырыхъ произведеній, всегда будетъ доставлять народу, имъ занимающемуся, большой перевѣсъ надъ простымъ земледѣльческимъ народомъ, особенно если мы признаемъ вмѣстѣ съ Адамомъ Смитомъ, что стремленіе покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже, то есть самое грубое своекорыстіе, составляетъ единственное начало, господствующее въ торговлѣ.

Каждый народъ призванъ къ извѣстной промышленной всесторонности и къ извѣстному раздѣленію національнаго труда. Разведеніе льна и горная промышленность вездѣ бывають бесплодны, если они не поддерживаются и не дополняются прядильнымъ и ткацкимъ искусствомъ и плавильными заводами; вездѣ различныя ремесла, сельскія и городскія, должны поддерживать равновѣсіе и взаимно до-

полнять другъ друга и каждый народъ долженъ стремиться къ тому, чтобы, сколько позволяютъ его природныя силы и способности, постепенно развивать всѣ отрасли промышленности и сплотиться въ одно цѣлое, оживляемое одною общею національною задачею и нравственною государственною цѣлью.

Исключительно космополитическое раздѣленіе труда неизбежно ведетъ къ противуестественному неравенству физическаго, а, слѣдовательно, и духовнаго благосостоянія государствъ, и создаетъ не братскій союзъ народовъ, какъ равноправныхъ членовъ человѣчества, но экономическую универсальную монархію, въ которой богатѣйшій и находящійся въ лучшихъ условіяхъ народъ становится законодателемъ для всѣхъ другихъ народовъ.

Но также мало соотвѣтствуетъ природнымъ способностямъ народовъ и нравственной задачѣ человѣчества исключительно національное раздѣленіе труда. Призваніе народа къ фабричной промышленности простирается только на тѣ сырыя матеріалы, которые онъ легко добываетъ изъ своей земли, или въ обработкѣ которыхъ ему особенно благопріятствуетъ природа. Есть два рода фабричной промышленности: одна искусственная, такъ сказать тепличная, другая естественная, которая имѣетъ свои корни въ производительныхъ силахъ земли и въ способностяхъ народа⁽⁴⁾, и каждое нарушеніе естественныхъ границъ

(4) Я нарочно говорю „способности народа“, ибо историческія условія, нравы, вкусъ и образъ жизни народа также обусловливаютъ различныя отрасли фабрикаціи, и два народа, въ одной и той же отрасли промышленности, могутъ дополнять другъ друга своими, каждому изъ нихъ свойственными, особенностями. Самая физическая способность къ труду въ качественномъ отношеніи бываетъ весьма различна у отдѣльныхъ народовъ. Такъ, на примѣръ, до сихъ поръ ни одинъ англійскій фабричный не станетъ работать въ наглухо запертой

промышленной дѣятельности причиняетъ такія же, или еще бѣльшія опасности, чѣмъ слишкомъ одностороннее ограниченіе народной дѣятельности. Оно лишаетъ естественное и выгодное производство его производительной силы, причиняетъ потери капитала и труда и неизбѣжно порождаетъ пауперизмъ. Какъ Франція, по своему климату и почвѣ, благопріятныхъ для разведенія шелка, предназначена для шелковой промышленности, такъ Германія имѣетъ естественное призваніе къ льняной и шерстяной промышленности и къ производству стекла, фарфора и деревянныхъ издѣлій. Но ни Франція, ни Германія не могутъ сами удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, а нуждаются въ произведеніяхъ труда другихъ народовъ. Листъ требуетъ напрасной и гибельной борьбы съ природою; онъ ошибочно признаетъ во всѣхъ государствахъ умѣреннаго пояса повсюду одинаковыя свойства природы и одинаковыя народныя способности для развитія всѣхъ отраслей промышленности.

Но положимъ, что всѣ народы развили у себя самое многостороннее національное раздѣленіе труда, въ смыслѣ Листа, и что они вступили въ универсальный союзъ народовъ, въ которомъ господствуетъ начало свободной торговли: какія же выдутъ изъ этого послѣдствія? Взаимная борьба

и сильно нагрѣтой мастерской, въ которой нѣтъ свободнаго движенія воздуха. Между тѣмъ на стеклянныхъ, зеркальныхъ, содовыхъ и другихъ заводахъ онъ выдерживаетъ, стоя передъ огнемъ, страшный жаръ и находитъ невыносимыми другія болѣе умѣренныя температуры въ другихъ отрасляхъ производства, помѣщающихся въ закрытыхъ залахъ. Какъ въ прядильныхъ и ткацкихъ работахъ почти исключительно Ирландцы и Уэльсцы, такъ и владѣльцы лондонскихъ сахарныхъ заводовъ тщетно старались замѣнить на нихъ нѣмецкихъ рабочихъ англійскими. Послѣдніе, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, оставили эти фабрики, „по тому только, что не могли выносить слишкомъ жаркой температуры.“

отдѣльныхъ народовъ за монополію сначала во всемирной торговлѣ съ жаркимъ поясомъ, а потомъ на внутреннемъ рынкѣ, — борьба, въ которой сила природныхъ условій въ отдѣльныхъ отрасляхъ фабричной промышленности и сила капитала будутъ рѣшать побѣды, и въ которой снова погибнуть всѣ слабыя, тщательно и съ большими жертвами вскормленные производства.

Вмѣстѣ съ національнымъ раздѣленіемъ труда необходимо также раздѣленіе труда космополитическое, которое идетъ съ первымъ рука объ руку и, дѣйствуя съ нимъ за одно, все болѣе и болѣе стремится къ возстановленію здраваго экономическаго состоянія всѣхъ членовъ человѣчества, какъ главнаго основанія духовнаго и нравственнаго развитія, и къ возможно большому сохраненію его.

§ 20.

Продолженіе.

Что справедливо относительно цѣли, то справедливо и относительно средствъ для ея достиженія. Въ этомъ отношеніи Листова школа заслуживаетъ такого же порицанія, какъ и Смитова (1). Обѣ онѣ одинаково ошибались: послѣдняя

(1) Впрочемъ, Ад. Смитъ самъ вовсе не отстаиваетъ такъ упорно свободы торговли, какъ обыкновенно думаютъ и какъ ратовали, напримѣръ, его послѣдователи: Мэкъ-Коллохъ, Росси, Лотцъ и др., которые отвергаютъ всякое ограниченіе торговли. Онъ признавалъ въ этомъ отношеніи слѣдующія четыре исключенія:

1) если развитіе какой нибудь отрасли промышленности необходимо для безопасности страны;

2) если туземныя произведенія этой отрасли промышленности обложены налогомъ;

3) реторзивныя пошлины въ томъ случаѣ, если ими можно скоро принудить противника къ возстановленію свободы торговли;

въ томъ, что считала свободу торговли безусловно необходимою для всѣхъ народовъ, а первая въ томъ, что считала охранительный тарифъ необходимымъ для всѣхъ народовъ, на известной степени ихъ развитія. Правда, свобода торговли устраняетъ всѣ препятствія въ обращеніи товаровъ и такимъ образомъ вноситъ естественное равновѣсіе между недостаткомъ и изобиліемъ и производитъ болѣе легкое удовлетвореніе человѣческихъ потребностей; какъ и свобода промышленности, она обобщаетъ соперничество, а тѣмъ самымъ пробуждаетъ и усиливаетъ дѣятельность всѣхъ экономическихъ силъ, и доставляетъ труду и капиталу наивыгоднѣйшее помѣщеніе. Но, не говоря про то, что въ заграничной торговлѣ она вообще можетъ имѣть это вліяніе только при томъ условіи, если принята и обезпечена всѣми другими государствами, и что свобода народа, не признаваемая и стѣсняемая другими народами, не есть истинная свобода, все таки свобода торговли мало по малу ведетъ къ промышленной войнѣ народовъ, которая подобно безусловной свободѣ промышленности, ведетъ постепенно къ исключительному господству капитала и къ сокрушенію производительныхъ силъ народа; она дѣлаетъ одинъ народъ богатымъ капиталистомъ, а другихъ зависимыми отъ него работниками. Сверхъ того, она мѣшаетъ наивыгоднѣйшему

4) если пошлины существовали еще прежде и подъ вліяніемъ ихъ развилась какая нибудь промышленность, которая при внезапномъ введеніи свободы торговли можетъ опять совершенно уничтожиться.

По этому Смитъ, съ точки зрѣнія политической безопасности не только защищаетъ навигаціонный актъ, какъ мудрѣйшее изъ всѣхъ торговыхъ постановленій Англіи, но и думаетъ, что надѣяться на осуществленіе совершенной свободы торговли въ Англіи также безразсудно, какъ надѣяться на то, что когда нибудь въ этой странѣ возможно будетъ осуществить какую нибудь Океану или Утопію, VI, 2.

помѣщенію капитала и труда и отдаетъ бѣднѣйшій народъ на произволь богатоу. Если и справедливо, какъ многіе возражали, что зависимость покупающаго и продающаго народа бываетъ обоюдная, то все-таки степень зависимости, равно какъ и величина торговаго дохода съ той и другой стороны, бываютъ весьма различны.

Охранительный тарифъ, правда, содѣйствуетъ естественному, огражденному отъ иностраннаго соперничества накопленію капиталовъ; онъ обезпечиваетъ самостоятельное развитіе народнаго хозяйства и доставляетъ государству извѣстную независимость на случай войны. Но онъ можетъ также насильственно вызвать искусственное помѣщеніе капитала и труда, произвести искусственное неравенство имущества, дѣлать народъ все бѣднѣе и бѣднѣе и наконецъ совершенно подорвать его самостоятельность.

И свобода торговли, и охранительный тарифъ могутъ служить естественнымъ средствомъ воспитанія народа и какъ лекарство возстановить разстроенное здоровье; но, съ другой стороны, они могутъ дѣйствовать какъ ядъ и разрушить здоровье народа. Каждое изъ нихъ можетъ имѣть совершенно противоположныя вліянія: здѣсь все зависитъ отъ данныхъ условій и обстоятельствъ, въ которыхъ живетъ извѣстный народъ.

Главная ошибка большей части сочиненій, въ которыхъ вопросъ объ охранительномъ тарифѣ разсматривается съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, состоитъ въ томъ, что они обращаютъ всегда начала охранительнаго тарифа или свободы торговли въ безусловно справедливую систему и не хотятъ признать почти никакихъ исключеній изъ нея, и что они не понимаютъ *ихъ относительнаго значенія* частію для полнаго развитія національности, частью для достиженія общаго, основаннаго на нравственныхъ началахъ, порядка торговли и не

изслѣдуютъ отдѣльныхъ условій, при которыхъ та или другая система можетъ быть приложима и полезна для достиженія указанной цѣли.

Каждый тарифъ предполагаетъ пожертвованіе со стороны потребителей, въ пользу опредѣленнаго класса производителей, пожертвованіе настоящимъ въ интересъ будущаго, составляетъ нѣчто противоположное государственнымъ долгамъ. Народъ, который охраняетъ пошлинами нѣкоторыя отрасли своей фабричной промышленности, жертвуетъ извѣстною суммою цѣнностей, или для того, чтобы поддержать какой нибудь существующій членъ общественнаго тѣла, который иначе можетъ погибнуть, или для того, чтобы развить другой членъ, который своею будущею дѣятельностью и вліаніемъ на будущее матеріальное и политическое благосостояніе всего народнаго организма, съ богатою лихвою вознаградитъ народъ за всѣ потери. Отношеніе этихъ потерь въ настоящемъ къ выгодамъ будущаго и должно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ главнымъ образомъ рѣшить примѣняемость извѣстнаго тарифа. Первыя зависятъ отъ разности между издержками производства туземныхъ и заграничныхъ фабрикатовъ, облагаемыхъ пошлиною, и отъ степени народной потребности въ нихъ; вторыя зависятъ отъ запаса и свойствъ существующихъ элементовъ фабрикаціи, то есть отъ естественныхъ силъ природы, отъ человѣческаго труда и капитала, сравнительно съ естественными силами иностранныхъ государствъ, и отъ общественной и политической важности спеціальной отрасли фабрикаціи. Отсюда ясно, что только одно тщательнѣйшее изслѣдованіе всѣхъ подробностей, и не только статистическихъ данныхъ ввоза и вывоза, но и всѣхъ тѣхъ условій, на которыхъ основана отдѣльная отрасль фабричной промышленности, или на которыхъ она должна быть воздвигнута, относительно соотвѣтствующаго

состоянія этой промышленности за границую и нравственныхъ цѣлей общественнаго блага (²), можетъ дать средства для рѣшенія цѣлесообразности тарифа. Если новый членъ общественнаго тѣла, воспитываемый тарифомъ, не имѣетъ никакихъ здоровыхъ корней въ землѣ и въ жизни народа и если при этомъ народу не достаетъ технического образованія и собственныхъ капиталовъ для необходимаго питанія этого новаго члена, подъ покровительствомъ тарифа, то охранительный тарифъ сдѣлается только преміей въ пользу неспособности и неизбежно причинитъ всему обществу лишь одни страданія, отъ которыхъ при другихъ условіяхъ онъ могъ бы избавить его.

Примѣчаніе. Хотя здѣсь и не мѣсто входить въ спеціальныя практическія вопросы объ охранительномъ тарифѣ въ Германіи, тѣмъ болѣе, что только самыя подробныя, какъ мы сказали выше, статистическія изслѣдованія могутъ привести къ вѣрнымъ выводамъ, однако мы не можемъ не сдѣлать здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній объ этомъ предметѣ. Очень ошибаются тѣ, которые

(²) Чтобы опредѣлить, на сколько отдѣльныя промышленности Германіи нуждаются въ охраненіи, необходимо прежде всего, по примѣру Англіи, Франціи и Бельгіи, произвести обширныя офиціальныя изслѣдованія (enquêtes) и обнародовать ихъ для того, чтобы литература могла обсудить ихъ со всѣхъ сторонъ и чтобы такимъ образомъ выяснился результатъ ихъ, клонящійся къ истинной выгодѣ народа. Пока въ Германіи будутъ заниматься одними отвлеченными разглагольствованіями и пока ктонибудь не вооружится самыми полными статистическими матеріалами и каждый будетъ приводить лишь столько цифръ, сколько укладывается ихъ въ его головѣ, до тѣхъ поръ наука не будетъ имѣть подъ собою никакой твердой почвы для основательнаго рѣшенія вопроса и до тѣхъ поръ всякій исключительный взглядъ какойнибудь партіи легко будетъ приобрѣтать себѣ приверженцевъ и считаться наивыгоднѣйшимъ для всего народа.

нынѣшнее развитіе англійской промышленности приписываютъ именно англійской покровительственной системѣ и только отъ подражанія ей ожидаютъ такого же процвѣтанія промышленности въ Германіи. Не говоря уже о счастливомъ островномъ положеніи, о колониальныхъ владѣніяхъ и о всемірной торговлѣ Британіи, промышленность ея большею частью зиждется на такихъ основаніяхъ, которыя Германіи или рѣшительно неоткуда взять, или которыя она если и можетъ добыть для себя, то совсѣмъ иными путями.

Гдѣ сама природа накопила большія массы каменнаго угля, глинистаго желѣзняка, глины и песчаника, — гдѣ сама природа освободила человѣка почти отъ всякихъ усилій и знаній въ естественныхъ наукахъ для того, чтобы добывать въ богатомъ изобиліи важнѣйшіе матеріалы производства, каковы: каменный уголь, желѣзо, соль (издержки солянаго производства обходятся въ Пруссіи — 1 рхстл. за центнеръ — вшестеро дороже чѣмъ въ Англіи) и т. д., — гдѣ равномерный климатъ даетъ человѣку возможность и зимою и лѣтомъ свободно предаваться однимъ и тѣмъ же занятіямъ, не заставляя его коченѣть отъ слишкомъ сильнаго холода и засыпать отъ слишкомъ сильнаго зноя, — гдѣ рѣки и каналы круглый годъ безъ перерыва носятъ на себѣ торговые суда и снабжаютъ фабрики и рынки всѣми необходимыми предметами, — тамъ соперничество нѣмецкихъ производителей съ англійскими было бы во многихъ отношеніяхъ напрасною борьбою съ силами природы.

Къ этимъ естественнымъ преимуществамъ надо прибавить еще обиліе капиталовъ. Англія передъ цѣлою Европою имѣетъ преимущество почти двухсотлѣтняго мира; правда, она испытываетъ и всѣ невыгоды этого мира, но за то и наслаждается всѣми его выгодами. Поля ея, со

времени англійской революціи, воздѣлывались непрерывно; нигдѣ затраченные въ производствѣ капиталы не были уничтожены; всѣ войны ведены были на чужой землѣ или на морѣ, а издержки на нихъ чувствовались только въ увеличеніи государственнаго долга. Слѣдовательно, въ Англии во все это время нарастали проценты на проценты, капиталъ на капиталъ, сила на силу, и все богатство и весь трудъ прошлыхъ вѣковъ во всей цѣлости перешли въ наслѣдство современному поколѣнію и легли въ основаніе его громадной промышленности.

Болѣе же всего поддерживаетъ британскую промышленность самъ человѣкъ, Британецъ, своими богатыми промышленными способностями и силами, своимъ государствомъ, въ которомъ онъ развилъ эти способности. Мы не говоримъ здѣсь о его научномъ образованіи и техническихъ знаніяхъ; въ нихъ Англичанинъ далеко уступаетъ Нѣмцу, и часто съ изумленіемъ замѣчали, что сами содержатели (managers) самыхъ большихъ фабрикъ въ Англии часто не имѣютъ элементарныхъ свѣдѣній въ естественныхъ наукахъ. Но что болѣе отличаетъ Англичанина, то это скорѣе его нравственно-политическіе и административные свойства и таланты. Издавна существующая публичность всей государственной жизни и политическая свобода Великобританіи вскормили въ каждомъ Англичанинѣ, отъ высшаго государственнаго сановника и до послѣдняго поденщика, мощное національное чувство и несокрушимый патріотизмъ для развитія общественности, которая, не смотря на многообразно переплетающіеся частные интересы, не смотря на политическую борьбу партій, стачки рабочихъ и т. д., подобно вѣчному подземному огню, невидимо связываетъ въ одно сердца всѣхъ Англичанъ и не перестаетъ одушевлять всю англійскую промышленность.

Какъ воинъ, исполненный одной идеі, охотно переноситъ всѣ трудности походовъ, голодъ и жажду, холодъ и жаръ, если только онъ содѣйствуетъ этимъ торжеству своихъ идей, такъ точно и работникъ, когда онъ несетъ въ своемъ сердцѣ идею общественности и государство, когда онъ, какъ всякій Британецъ, гордый отечествомъ, которое родило его, гордый учрежденіями, воспитавшими его, чувствуетъ себя членомъ одной великой свободной націи и исполненъ одного стремленія — содѣйствовать побѣдѣ національной промышленности. Прилежаніе, настойчивость, предприимчивость, соединеніе силъ, добросовѣстность, взаимное довѣріе, — всѣхъ этихъ нравственныхъ основаній англійской промышленности не достаетъ той слѣпой техники, которая и не подозреваетъ о существованіи великой государственной цѣли. Въ то время, какъ на многихъ англійскихъ фабрикахъ встрѣчаешься съ нѣмецкими управляющими, которые всю свою жизнь, и голову, и руки посвятили Англичанамъ, чтобы противодѣйствовать промышленности своего отечества, — въ то время какъ въ Лондонскомъ Сити и въ Манчестерѣ нѣмецкіе переселенцы принадлежатъ къ самому почетному купечеству и изъ свободной Англій надменно взираютъ на свое отечество, — въ это время Британцы неусыпно работаютъ во славу своего національнаго труда.

Къ этому надо присоединить еще громадное вліяніе на промышленность политическаго начала *самоуправленія*. Такъ какъ въ Англій не одно только правительство принимаетъ участіе въ управленіи страной, а каждый человѣкъ, то каждый фабричный есть въ то же время самостоятельный распорядитель въ своемъ производствѣ и на немъ почти совсѣмъ невидна никакого вліянія сверху. Каждая англійская фабрика олицетворяетъ собою цѣлую

Британію. Ни одинъ изъ ея членовъ не нуждается ни въ какомъ спеціальному контролѣ и ни въ какомъ внѣшнемъ понужденіи къ труду. Всякій знаетъ, что другой исполняетъ свое дѣло по собственной внутренней склонности и что все крѣпко держится само собою, и каждый считаетъ своимъ священнымъ долгомъ не нарушать къ себѣ довѣренности всѣхъ прочихъ. Оттого-то на англійскихъ фабрикахъ, сравнительно съ нѣмецкими, и находится такъ мало лицъ, заправляющихъ производствомъ; оттого такая простота управленія, такое довольство своимъ трудомъ, такія административныя способности и стремленія улучшать по силамъ свой самостоятельный трудъ и доводить его до возможнаго совершенства. Этимъ же объясняется, почему въ Англии, не смотря на недостатокъ научныхъ знаній, такое безконечное множество всякаго рода изобрѣтеній и улучшеній въ промышленности, которыя, какъ и всѣ успѣхи англійской государственной жизни, вытекаютъ не изъ теоріи, но прямо изъ чисто-спеціальной практики, и всегда вслѣдствіе настоятельнѣйшей потребности. Содержатели и руководители англійскихъ фабрикъ собственно занимаются только экономическою частью ихъ. Они закупаютъ и распредѣляютъ сырые матеріалы, продаютъ и отправляютъ фабрикаты, платятъ жалованье рабочимъ, ведутъ счета и проч., и отличаются тѣмъ, чего совершенно не достаетъ нѣмецкимъ фабрикамъ, а именно экономическимъ образованіемъ, широкимъ знакомствомъ съ торговыми дѣлами, съ отправкою товаровъ, съ состояніемъ рынка (ср. Фр. Кнаппа, *Beschreibung der Spiegel-tafel-Gieszerei zu Ravenhead bei St.-Helens*, въ Динглеровомъ политехническомъ журналѣ 1847, т. 3, стр. 182 и сл.).

Противъ преобладанія британскаго капитала на

внутреннемъ рынкѣ можетъ оградить нѣмецкую національную промышленность охранительный тарифъ. Остальные преимущества англійской промышленности мы можемъ приобрѣсть, на сколько это возможно, только тогда, когда наша промышленность соединится съ наукою болѣе тѣсными, живыми связями, когда во всемъ народѣ разовьется болѣе широкое экономическое пониманіе, когда выработается національная статистика и, что важнѣе всего, когда всесторонне разовьется политическая жизнь нѣмецкаго народа.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Соціалныя теоріи хозяйства.

§ 21.

Взглядъ на историческое развитіе соціальныхъ ученій о хозяйствѣ.

Отъ разсмотрѣнныхъ нами реакцій противъ Смитовой школы отличаются ученія современныхъ соціалистовъ и коммунистовъ, которыя мы соединяемъ подъ общимъ именемъ соціальныхъ теорій хозяйства. Эти ученія также стары, какъ самая мысль человѣческаго рода о его назначеніи и счастіи на землѣ, и, начиная отъ Платона до Кабэ, почти каждое столѣтіе можетъ указать на своего коммуниста-теоретика.

Въ древности существовалъ политическій коммунизмъ, который предоставлялъ государству исключительное господство надъ землею ⁽¹⁾ и общинное владѣніе считалъ

(1) Ученіе о томъ, что право владѣнія землею принадлежитъ государству, не только лежитъ въ основѣ Платонова государственнаго идеала, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся общественная жизнь Дорійцевъ, но оно тянется чрезъ всю республиканскую древность. «Богачами называются тѣ, которымъ принадлежитъ большая часть земли, сама же земля есть общее достояніе», говоритъ Аристотель (Политика, кн. III, гл. 7, 7.); не смотря на свою полемику противъ теорій объ общемъ владѣніи, возвѣщенныхъ Платономъ, Фалесомъ и Гипподамомъ, онъ объявляетъ (тамъ же II, 2. 4), что и въ іоническихъ государствахъ вся частная собственность первоначально находилась въ нераздѣльномъ владѣніи, и утверждаетъ, что отдѣльнымъ гражданамъ принадлежитъ одно только право управленія (ἐπιμέλεια) отдѣльными частями общей собственности, дабы не происходило между ними

главнымъ условіемъ для достиженія государственнаго идеала. Черезъ всѣ средніе вѣка, съ первыхъ временъ христіанства, проходилъ одинъ религіозный аскетическій коммунизмъ, который отвергалъ частную собственность, по тому будто, что она мѣшаетъ человѣку вполне предаться Богу и достигнуть своего духовнаго назначенія въ будущей жизни⁽²⁾. Во время крестьянскихъ войнъ, возродился впервые коммунизмъ экономическій, — ученіе о необходимости общиннаго владѣнія земными благами для основанія земнаго благополучія, въ противоположность всеподавляющему неравенству дѣйствительности. Этотъ коммунизмъ, съ разли-

никакихъ споровъ о пользованіи и дабы каждый увеличивалъ по своимъ силамъ доставшуюся ему часть имущества. Въ Римѣ, во все время республики, сохранялось историческое воспоминаніе о томъ, что первоначально вся земля была раздѣлена государствомъ поровну между первыми гражданами, и что каждый изъ нихъ владѣлъ своею частью какъ неотчуждаемымъ наследственнымъ участкомъ (*heredium*. См. Варрона, *De re rust.* I, 10. Феста, *Centuriatus ager*. Плинія, *Hist. nat.* XVIII, 2. 3; Діонисія Галик. II, 7. 76. IV. 9.). Выработавшееся изъ этого первоначальнаго господства государства надъ землею исключительное право собственности римскаго народа надъ общественнымъ полемъ извѣстно всѣмъ. Но при этомъ есть указанія на то, что, не смотря на строгость частной собственности, которая постепенно выработалась въ римскомъ правѣ, у Римлянъ долго сохранялось понятіе о верховномъ правѣ государства надъ общественнымъ полемъ. «Народу принадлежитъ верховное право владѣнія надъ всѣми вещами», говоритъ Ливій въ VIII, 33, а Сенека (*De Beneficiis*, кн. VII, гл. 4): «По гражданскому праву все принадлежитъ государю; но то, что составляетъ предметъ совокупнаго владѣнія государя, распредѣлено между нѣсколькими собственниками и всякій отдѣльный предметъ имѣетъ своего владѣльца. Государямъ принадлежитъ владѣніе надъ всѣми вещами, частнымъ же лицамъ — собственность.»

(²) Мы не имѣемъ полной исторіи коммунизма въ средніе вѣка, хотя нѣкоторыя стороны ея прекрасно обработаны и изложены въ примѣненіи къ новѣйшему времени Гундесгагеномъ: *Der Communismus und die ascetische Socialreform im Laufe der christlichen Jahrhunderte*, у Ульманна и Умбрейта въ *Theologische Studien und Kritiken*, 1845, стр. 535 и сл. и 821 и сл. Кое-что можно найти также у Ф. Филлегарделле: *Geschichte der socialen Ideen vor der französischen Revolution*, К. Кеппена (на нѣмецкомъ). Берлинъ, 1846.

чными видоизмѣненіями, продержался до новѣйшаго времени (³).

Во главѣ шестнадцатаго вѣка стоятъ: знаменитый канцлеръ Тома Моръ (⁴), въ Англіи, и народный писатель во время реформаціи, Себастьянъ Франкъ (⁵), въ Германіи. Оба они, согласно направленію крестьянскихъ войнъ, нападаютъ на испорченность современнаго имъ общества (⁶) и

(³) Ср. Р. Моля, Die Staats-Romane, въ Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, 1855, III.

(⁴) Въ извѣстномъ сочиненіи, которое въ свое время считалось всѣми за libellus vere aureus: De optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia. Löwen 1516 и Basel 1558.

(⁵) Въ его хроникѣ, которая сначала явилась подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Chronica, Zeytbuch vnd geschychtbibel von anbegyn bisz um disz gegenwertig 1531 jar, gedruckt Straszburg, 1531. Fol. Это сочиненіе еще при жизни Франка имѣло четыре изданія и, благодаря необыкновенно ясному и краснорѣчивому изложенію, составляло любимое чтеніе тогдашняго образованнаго средняго класса. Подробную характеристику его религіозныхъ, философскихъ и политическихъ взглядовъ написалъ Карлъ Гагенъ: Der Geist der Reformation und seine Gegensätze, Bd. II. Erlangen, 1844, стр. 314—396.

(⁶) Оба эти писателя съ поразительнымъ согласіемъ открываютъ главные причины страданія общества въ знатныхъ лѣннивцахъ, которые живутъ трудомъ своихъ ближнихъ, и въ лихоимствѣ. «Lieber, говоритъ Франкъ, Fol. 116, «gedenk des unnützen gesindts alles, das nur ein bürd der Erden ist, der übrigen Frücht zu verzeren und ander leut zu irren geborn, nämlich alle allerlei standts, geistliche Frawen und man, münch und paffen, kauffleut, venantzer, gselschaften, alle Landsknecht, allerley betler, müssiggänger, vil unnütz adels, amptleut, herren, herschaften und deren anhang als pfleger, vögt, schultheisz, richter, bittel, reuter, knecht, ämpter, denn vil land jetzund mit zu vil hütern und herrn übersetzt seind, und doch übel gehüt, da nichts ist denn schindens und schabens. Wer dem amptmann entgeht, fällt dem Richter in die hand, und dies gesind musz man nit allein ernähren, sunder in aller Pracht erhalten. — Was aber für redlich händel jetzt unter den Christen und christlichen kauffleuten, geselschaften, wuchern, zinszkauffern fürgehen, empfinden wir freilich allzumal wol, auch das kind in der wiegen, da ist eittel zinszkauff, fürkauff, und das gantze land mit unnützen händlen, gewaren, und handthierungen zu jedermanns nachteil erfüllet, und schmeckt sie der kuhnist so übel an, das sie auch vor den baurн die nase zuhalten, und so sie ir gültlen etwann bringen, die heuser

выставляютъ земледѣльческія государства, безъ ремеслъ и торговли, безъ денегъ и частной собственности ⁽⁷⁾, идеаль-

nach ihnen sauber ausreuchern, ja auch die stuben nach ihnen auswäschen vund kehren; so zart und leisz ist jetzund die adelich, wollüstig christlich welt gebacken. Viel wundert, das kein gelt im landt ist, die anderen so die sach basz bedenken, haben für ein merklich wunderzeichen, das wir uns nähren — bei so viel unnützen müssigen Geiern. Denn zudem, das diese feiernden leut in dieser letsten und neuen welt on nutz sind, gehört ihnen auch allen einem jeden zwei brot, und das beste zu, wie man spricht, der faulesten sau wird allweg der gröszte Dreck.» Ср. Мора, Utop. Lib. I, стр. 36 и сл. (Базел. изд.): «Tantus est nobilium numerus, qui non ipsi modo degant otiosi tamquam fuci laboribus aliorum, quos puta suorum praediorum colonos augendis redivitibus ad vivum usque radunt» и т. д. и стр. 42 и сл. «Refrenate coemptiones istas divitum, ac velut monopolii exercendi licentiam. Pauciores alantur otio, reddatur agricolatio» и т. д. Ср. Lib. II, стр. 82 и сл., гдѣ Моръ считаетъ не нужными также и sacerdotes ac religiosos, quos vocant, называя ихъ ociosa turba.

(7) По мнѣнію Франка, Богъ даровалъ людямъ всѣ вещи въ общее пользованіе, а человекъ совершенно произвольно и незаконно овладѣлъ ими; за это Богъ наслалъ на него тирановъ, дабы они такъ же насильственно отнимали у людей украденную собственность, какъ они сами вырвали ее изъ общаго владѣнія, или у Бога (Fol. VI). Онъ говоритъ о коммунизмѣ еще въ Fol. 16, гдѣ постановленія Ликурга о запрещеніи употреблять золото и серебро, порождающія только всякіе пороки, и о равномѣрномъ раздѣленіи земли между гражданами, называетъ Франкъ „мудрыми и угодными Богу“. Въ Fol. 27, съ видимымъ пристрастіемъ говоритъ онъ объ общинѣ Пифагоровыхъ учениковъ и восхваляетъ ихъ поговорку: „У друзей все должно быть общее, у нихъ одно сердце, слитое изъ многихъ сердець; ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ собственности“. Далѣе въ Fol. 414, говоря о перекрещенцахъ и объ основаніи ихъ общины, онъ порицаетъ ихъ за то, что они дѣйствовали не по убѣжденію, и называетъ ихъ безчестными лицемѣрами; наконецъ, въ Fol. 433, онъ снова возвращается къ этому предмету, говоря о Вальденсахъ. Въ государствѣ, какое Моръ изобразилъ въ «Утопіи», каждый гражданинъ, долженъ работать, но не болѣе шести часовъ въ день. Строгое раздѣленіе труда не существуетъ въ этомъ государствѣ; скорѣе всѣ работы въ немъ безпрестанно мѣняются, такъ что каждый гражданинъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, долженъ непремѣнно два года пробыть земледѣльцемъ. Ремесленниковъ должно быть лишь столько, сколько требуетъ commodus naturae usus. Всѣ произведенія складываются въ одно общее хранилище, изъ котораго потомъ дѣлятся снова между гражданами, смотря по нуждамъ каждаго изъ нихъ. Торговли не существуетъ вовсе, ни между отдѣльными частными лицами,

ною формою человѣческаго общества: одинъ въ подробномъ изложеніи, напоминающемъ Платонову „Республику“, болѣе для назидательнаго чтенія людямъ образованнымъ, а другой въ разсѣянныхъ въ его хроникѣ краткихъ, но сильныхъ, положеніяхъ, болѣе для поученія народа.

Въ семнадцатомъ столѣтіи, итальянскій доминиканецъ Кампанелла, въ своемъ „Солнечномъ городѣ“ (8), и Французъ Вайрассъ, въ „Исторіи Севарамбовъ“ (9), развили эти идеи еще далѣе (10). Книга перваго изъ этихъ писателей, подобно горькой жалобѣ узника, взывающаго изъ неаполитанскихъ темницъ къ своимъ соотечественникамъ, противъ господства Испанцевъ, представляетъ смутную и фантастическую картину церковнаго полицейскаго государства, безъ брака, семейной жизни и частной собственности, — государства, въ которомъ самое рожденіе дѣтей подчинено верхнему надзору. Второе сочиненіе есть подражаніе „Утопіи“, изображенной нѣсколько въ измѣненномъ видѣ

ни между отдѣльными общинами, потому что каждому безденежно предлагается вспомошествованіе. Деньги нужны только для государства на случай какой нибудь войны, именно для найма войска. Чтобы отнять у золота и серебра всякую цѣну и прелесть въ глазахъ гражданъ, изъ этихъ металловъ дѣлаются оковы для преступниковъ. Характеристическую особенность утопическаго государства составляетъ сохраненіе рабства въ низшихъ занятіяхъ и скрѣпленіе общины такими крѣпкими узами брака, что супружеская невѣрность наказывается въ первый разъ рабствомъ, а во второй — смертью.

(8) *Кампанеллы* (1568—1639), *Civitas soli vel de rei publicae idea dialogus poeticus* явилось въ первый разъ въ 1620 и помѣщено во второмъ томѣ его сочиненій. Парижъ, 1637, Fol. Оно переведено Карломъ Грюномъ на нѣмецкій языкъ, 1845. Дармштадтъ.

(9) Первое изданіе *Histoires des Sevarambes* явилась въ 1677. Ср. Моля, т. I, III. 1.

(10) Обыкновенно причисляется сюда и *Oseana* Англичанина Якова Гаррингтона (1611—1677), которое явилось въ Лондонѣ въ 1656 году. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ только очень обширную и подробную программу для будущаго представительнаго-демократическаго государства въ Англіи; оно вызвано неудовольствіемъ автора на владычество Кромвеля и вовсе не касается экономическихъ и соціальныхъ началъ современнаго общества. См. Моля, тамъ же.

французскою кистью. Въ этой новой „Утопіи“ даже женщины обязаны военною службою, а одноженство существуетъ только для обыкновенныхъ гражданъ, между тѣмъ какъ сановникамъ дозволено имѣть, смотря по ихъ достоинству, опредѣленное число женъ и рабынь.

Наконецъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія къ этимъ писателямъ, кромѣ неизвѣстнаго нѣмецкаго автора путешествія на островъ Кофаръ Салама, который съ точки зрѣнія протестантскаго піетизма заткалъ въ сухую картину содержаніе „Солнечнаго города“ и „Исторіи Севарамбовъ“⁽¹¹⁾, примкнули Французы Морелли⁽¹²⁾ и Мабли⁽¹³⁾, которые занимаютъ уже болѣе опредѣленное и универсальное положеніе въ духовномъ переворотѣ своего вѣка. А именно, первый поражаетъ острою сатирою не только всю прежнюю образованность, но и революціонныя доктрины своего времени, и противопоставляетъ господствующему началу эгоизма книгу законовъ природы, какъ правило жизни для всего человѣчества, книгу, по которой каждый отдѣльный человѣкъ долженъ совершенно отказаться отъ своей личности въ пользу общества и по своимъ силамъ и дарованіямъ заботиться только объ общемъ благѣ. Впрочемъ, эти идеи и примыкающія къ нимъ стремленія получили болѣе широкое приложеніе только со времени французской революціи, вслѣдствіе полной побѣды денеж-

(11) «Путешествіе на островъ Кофаръ Салама и описаніе расположенной на немъ республики Христіансбургъ» издано Д. С. Г. въ Эсслингенѣ, въ 1741. См. Моля. тамъ же.

(12) Въ его романѣ: *Naufrages des îles flottantes, ou la Basiliade de Bilpai*, которое явилось въ первый разъ въ 1751, и въ другомъ сочиненіи, изданномъ два года спустя, *Code de la Nature, ou le véritable esprit de ses lois de tous tems négligé ou méconnu*. Ср. Виллергарделля.

(13) *Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*, La Haye 1786 и *La législation ou principes des lois*, 1776, 2 Voll. Ср. Виллергарделля.

наго хозяйства и вслѣдствіе постепенно открывавшихся невыгодныхъ сторонъ его; до политической же экономіи онѣ коснулись только въ послѣднія десятилѣтія ⁽¹³⁾.

§ 22.

Отношеніе соціальныхъ теорій хозяйства къ экономическимъ ученіямъ Адама Мюллера и Листа.

Отъ Бабёфа ⁽¹⁾, коммуниста французской революціи, и до новѣйшихъ соціалистовъ во Франціи и Германіи, всѣ соціалисты отправляются отъ одинаковаго взгляда на современность, совершенно противоположнаго Листову взгляду.

Между тѣмъ какъ Листъ и его приверженцы ратуютъ за нынѣшнее развитіе британской промышленности, ставятъ Англію завиднымъ образцомъ для другихъ государствъ и желали бы распространить всемірную фабрикацію этого островнаго государства на всѣ страны умѣреннаго пояса и особенно на Германію, — соціалисты ставятъ эту страну въ примѣръ величайшаго народнаго бѣдствія и считаютъ современную форму фабричной промышленности высшею степенью общей деморализаціи. За исключеніемъ немногихъ, какъ напримѣръ Фурье и Сенъ-Симониста Базара, которые проводятъ въ своихъ соціальныхъ теоріяхъ историко-философскій взглядъ, а потому даютъ нѣкоторую законность прежнимъ возрастамъ человѣчества, всѣ соціалисты въ

⁽¹³⁾ Первымъ самымъ короткимъ знакомствомъ съ этимъ движеніемъ Германія обязана сочиненію Штейна: *Socialismus und Communismus des heutigen Frankreich*, 1842. Еще прежде этого сочиненія вышло во Франціи сочиненіе Л. Рейбо, *Études sur les réformateurs contemporains ou socialistes modernes*.

⁽¹⁾ О Бабёфѣ, который въ 1795 году издавалъ журналъ, подъ заглавіемъ: *Tribun du peuple*, и въ 1796 году былъ казненъ, какъ основатель и глава коммунистическаго заговора, см. *Буонаротти*, *La conspiration de Baboeuf*, Bruxelles 1821, и Штейна, стр. 361 и сл.

своемъ взглядѣ на современность стоять на такой же точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ Адамъ Мюллеръ и экономическій романтизмъ. Будучи, какъ и Адамъ Мюллеръ, врагами денежнаго хозяйства, безусловной личной свободы и эгоистическаго начала въ хозяйствѣ, они полагаютъ также, что человѣчество въ послѣднія три столѣтія сдѣлало огромный шагъ назадъ; что цивилизація привела только къ деспотизму вещественнаго капитала, къ организованной разрушительной войнѣ частной промышленности, къ крайнему неравенству дохода и, наконецъ, къ развитію безмѣрнаго пауперизма. Нынѣ, говорятъ они, можно получать большой доходъ, ничего не дѣлая, а тяжелый трудъ приноситъ только ничтожный доходъ, — счастье одного человѣка создается на гибели многихъ людей, — всѣ связи общественности и взаимной любви порваны, и только человѣческій эгоизмъ, какъ страшилище, возсѣдаетъ на тронѣ современнаго міра, наводя ужасъ на грядущія поколѣнія.

Не смотря на это видимое сходство, социалисты стремились въ своемъ разборѣ современнаго общества совершенно къ инымъ цѣлямъ. Между тѣмъ какъ Адамъ Мюллеръ дошелъ до идеализаціи естественнаго и леннаго хозяйства среднихъ вѣковъ и на возвращеніе къ нему смотрѣлъ какъ на единственное средство спасенія для современнаго человѣчества, социалисты приходятъ къ такой общественной организаціи хозяйства, въ которой человѣкъ долженъ совершенно отказаться отъ своей личной свободы. Между тѣмъ какъ Адамъ Мюллеръ, разочаровавшись въ настоящемъ, обратился къ прошедшему, социалисты хотятъ построить такое будущее, какого до сихъ поръ еще не знало человѣчество. Мюллеръ отвергалъ только новѣйшую исторію, а социалисты не признаютъ основаній никакой исторіи. Мюллеръ требовалъ историческаго развитія и разнообразія на-

ціональностей, а соціалисты, съ своей стороны, требуютъ философскихъ построений и космополитическаго равенства всѣхъ человѣческихъ состояній.

§ 23.

Обзоръ отдѣльныхъ частей соціальныхъ теорій хозяйства.

Для оцѣнки соціальныхъ теорій хозяйства надо различать слѣдующіе три существенные пункта:

- а) критическую часть, гдѣ соціалисты разбираютъ современныя и исторически развившіяся состоянія, отъ которыхъ они отправляются,
- б) положительную систему, или организацію общества, къ которой человѣчество должно стремиться въ будущемъ, и
- в) разборъ существовавшихъ доселѣ учений о народномъ хозяйствѣ, — разборъ, за который соціалисты взялись уже въ новѣйшее время послѣ того, какъ они убѣдились, что современное состояніе находитъ себѣ опору главнымъ образомъ въ этой наукѣ и что такой разборъ существенно необходимъ для распространенія и утвержденія соціальныхъ теорій.

Хотя, строго говоря, сюда относится только послѣдній изъ названныхъ пунктовъ, однако всѣ эти части соціальнаго ученія такъ тѣсно связаны между собою и въ такой степени дополняютъ одна другую, что нѣтъ возможности разрывать ихъ, и только тщательное изложеніе ⁽¹⁾ и

(1) Само собою разумѣется, что здѣсь не мѣсто подробно излагать историческое развитіе новыхъ соціальныхъ теорій и всѣхъ отдѣльныхъ взглядовъ: для насъ достаточно будетъ представить одни только общія положенія этихъ учений. А кто хочетъ познакомиться съ ихъ подробною исторіею не изъ самыхъ сочиненій соціалистовъ, тѣмъ рекомендуемъ приведенныя въ § 21 прим. 1-е, сочиненія и книгу Карла

разборъ теоріи ихъ во всей ея цѣлости можетъ привести къ безпристрастной оцѣнкѣ ея содержанія и значенія ея въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ.

I. НАПАДЕНІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ НА РАЗЛИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО БЫТА.

§ 24.

Нападенія соціалистовъ на частную собственность.

Всѣ соціалисты во взглядѣ своемъ на современность сходятся между собою въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ:

1) въ томъ, что современность страдаетъ общественнымъ недугомъ, и

2) въ томъ, что этотъ недугъ надо лѣчить въ самомъ корнѣ его.

Недугъ этотъ называютъ они пролетаріатомъ. Онъ состоитъ въ монополіи немногихъ избранниковъ, пользующихся матеріальнымъ благосостояніемъ, которое есть главное условіе всякаго общественного благополучія. Вслѣдствіе этой монополіи, огромная масса людей, неимѣющихъ никакой собственности, не въ состояніи пріобрѣсть даже способы для удовлетворенія своихъ необходимѣйшихъ потребностей и потому, находясь въ постоянной борьбѣ за свою физическую жизнь, навсегда лишена средствъ достигнуть цѣли своего земнаго существованія.

Совокупное стремленіе соціалистовъ, открыть самые корни этого общественного зла, привело ихъ къ различнымъ взглядамъ на главныя причины его, и только коммунизмъ

Грюна: Die sociale Bewegung in Frankreich und Belgien. Darmstadt. 1844. Впрочемъ, ни одно изъ этихъ сочиненій не можетъ познакомить вполне со всѣми соціальными теоріями.

соединяетъ въ себѣ всѣ нападенія соціалистовъ на современное состояніе общества, такъ какъ онъ сходится со всѣми школами соціализма и идетъ еще далѣе ихъ, стараясь гораздо глубже открыть корни этого зла.

Всѣ открытыя соціалистами коренныя причины пролетаріата сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: къ господству частной собственности, къ торговлѣ и къ деньгамъ.

Частная собственность или исключительное господство одного человѣка надъ какимъ нибудь предметомъ, по мнѣнію коммунистовъ, есть ничто иное, какъ „лживо-законная форма воровства“, посредствомъ котораго человѣкъ присвоиваетъ себѣ то, что принадлежитъ цѣлому обществу, и посредствомъ котораго онъ устраняетъ другихъ отъ законнаго участія въ присвоенномъ. Хотя въ первобытныя времена исторіи, то есть при томъ состояніи общества, когда природа предлагала человѣку землю и земные плоды въ такомъ же изобиліи, въ какомъ она нынѣ предлагаетъ ему воду и воздухъ, частная собственность не была такъ незаконна и вредна, какъ теперь; однако потомъ своими естественными слѣдствіями, особенно правомъ наслѣдованія, она сдѣлалась источникомъ невыразимаго зла и всеобщей деморализаціи.

Частная собственность породила въ людяхъ алчность и жажду приобрѣтенія, которыя подъ ея вліяніемъ развились въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Она породила преступленія и съ увеличеніемъ народонаселенія сплотила потомковъ первыхъ захватителей собственности въ одну господствующую касту, незаконно поработивъ ей остальную часть народа и лишивъ эту послѣднюю необходимыхъ условій человѣческаго существованія.

Всѣ доводы, приводимые въ оправданіе частной собственности, не выдерживаютъ никакой критики и обязаны

своимъ происхожденіемъ своекорыстной софистикѣ самихъ собственниковъ (1).

Говорятъ, что частная собственность есть необходимое слѣдствіе человѣческой свободы (2); но свобода есть право и общее достояніе, — она обоюдна и должна быть обезпечена для всѣхъ и каждаго, а слѣдовательно и частная собственность должна быть также обоюдна и также обезпечена для всѣхъ и каждаго.

Говорятъ, что частная собственность есть первобытное право человѣка и что, только пользуясь имъ, человѣкъ можетъ вполне развить свою личность; только въ частной собственности высказывается его внутренній духовный міръ,

(1) Сильнѣе всѣхъ нападалъ на частную собственность въ новѣйшее время во Франціи, П. Прудонъ, въ своемъ сочиненіи: *Qu'est-ce que la propriété? ou recherches sur le principe du droit et du gouvernement*, Paris, 1840, въ которомъ въ первый разъ встрѣчается лозунгъ пролетаріевъ: *la propriété c'est le vol* (частная собственность есть грабежъ). — Изъ Нѣмцевъ, кромѣ Энгельса, ратовалъ противъ частной собственности особенно В. Вейтлингъ въ своемъ сочиненіи *Garantien der Harmonie und Freiheit*. *Vivis*. 1842, стр. 6—27. Вотъ что говоритъ авторъ о наслѣдованіи (стр. 25): „Изобрѣтеніе права наслѣдства окончательно увѣнчало понятіе частной собственности. Какъ червь пожираетъ плодъ, такъ точно наслѣдники собственниковъ пожираютъ, съ помощью новаго закона, собственность и его продукты: они пожираютъ и истребляютъ плодъ, не имѣя на это другаго права, кромѣ того только, что старикамъ угодно было зародить ихъ въ этомъ плодѣ.“

(2) Въ Германіи І. Кантъ (*Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*, стр. 55—59) выводитъ право завладѣнія предметомъ, никому не принадлежащимъ, изъ врожденной человѣку свободы, а потомъ изъ понятія о владѣніи онъ выводитъ понятіе о частной собственности. При этомъ онъ старается доказать, что никто не долженъ мѣшать этому завладѣнію, ибо въ противномъ случаѣ было бы нарушено право личности владѣльца.

внутреннее бытіе человѣка и его стремленія (³). А если частная собственность составляетъ исконное право человѣка, то никто не долженъ быть лишенъ этого права; напротивъ, оно должно ограждать всѣхъ отъ произвола немногихъ, то есть частная собственность должна имѣть такое устройство, при которомъ бы каждый отдѣльный человѣкъ принималъ необходимое равномерное участіе въ ея развитіи, и при которомъ никто бы не былъ исключенъ изъ нея.

Наконецъ, частную собственность выводили изъ права человѣка надъ самимъ собою и надъ своимъ трудомъ. Она служить человѣку платою за трудъ (⁴). Но если это такъ, то откуда же взялась частная собственность тѣхъ, которые не трудятся, и чѣмъ оправдать такую собственность? Отъ куда произошло право наслѣдованія, — право людей, рожденныхъ собственниками, имѣвшихъ собственность еще до начала труда? Наконецъ, какъ много есть такихъ собственности, которыя произошли не отъ труда людей, не владѣющихъ ими? Богатство собственниковъ не увеличивается ли ежедневно трудомъ людей; ничего неимущихъ? Если признать, что трудъ даетъ право на собственность, то мы непременно должны будемъ признать также, что собственность должна принадлежать рабочимъ классамъ, а не собственникамъ, которые не знаютъ труда.

Всѣ доводы, приводимые въ пользу существующей частной собственности, доказываютъ совершенно противное,

(³) См. Гегеля, *Philosophie des Rechts*, § 49, и Штала, *Philosophie des Rechts*, Bd. II, 2. Aufl. 1846 § 24 и Bd. III, 1. Aufl., §§ 12 и 62.

(⁴) Этотъ взглядъ на частную собственность высказанъ въ первый разъ Дж. Локкомъ въ его *Two treatises of government*, II, гл. 5.

ибо они доказываютъ не право на частную собственность, а незаконность этого права.

§ 25.

Нападенія соціалистовъ на торговлю.

Ближайшее слѣдствіе частной собственности есть торговля, взаимный обмѣнъ предметовъ собственности, какъ непосредственный источникъ пріобрѣтенія для торговаго класса. Но торговля столь же безнравственна, какъ и невыгодна въ экономическомъ отношеніи.

Торговля безнравственна, потому что продавецъ и покупатель являются въ ней съ совершенно противоположными интересами, становятся другъ къ другу въ совершенно враждебное отношеніе. Каждый старается сколько возможно болѣе увеличить свою собственность, слѣдовательно продать какъ можно дороже и купить какъ можно дешевле. Отсюда само собою слѣдуетъ, съ одной стороны, взаимное недовѣріе, а съ другой оправданіе этого недовѣрія, примѣненіе безнравственныхъ средствъ къ достиженію безнравственной цѣли. Такъ развивается въ торговлѣ желаніе скрыть, умолчать о томъ, что можетъ сбавить цѣну товара, позволительное желаніе продавца извлечь изъ невѣдѣнія или довѣрчивости покупателя какъ можно болѣе выгоды, расхвалить свой товаръ, придать ему въ глазахъ покупателя такія достоинства, какихъ онъ не имѣетъ. Однимъ словомъ, изъ собственности, законнаго грабежа, развивается торговля, законный обманъ. Наиболѣе выигрываютъ отъ торговли большіе собственники, потому что они продаютъ произведенія своей земли и фабрикаты, или перепродаютъ товары какъ можно дороже и, на оборотъ, какъ можно дешевле стараются платить работникамъ. Посредствомъ торговли они все болѣе и болѣе расширяютъ область своего господства

до тѣхъ поръ, пока не стѣснятъ человѣка до послѣдней крайности, если только онъ не найдетъ противъ нихъ защиты въ большей или меньшей рѣдкости своего производства и въ собственномъ талантѣ.

Если же торговля бываетъ гуманною, какою занимаются Англичане и какъ изображаетъ ее А. Смитъ въ теоріи, то есть если торговцы признаютъ, что для нихъ выгоднѣе сохранять дружескія отношенія къ своимъ покупателямъ, то они злоупотребляютъ нравственными средствами, пользуясь ими для достиженія безнравственныхъ цѣлей. Цивилизація распространяется на землѣ только для того, чтобы расширить монополію земли и частной собственности и расчистить новое поле для развитія корыстолюбія. Народы „соединяются въ братскіе союзы воровъ“, войны утихаютъ только за тѣмъ, чтобы развить до самой крайней степени мирную, но безчестную войну соперничества (1).

Съ этимъ безнравственнымъ характеромъ торговли соединяются и всѣ экономическія невыгоды ея. вмѣсто того, чтобы сближать производителей съ потребителями, торговля занимаетъ множество вовсе ненужныхъ посредниковъ, которые теряютъ только время въ магазинахъ, на рынкахъ, биржахъ и другихъ торговыхъ мѣстахъ; сами они ничего не производятъ, а только потребляютъ другіе предметы и тѣмъ самымъ возвышаютъ для потребителей цѣну товаровъ. Вслѣдствіе этого, во многихъ ^и (производительныхъ занятіяхъ совершенно бесполезно растрачиваются трудовыя силы.

Далѣе, торговля держитъ подъ своимъ гнетомъ и производство, и потребленіе, и, господствуя на рынкѣ въ лицѣ

(1) См. особенно Энгельса въ журналахъ А. Руге и К. Маркса, Парижъ. 1844. стр. 90 и сл.

своихъ богатыхъ представителей, она принуждаетъ мелкихъ производителей продавать свои товары дешевле того, что они стоятъ, а потребителей покупать ихъ дороже ихъ настоящей цѣны; она набавляетъ или сбавляетъ цѣну товаровъ, то задешево сбываетъ, то накопляетъ ихъ и даже совсѣмъ истребляетъ, смотря по тому, что для нея выгоднѣе, и тѣмъ самымъ лишаетъ производительныя занятія необходимаго капитала.

Наконецъ, такъ какъ число купцовъ ежедневно увеличивается, превышая существующую въ нихъ надобность, то каждый изъ нихъ непременно вступаетъ въ борьбу съ своими соперниками, которыхъ онъ старается подорвать. Отсюда происходятъ банкротства, скупъ товаровъ, ростовщичество, биржевая игра и множество безнравственныхъ уловокъ корыстолюбія, вслѣдствіе котораго каждый купецъ заботится лишь о томъ, чтобы какъ нибудь подорвать своего товарища и, повергая промышленность въ вѣчное колебаніе и неизвѣстность, наноситъ ущербъ цѣлому обществу (2).

(2) Экономическія невыгоды торговли въ самой рѣзкой формѣ изложены Шарлемъ Фурье, который самъ былъ купцомъ, въ сочиненіи: *Théorie des quatre mouvements*, Paris, 1808. Въ этомъ сочиненіи онъ приводитъ, въ строгомъ систематическомъ порядкѣ и съ какою-то слѣпою іудейскою ненавистью, множество примѣровъ банкротства, ростовщичества и биржевой игры. Какъ противникъ коммунистовъ, онъ не выводитъ торговли изъ частной собственности, но объясняетъ ее недостаткомъ организаціи труда и свободнымъ соперничествомъ производительныхъ силъ.

Онъ защищаетъ фабричную промышленность, но требуетъ, чтобы между фабрикантомъ, производителями суровья и потребителями его произведеній была прямая непосредственная связь, которая дѣлала бы излишнимъ участіе купца. Особенно сильно возстаетъ онъ противъ начала свободной торговли. «Она, говоритъ онъ, отдаетъ въ безусловное распоряженіе купцовъ всѣ товары, которыми они торгуютъ и ко-

§ 26.

Нападенія соціалистовъ на деньги.

Дальнѣйшее слѣдствіе частной собственности и коренное зло человѣческаго общества составляютъ деньги.

Изобрѣтенныя первоначально для того, чтобы облегчать обмѣнъ различныхъ произведеній труда, деньги создали впоследствии въ совокупномъ экономическомъ производствѣ, особенно на фабрикахъ, новое рабство, которое гораздо тяжеле, чѣмъ было личное рабство въ древности и въ средніе вѣка. При существованіи личнаго рабства, господинъ еще находилъ свою выгоду въ томъ, чтобы работою чрезъ мѣру не обременять своего раба, потому что болѣзнь или смерть раба причиняли убытокъ ему самому. Господинъ долженъ былъ кормить раба, лѣчить его во время болѣзни,

которыя по этому они вправѣ вынимать изъ обращенія, прятать и даже истреблять, какъ это не разъ дѣлала остъ-индская торговая компанія въ Амстердамѣ, публично сожигавшая цѣлые магазины корицы для того только, чтобы поднять цѣну на этотъ товаръ. Что сдѣлала она съ корицею, то сдѣлала бы и съ хлѣбомъ, если бы только не боялась, чтобы народъ не побилъ ее камнями: она сожгла бы одну часть хлѣба, чтобы въ четверо дороже продать другую часть его. Развѣ мы не видимъ каждый день, какъ въ нашихъ портовыхъ городахъ разнощики фруктовъ бросаютъ въ море свой товаръ, залежавшійся у негоціантовъ, въ ожиданіи высокихъ цѣнъ. Я самъ бывши прикащикомъ, участвовалъ въ этихъ продѣлкахъ, и въ одинъ день велѣлъ выбросить въ море 20,000 центнеровъ риса, который хозяинъ мой принужденъ бы былъ продать по дешевой цѣнѣ, если бы онъ былъ только менѣе корыстолюбивъ. Общество одно платится за всѣ эти потери, которыя ежедневно повторяются подъ покровительствомъ философскаго начала свободной торговли». Ср. Виктора Консидерана *Destinée sociale; exposition élémentaire complète de la théorie sociétaire*. Paris, 1836—1838. 2 voll., и А. Л. Хуроа: *Kritische Darstellung der Socialtheorie Fourier's* изд. Г. Бахереромъ, Брауншвейгъ 1840, стр. 39 и сл., и Вейтлинга, стр. 89 и сл.

окружать его такою же заботливостью, какою нынѣ онъ окружаетъ домашнихъ животныхъ, употребляемыхъ имъ въ работу. Деньги же дали нынѣшнему хозяину возможность наваливать на работника болѣе работы, чѣмъ прежде, ибо, если работникъ заболѣетъ или потеряетъ силы, то хозяину нѣтъ до этого никакого дѣла. Точно также, въ прежнее время, для самого господина выгодно было сытно кормить своего раба, ибо отъ хорошаго корма зависѣлъ и хорошій трудъ. Деньги сняли съ господина и эту заботу; нынѣ, онъ можетъ истощить юныя силы работниковъ, а коль скоро онѣ совсѣмъ исчезли, онъ можетъ взять къ себѣ въ службу новыхъ работниковъ. Ему нѣтъ также никакой нужды заботиться о старикахъ, потерявшихъ силы къ труду. Наконецъ, рабъ кормился на счетъ своего господина и тогда, когда оставался безъ работы. А теперь, что станется съ работникомъ, если онъ останется безъ работы? И такъ, деньги уничтожили рабство только по имени, на дѣлѣ же усилили его (1).

Далѣе, деньги освободили каждого человѣка отъ попеченія о немъ его ближнихъ и предоставили его самому себѣ; они умалили взаимную любовь и усилили алчность; они разъобщили людей и тѣмъ увеличили, съ одной стороны, возможность обогащаться и усиливать власть, а съ другой возможность бѣднѣть и умирать съ голода. Но богатство и бѣдность порождаютъ одинаково развратъ и преступленія, а милостыня, подаваемая богачемъ, еще болѣе унижаетъ и развращаетъ самого бѣдняка, протягивающаго за нею руку. Милостыня не уничтожаетъ, но поддерживаетъ нищету, и усиливаетъ въ богачѣ надменность и довольство своими деньгами. Правда, для нѣкоторыхъ деньги облегчили

(1) См. *Garantien der Harmonie und Freiheit*, стр. 41 и сл., 89 и сл.

возможность наслаждаться, за то изъ многихъ честныхъ людей они сдѣлали или развратныхъ расточителей, или преступниковъ.

Наконецъ, деньги дали возможность накапливать капиталъ и тѣмъ самымъ нарушили равновѣсіе между капиталомъ и трудомъ, ибо деньги суть эквивалентъ или представитель продуктовъ, а продукты суть результатъ труда. Слѣдовательно, деньги суть ничто иное, какъ накопленный трудъ, превращенный въ металлъ. Работникъ самъ не могъ сберечь такого капитала, потому что дохода отъ труда доставало ему только на его собственныя пужды; а накопленіе капиталовъ началось только съ того времени, какъ человѣкъ заставилъ работать за себя другаго и продавалъ произведенія труда дороже, чѣмъ онъ самъ получалъ ихъ отъ работниковъ. Такъ нарасталъ доходъ на доходъ, переведенный въ деньги и пріобрѣтенный единственно руками работниковъ, но незаконно отнятый у нихъ тѣми, которые продаютъ произведенія работниковъ. Отсюда произошелъ капиталъ и образовался классъ капиталистовъ, которые господствуютъ надъ рабочими. И такъ, первоначально капиталъ составлялъ собственность работниковъ, или, какъ говоритъ Августъ Бекеръ ⁽²⁾, „воздвигнутое исхудалыми мышцами рабочихъ канище, въ которомъ ежедневно приносятся новыя человѣческія жертвы.“

Капиталъ приноситъ проценты не самъ по себѣ, а только въ силу человѣческаго труда. Слѣдовательно, капиталистъ не только обязанъ своимъ богатствомъ работникамъ, но и ежедневно увеличиваетъ его трудомъ работниковъ, которые платятъ ему проценты, а чѣмъ больше его капиталъ, тѣмъ

⁽²⁾ Въ сочиненіи: Was wollen die Kommunisten? Рѣчь, произнесенная 4 августа 1844 г., въ Лозаниѣ, въ собраніи членовъ различныхъ обществъ работниковъ.

обширнѣе и тяжеле господство капиталиста надъ работниками, тѣмъ быстрѣе растетъ богатство, особенно въ такое время, когда существуетъ свобода промышленности, то есть когда „анархія, право сильного, право денегъ“ возводятся въ законъ (3).

(3) Вейтлингъ въ *Garantien der Harmonie*, стр. 162, представляетъ слѣдующимъ образомъ значеніе денегъ, какъ металлическихъ, такъ и всякаго рода бумажныхъ.

1) Съ помощью этихъ орудій обмѣна можно скопить огромныя суммы въ отдѣльныхъ кучахъ и тѣмъ самымъ вызвать недостатокъ въ нихъ.

2) Съ помощью ихъ можно освободить себя отъ необходимаго для всѣхъ труда и тѣмъ самымъ заставить другихъ работать до совершеннаго изнеможенія.

3) Такъ какъ деньги могутъ искусственно производить недостатокъ и обиліе, благоденствіе и бѣдствіе, то жизнь, здоровье, счастье и свобода однихъ становятся игрушкою въ рукахъ другихъ людей. Пользуясь этимъ средствомъ, люди могутъ другъ друга обмануть, обокрасть, подкупить, надсмѣяться другъ надъ другомъ, пріобрѣсть себѣ безответныхъ рабовъ и, ради выгоды нѣсколькихъ корыстолюбцевъ, нарушить гармонію цѣлаго.

4) Благодаря деньгамъ, нѣсколько отдѣльныхъ лицъ могутъ, во вредъ остальнымъ, достигнуть высокой степени личной свободы. Чѣмъ свободнѣе одни могутъ жить съ помощью денегъ, тѣмъ болѣе другіе попадаютъ подъ ярмо зависимости, рабства.

5) Такой разладъ становится все страшнѣе и страшнѣе съ каждымъ новымъ поколѣніемъ; ибо система денежнаго хозяйства стягиваетъ необходимыя для всѣхъ и cadaго силы все въ бѣльшія и бѣльшія кучи для того только, чтобы тѣмъ сытѣе становились его креатуры. Чѣмъ болѣе и чаще сгребается такихъ кучъ изъ необходимыхъ для всѣхъ и cadaго средствъ, въ пользу только немногихъ людей, тѣмъ сильнѣе становится недостатокъ остальныхъ, и этотъ недостатокъ будетъ постоянно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ увеличивается число людей, ограбленныхъ этими скопидомами.

6) Денежная система противорѣчитъ всякому разумному порядку; отсюда произошло множество неразумныхъ и противорѣчивыхъ законовъ.

Такимъ образомъ эти три учрежденія, частная собственность, торговля и деньги, одинаково образуютъ нервы развѣвшейся системы частныхъ хозяйствъ, въ которыхъ трудъ, противорѣча собственной цѣли, служитъ людямъ источникомъ не благоденствія, а вѣчнаго страданія, — въ которыхъ всѣ люди въ безнравственной борьбѣ за возможно большую личную выгоду трудятся на взаимную гибель, и большая масса пролетаріевъ никогда не приобрѣтетъ средствъ къ приличному для человѣка существованію.

Соціалисты относятся къ исторически развившемуся денежному хозяйству и къ его главнѣйшимъ представителямъ, землевладѣльцамъ, купцамъ и капиталистамъ, точно также какъ Руссо и его приверженцы относились къ исторически развившемуся государству. И тѣ и другіе отрицаютъ существующій порядокъ во всей его цѣлости: какъ Руссо отвергалъ государственный, такъ соціалисты отвергаютъ экономическій порядокъ. По теоріи Руссо, существующія правительства незаконно отняли у народа государственную власть, а, по теоріи соціалистовъ, владѣльческіе классы отняли у него его имущество.

Пока общество нуждается, хотя въ одномъ изъ нихъ, до тѣхъ поръ будетъ отравленъ каждый вздохъ свободы.

7) Денежная система мѣшаетъ и задерживаетъ каждый шагъ человѣка, который дѣлаетъ онъ на общую пользу, потому что человѣкъ, владѣющій большими деньгами, поддерживаетъ только то, что приноситъ ему личную выгоду.

II. ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНІЕ СОЦІАЛЬНЫХЪ ТЕОРІЙ ХОЗЯЙСТВА.

A. ЦѢЛЬ ОБЩИНАГО ХОЗЯЙСТВА.

§ 27.

Наименѣе согласія между соціалистами замѣчается въ положительной части ихъ системы. Здѣсь сходятся они между собою лишь въ томъ, что всѣ стараются осуществить начало равенства, въ противоположность началу свободы, и потому смотрятъ на общинное хозяйство, какъ на единственное средство изцѣленія для человѣческаго общества и какъ на необходимую догму для всѣхъ народовъ. Затѣмъ, они расходятся между собою какъ въ конечныхъ цѣляхъ человѣчества, какія, по ихъ мнѣнію, должны быть достигнуты новою, основанною на началѣ равенства, организациею хозяйства, такъ и относительно формы ея, то есть въ родѣ и степени общинности, какой они требуютъ для хозяйства.

Въ первомъ отношеніи можно различать двѣ школы; французскую и нѣмецкую. Первая, основанная Бабёфемъ, о которомъ мы говорили выше⁽¹⁾, и потомъ самостоятельно развитая С. Симономъ и Фурье, въ настоящее время имѣетъ самыхъ главныхъ представителей въ Кабэ и Луи Бланъ. Эта школа есть по преимуществу матеріалистическая и стремится утвердить равенство въ матеріальномъ благосостояніи общества, осуществить равныя права людей на пользованіе матеріальными благами жизни. Полное совершенство человѣка и законченность его личности, какъ цѣль всякаго общества, находитъ она въ

(¹) См. § 22, прим. 1.

полномъ развитіи и удовлетвореніи его способностей — пользоваться благами жизни. Коммунистическое или социалистическое государство этихъ писателей соразмѣряется съ занятіями и образомъ жизни той части человѣчества, которая нынѣ томится подъ гнетомъ владѣльческихъ классовъ; это — государство, основанное на трудѣ, въ которомъ господствуетъ промышленность, въ томъ смыслѣ, въ какомъ возвѣстилъ ее С. Симонъ во главѣ одного изъ своихъ сочиненій⁽²⁾: „Tout par l'industrie tout pour elle“. Каждая община представляетъ собою обширную мастерскую, въ которой каждый человѣкъ, желающій достигнуть соразмѣрной съ его способностями доли наслажденія, обязанъ исполнять опредѣленное количество труда⁽³⁾. Начало централизаціи теперешней Франціи перенесено здѣсь на искусственно построенный организмъ хозяйства, при которомъ каждое отдѣльное лицо съ своимъ трудомъ, съ своими наслажденіями и съ своими страстями, во всѣхъ проявленіяхъ жизни, втиснуто въ узкую, офиціально предписанную сферу дѣятельности и подчинено полицейской общинной власти. Эта школа отчасти примыкаетъ къ пробудившемуся во Франціи стремленію къ религіозному единству и къ воссозданію католической церкви, а

(²) *L'industrie ou discussions politiques, morales et philosophiques dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants. Paris, 1817.*

(³) Эти основныя начала высказаны въ первыхъ статьяхъ манифеста Бабёфа, въ 1796 году, слѣдующимъ образомъ: *Ст. 1.* Природа дала каждому человѣку одинаковое право на пользованіе всѣми предметами. *Ст. 2.* Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы защищать равенство, которое въ естественномъ состояніи такъ часто подвергается нападеніямъ со стороны сильныхъ и дурныхъ людей, и чтобы съ помощью совокупнаго труда увеличивать сумму общихъ наслажденій. *Ст. 3.* Природа возложила на каждого долгъ — трудиться, и никто не можетъ избавиться отъ труда, не опасаясь совершить преступленіе.

потому нѣкоторыя сочиненія писателей этой школы, какъ на примѣръ: С. Симона, Энфантина, Пьерра Лерру, Ламеннэ и другихъ, написаны съ религіознымъ, часто фантастическимъ пыломъ и библейскимъ языкомъ.

Совсѣмъ къ другимъ цѣлямъ стремится нѣмецкая школа. Она выросла подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, приводитъ свои организаціонныя планы въ тѣсную связь съ Фейербаховымъ отрицательнымъ и антропологическимъ воззрѣніемъ на религію и стремится не столько къ равномерному распредѣленію матеріальныхъ благъ въ обществѣ, сколько къ такому состоянію, въ которомъ каждое отдѣльное лицо имѣло бы одинаковую возможность развить всѣ свои духовныя способности до сознанія высшихъ цѣлей человѣчества и до полнаго совершенства личности. Въ этой школѣ все еще проглядываетъ древне-германское начало личной свободы; она не отвергаетъ индивидуальную духовную жизнь и свободу отдѣльныхъ лицъ, но, напротивъ, освобождаетъ ее отъ всѣхъ матеріальныхъ преградъ.

Основателями этой школы были нѣмецкіе политическіе изгнанники, которые кишатъ вокругъ предѣловъ Германіи. Изгнанные изъ отчизны, надѣленные почти всѣмъ богатымъ запасомъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, но лишенные всякихъ средствъ, они никогда не выходили изъ борьбы за свое существованіе и, такимъ образомъ, были всегда истинными пролетаріями, какихъ только знаетъ новое время. Большинство ихъ учились въ нѣмецкихъ университетахъ, развились въ мірѣ отвлеченныхъ понятій и принесли съ собою природное расположеніе къ спекулятивнымъ занятіямъ. Въ новую область идей, которыхъ они были представителями за границею, ринулись они тѣмъ съ большею энергіей, что въ нѣкоторой степени пострадали сами отъ тогдашней политики и на опытѣ убѣдились въ неспособ-

ности нѣмецкаго народа къ воспріятію ихъ политическихъ грѣзъ и уже отчаялись въ возможности улучшить государственную жизнь Германіи. Такъ какъ ихъ политическіе идеалы выросли болѣе на почвѣ философіи, нежели дѣйствительной жизни, то они скоро натолкнулись на недостатки и темныя стороны другихъ странъ, видѣли страданія Ирландцевъ, въ противоположность англійской земледѣльской и денежной аристократіи, видѣли полицейскую централизацію Франціи, іезуитскія стремленія въ республиканской Швейцаріи. Вслѣдствіе этихъ уроковъ, ихъ патріотическія стремленія и идеалы приняли космополитическій характеръ, и они объявили войну основнымъ началамъ всего европейскаго общества. Однимъ словомъ, члены тѣхъ обществъ нѣмецкихъ буршей, изъ которыхъ вышло такъ много представителей нынѣшней консервативной политики и государственныхъ администраторовъ, они сдѣлались за границею изъ патріотовъ-мечтателей проповѣдниками и представителями соціальныхъ теорій.

Это превращеніе имѣло по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что, благодаря этимъ людямъ, уваженіе къ нѣмецкой наукѣ, единственное достояніе, вынесенное ими изъ отечества, перешло на новое движеніе.

Чисто-духовное назначеніе человѣка, различіе и разнообразіе человѣческихъ силъ, нравственныхъ и духовныхъ способностей оставалось для нихъ началомъ, не подлежащимъ сомнѣнію. Равенство, къ которому стремятся Французы пересозданіемъ общества, ограничивается у нихъ только обладаніемъ средствами къ существованію; матеріальный трудъ и раздѣленіе труда является у нихъ только средствомъ для достиженія духовныхъ цѣлей, а не для однихъ житейскихъ наслажденій. Коммунистическое устройство должно, съ одной стороны, замѣнить собою рабство древняго міра, а съ другой,

доставить каждому человѣку за совершенно ничтожное количество труда столько средствъ къ существованію, чтобы онъ могъ, подобно древнимъ свободнымъ Аѳинянамъ, по преимуществу заниматься наукою, искусствомъ и общественнымъ благомъ. „Аѳины, говоритъ Августъ Беккеръ, пали по тому, что они не знали коммунизма, а Спарта — по тому, что презирала науку“.

Хотя по этому ученію, въ противоположность классической древности, не человѣкъ исчезаетъ въ гражданинѣ, а гражданинъ поглощается человѣкомъ, и, слѣдовательно, совершенно отрицаются понятія о государствѣ и національности, но тѣмъ не менѣе на этомъ ученіи ясно видно вліяніе классической науки, а именно — Платонова міросозерцанія. Французскіе социалисты-теоретики — материалисты; напротивъ нѣмецкіе — гуманисты. Первые требуютъ владычества промышленности, а вторые — освобожденія отъ промышленности. Первые признаютъ духовныя способности человѣка только средствомъ для наслажденія матеріальными благами жизни; а вторые смотрятъ на нихъ, какъ на цѣль всѣхъ наслажденій. Общины, какія хотятъ устроить французскіе социалисты, представляютъ собою рабочія казармы, въ которыхъ господствуетъ только законъ равенства; напротивъ того, нѣмецкія общины суть въ то же время академіи, гдѣ господствуетъ наука ⁽⁴⁾. А

(4) Въ *Garantien der Harmonie und Freiheit*, которая, судя по предисловію, можно считать общею программю нѣмецкихъ коммунистовъ въ Швейцаріи, сказано (стр. 132 и сл.), между прочимъ, слѣдующее: «философія должна надъ всѣмъ господствовать, и во главѣ всего общества долженъ стоять тройственный совѣтъ изъ величайшихъ философовъ, которые въ то же время были бы знаменитѣйшими учеными по медицинѣ, физикѣ и механикѣ». На стр. 180 и сл. изложены подробные планы академій искусствъ и наукъ въ коммунистическомъ обществѣ.

потому, нѣмецкіе коммунисты уже и теперь признаютъ необходимость общаго образованія для каждаго человѣка, а нѣмецкія коммунистическія общества за границею составляютъ вмѣстѣ и воспитательныя общества, въ которыхъ всѣ члены ежедневно обучаются исторіи, географіи, языкамъ, естественнымъ наукамъ и другимъ отраслямъ знаній.

Б. ФОРМЫ ОБЩИНАГО ХОЗЯЙСТВА.

§ 28.

Организаціонные планы коммунистовъ.

Гораздо разнообразнѣе взгляды нѣмецкихъ и французскихъ социалистовъ на формы общиннаго хозяйства и на внутреннее устройство будущаго общества. Въ этомъ отношеніи, по степени общинной связи, они распадаются на слѣдующія три главныя направленія.

На лѣвой сторонѣ стоитъ коммунизмъ, представителями котораго во Франціи были Бабёфъ и особенно Кабэ; въ Англіи Робертъ Овенъ; въ Германіи и Швейцаріи Фр. Энгельсъ, А. Беккеръ Вейтлингъ, и др. Коммунизмъ требуетъ экономическаго порядка на основаніи безусловнаго общаго владѣнія, общей для всѣхъ производителей мастерской и общаго для всѣхъ потребителей хозяйства, а затѣмъ, онъ требуетъ уничтоженія не только наслѣдства, но и всякой частной собственности.

Но какую форму приметъ этотъ порядокъ и, особенно, какъ въ отдѣльныхъ коммунистическихъ общинахъ и въ ихъ болѣе обширныхъ союзахъ должно поддерживаться

равенство въ единствѣ и гармоніи общаго, — объ этихъ вопросахъ у самихъ представителей этого направленія господствуетъ еще много темнаго.

Овенъ, занимавшійся въ своихъ сочиненіяхъ ⁽¹⁾ преимущественно разборомъ современнаго общества и устроениемъ отдѣльныхъ рабочихъ общинъ, въ которыхъ личное благоволеніе должно заступать мѣсто всѣхъ законовъ, возлагаетъ все управление общиною на стариковъ и требуетъ такого устройства, въ которомъ всѣ занятія и должности распредѣлялись бы по возрастамъ.

Новѣйшіе послѣдователи Бабёфа, такъ называемые *éga-litaires* ⁽²⁾, проповѣдывавшіе во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ коммунизмъ въ самой свирѣпой формѣ, признаютъ необходимость въ всемогущей центральной власти, которая каждому гражданину назначаетъ родъ и количество труда, распоряжается каждымъ человѣкомъ, какъ машиною, и заботится о доставленіи ему достаточнаго содержанія. Большіе города должны быть уничтожены, ибо они суть разсадники роскоши, смятенія и разврата; земля покрыта только деревьями, мѣстечками и мелкими городами; дворцы и всякія пышныя зданія исчезаютъ. Повсюду видны только удобныя, уютно построенныя жилища, которыми завѣдуетъ общественный строитель. Одежда для всѣхъ одна и измѣняется только по возрасту и полу. Браковъ и семействъ не существуетъ. Воспитаніе дѣтей беретъ на

⁽¹⁾ Р. Овенъ (род. 1771), *New views of society, or essays upon the formation of human character*, London, 1812, и множество брошюръ. Ср. *Жозефа Рея*, *Letres sur le système de la corporation mutuelle et de la communauté de tous les biens, d'après le plan de M. Owen*, 1828. — *Revue des deux mondes*, 1838, апрѣль.

⁽²⁾ См. Штейна, стр. 425 и сл., и Луи Рейбо въ *Revue des deux mondes*, 1842, іюль.

себя общество. Для всѣхъ—одинъ способъ воспитанія и обученія. Всѣ живутъ и работаютъ вмѣстѣ въ общихъ палатахъ и размѣщаются только по поламъ. Надъ всѣми господствуетъ одна и таже неумолимая власть, одна и таже строгость закона равенства, такъ что каждый отдѣльный человѣкъ, только какъ кукла, повинуется центральной власти.

Менѣе суровы планы Кабэ ⁽³⁾ и его посяждователей. Его коммунистическое государство основано не на деспотизмѣ, а на демократіи. Основнымъ и всеподдерживающимъ началомъ полагаетъ онъ на мѣсто суровой власти братскую любовь и добровольное согласіе отдѣльныхъ лицъ. Хотя здѣсь и существуютъ опредѣленные и постоянныя нормы и устанавливается общее для всѣхъ управленіе, однако всѣ члены общины сами собой въ интересѣ самой общины, не выходятъ изъ назначеннаго имъ круга дѣятельности, и Кабэ надѣется, что при такомъ устройствѣ не будетъ болѣе ни преступленій, ни наказаній. Въ его Икарійскомъ государствѣ господствуетъ равное для всѣхъ гражданъ право избирать и выбираться, — народное представительство, — провинціальное представительство, — ассоціація общинъ, къ которой принадлежатъ всѣ безъ исключенія граждане, — наконецъ, общій законъ, составляемый представителями народа и утверждаемый совокупнымъ голосомъ общинъ. Всякая общественная власть избирается народомъ. Бракъ и семейство остаются въ силѣ, и дѣти до пяти лѣтъ воспитываются дома. Съ 21-го года каждый гражданинъ становится полноправнымъ. Земля, принадлежащая обществу, воздѣлывается гражданами, по назначенію народныхъ представителей;

(3) См. Voyage en Icarie, Парижъ 1840, потомъ отдѣльное сочиненіе — коммунистическое исповѣданіе 1841, которое Штейнъ приложилъ къ своему сочиненію, стр. 463, а также множество мелкихъ брошюръ и журнальныхъ статей.

они же распредѣляютъ потомъ собранныя произведенія по различнымъ, для каждой отрасли труда воздвигнутымъ обширнымъ заведеніямъ, для дальнѣйшей обработки ихъ, или для потребленія. Въ каждомъ заведеніи, соединяющемъ въ себѣ работниковъ одного ремесла, примѣняется машинное производство въ возможно большихъ размѣрахъ, дабы трудъ человѣка мало по малу могъ ограничиваться исключительно управленіемъ машинами. Всѣ граждане должны работать ежедневно и поровну, но никакъ не болѣе семи часовъ въ день, и при томъ каждый можетъ выбирать себѣ такую работу, которая ему болѣе нравится. Все остальное, по мнѣнію Кабэ, зависитъ отъ общественнаго воспитанія и отъ господства въ общинѣ, вслѣдствіе этого воспитанія, начала братской любви. Наконецъ, новый порядокъ долженъ водвориться не силою власти, но постепенно, вслѣдствіе убѣжденія и переворота общественнаго мнѣнія.

Наконецъ, по плану нѣмецкихъ коммунистовъ въ Швейцаріи въ коммунистической общинѣ должны господствовать наука и разумъ. Составитель ⁽⁴⁾ ихъ программы начинаетъ рядъ своихъ доводовъ съ человѣческаго желанія, какъ первоначальной силы, понуждающей людей жить въ обществѣ. Средствами къ удовлетворенію этому желанію служатъ способности человѣка, а примѣненіе этихъ способностей есть трудъ. Способности суть естественныя предѣлы человѣческаго желанія, но при удовлетвореніи его постоянно являются все новыя приманки. Сильныя желанія пробуждаютъ способности, способности — дѣятельность, а плоды дѣятельности составляютъ предметъ наслажденій, которыя вызываютъ опять новыя желанія. Такимъ образомъ

(4) В. Вейтлингъ, *Garantien der Harmonie und Freiheit*, стр. 113 — 211.

желанія, способности и трудъ людей растутъ и совершенствуются всегда вмѣстѣ, а на этомъ и основывается естественный законъ человѣческаго успѣха. Для удовлетворенія возрастающему желанію и для соотвѣтствующаго развитія своихъ способностей человѣкъ нуждается въ обществѣ, въ которомъ способности, трудъ и наслажденія разныхъ лицъ взаимно дополняются и обмѣниваются между собою. Лучшее устройство общества есть то, при которомъ форма обмѣна разнообразныхъ личныхъ способностей наименѣе задерживаетъ дѣйствіе естественнаго закона человѣческаго успѣха, такъ что съ одной стороны, удовлетвореніе желанія не ослабляетъ способностей, а съ другой, желанія и способности одного лица не приносятся въ жертву остальнымъ, или не возбуждаются и не развиваются на счетъ другихъ. Задачу же всякой общественной организаціи составляетъ гарантія свободы и гармоніи всѣхъ индивидуальныхъ желаній и способностей.

Человѣческое желаніе обращено всегда на три предмета: на приобрѣтеніе, наслажденіе и познаніе. Этому троякому направленію соотвѣтствуетъ троякая способность и трудъ человѣка: производство, потребленіе и управленіе. До сихъ поръ, въ человѣческомъ обществѣ господствовали надъ всѣмъ одни только желанія приобрѣтать и наслаждаться, а знаніе подчинялось господству этихъ чувственныхъ побужденій. Отсюда — пороки и преступленія, законы и наказанія, которые суть ничто иное, какъ недуги общественнаго тѣла, происходящіе отъ разлада между личными желаніями и способностями, и отъ дурной организаціи общества.

Наконецъ, истинная цѣль общества требуетъ еще, чтобы и наукѣ также было отведено подобающее мѣсто, съ котораго она руководила бы всѣми остальными желаніями и способностями людей. Управленіе общиною не должно

принадлежать ни государю, ни диктатурѣ, ни большинству голосовъ, какъ это бываетъ въ республикахъ, но изъятому изъ-подъ всѣхъ личныхъ вліяній разуму.

Во главѣ общины стоятъ три величайшіе философа, составляющіе тройственный совѣтъ, а за ними главная центральная коммиссія мастеровъ, академическій совѣтъ и совѣтъ народнаго здравія; за этими послѣдними слѣдуютъ опять коммиссія мастеровъ, академіи и коммиссія народнаго здравія для отдѣльныхъ округовъ, и такъ далѣе до отдѣльныхъ смотрителей за работами. Для занятія высшихъ должностей недостаточно одного народнаго избранія, но необходимо еще, чтобы работа, представленная на конкурсъ, была признана за лучшую; при оцѣнкѣ этихъ работъ имя и личность соискателей остаются неизвѣстны избирателямъ. Только при избраніи въ совѣтъ народнаго здравія рѣшителемъ является число счастливыхъ излѣченій, совершенныхъ соискателемъ. Тройственный совѣтъ взвѣшиваетъ, на основаніи представленныхъ подвѣдомственными лицами статистическихъ данныхъ, всѣ физическія и духовныя нужды общины, какъ въ отношеніи количества, такъ и въ отношеніи рода предметовъ потребленія, и потомъ уже, сообразно съ этимъ назначаетъ одинаковое для всѣхъ время труда для производства этихъ предметовъ. Каждому предоставляется свободный выборъ труда и наслажденій, какія доставляются трудомъ; но при этомъ однако каждый долженъ напередъ объявить, за какой родъ произведеній рѣшился онъ приняться, дабы можно было заказать ему опредѣленное количество ихъ. Но если свободный выборъ труда нарушаетъ гармонію цѣлаго, то является начальство съ своимъ вмѣшательствомъ. Мѣрою при опредѣленіи цѣнности всѣхъ произведеній физическаго и духовнаго труда и услугъ служатъ рабочіе часы. Начальства опредѣляютъ размѣры

каждаго рода производства и усиливаютъ его, какъ скоро требованіе превышаетъ производство, или нарушаетъ гармонію. Средствами обмѣна и вознагражденія труда служатъ такъ-называемыя торговыя книги (5), которыя ежегодно

(5) Эти торговыя книги играютъ весьма важную роль въ планѣ составителя. „Они замѣняютъ, говоритъ онъ на 170 стр., въ одно время: паспортъ, метрическое свидѣтельство, припись, отпускную, аттестатъ, вексель, квитанцію, прихода-расходную книгу, дневникъ, рекомендательное письмо, календарь и проч. Они суть зеркало всѣхъ духовныхъ и физическихъ потребностей человѣка, его портретъ, біографія, — однимъ словомъ, такое полное изображеніе cadaго отдѣльнаго лица, какаго до сихъ поръ никогда еще не бывало. Изъ этого несмѣтнаго множества свидѣтельствъ, аттестатовъ и всякаго рода письменныхъ удостовѣреній, въ которыхъ мы нуждаемся при настоящихъ условіяхъ и изъ которыхъ большая часть совершенно бесполезна, составляется одна общая усовершенствованная и упрощенная торговая книга. Кромѣ одного листа, назначаемаго для вписыванія особыхъ замѣчаній, эта книга содержитъ въ себѣ 60 листовъ, по одному листу на каждыя пять рабочихъ дней, что составляетъ 300 рабочихъ дней въ году. На каждомъ листѣ четыре различныя рубрики: три на одной сторонѣ и одна на другой, оборотной. На первой означаются мастерскія и мѣста, въ которыхъ работаетъ предъавитель, число рабочихъ часовъ въ день, потомъ квартира, время, когда онъ ее занялъ, и наконецъ зала, въ которой онъ обѣдаетъ. Во второй, подъ рубрикою: Gesundheits-Bulletin, отмѣчаются: родъ, продолжительность, причина и дѣйствіе болѣзни, которою одержимъ человѣкъ. Въ третьей рубрикѣ, называемой „рабочіе часы“, смотрители отмѣчаютъ время, которое работалъ каждый человѣкъ сверхъ положеннаго, съ показаніемъ числа часовъ и отрасли труда. Въ четвертой рубрикѣ: „часы удовольствій“, отмѣчаются всѣ предметы наслажденія и удовольствія, какими пользуется работникъ за свой трудъ, цѣнность ихъ, равно какъ и заведеніе, откуда они получены имъ. Рабочіе часы отмѣчаются только черезъ каждыя четыре дня, а часы отдохновенія и удовольствія — всякій разъ, какъ работникъ пользуется ими. Исключеніе изъ этого составляютъ только тѣ наслажденія, въ которыхъ бываетъ ежедневная потребность и которыми обыкновенно пользуется работникъ въ теченіе мѣсяца или года“.

вручаются начальствомъ каждому члену и содержатъ въ себѣ портретъ и подпись предъявителя. Въ нихъ отмѣчаются ежедневно различными смотрителями работъ рабочіе часы, а также наслажденія и удовольствія предъявителя, но тѣми лицами, которыя доставили ему эти наслажденія. Комиссіи народнаго здравія контролируютъ эти книги и заботятся о томъ, чтобы трудъ и наслажденіе находились всегда въ равновѣсіи, не были въ ущербъ отдѣльному лицу и не нарушали гармоніи цѣлаго. Лица, одержимыя неизлѣчимыми тѣлесными и душевными болѣзнями перевозятся въ отдаленныя страны и на острова, гдѣ и находятъ для себя нужный уходъ. Всѣ дѣти обоюго пола съ шести-лѣтняго возраста поступають въ общественную школу, для которой составлена обширная система преподаванія, для всѣхъ родовъ труда, начиная съ высшихъ степеней и до университетовъ. При каждомъ переходѣ съ одной ступени на другую, изъ одной области въ другую, назначаются испытанія, и никто изъ учащихся не можетъ поступить въ число совершеннолѣтнихъ работниковъ до тѣхъ поръ, пока предварительно не признають его къ тому способнымъ. Бракъ остается въ силѣ, но на женщинъ возложены, относительно работъ и удовольствій, тѣже права и обязанности, какъ и на мужчинъ.

§ 29.

Организаціонные планы Сентъ-Симонистовъ.

Къ коммунизму ближе всего подходитъ направленіе, основанное Сентъ-Симономъ и которое вмѣсто наследственнаго права кровнаго родства признаетъ наследственное право по заслугамъ и назначаетъ minimum дохода для cadaго челоуѣка. Оно отличается отъ

коммунизма тѣмъ, что признаетъ пожизненную частную собственность.

Въ сочиненіяхъ ⁽¹⁾ самого С.-Симона нѣтъ еще никакого строгаго плана для будущаго общественнаго устройства. Въ нихъ высказаны только мысли о томъ, что угнетенный доселѣ классъ работниковъ состоитъ изъ полезнѣйшихъ и лучшихъ членовъ государства и долженъ занимать первое мѣсто въ обществѣ, по тому, что работники сами ни въ комъ не нуждаются, между тѣмъ какъ никто не можетъ обойтись безъ нихъ, и еще по тому, что промышленность требуетъ для своего господства начала совершеннаго равенства. Эти мысли онъ старался, какъ извѣстно, подкрѣпить своимъ такъ-называемымъ „новымъ христіанствомъ ⁽²⁾“, или религіею братской любви.

Уже позднѣе, учениками его, и преимущественно Базаромъ ⁽³⁾, развита была форма, которую надо считать характеристическою формой С.-Симоновой ассоціаціи. Эта ассоціація представляетъ гіерархію, глава которой сосредоточиваетъ въ себѣ всю свѣтскую и духовную власть и, какъ живой законъ, осуществляетъ новую соціальную религію братства и равенства. Въ основаніи ея лежитъ естественное неравенство человѣческихъ способностей, вслѣдствіе котораго начало равенства можетъ осуществиться лишь тогда, когда каждый займетъ соотвѣтствующее его способностямъ мѣсто, и когда онъ будетъ получать вознагражденіе за

⁽¹⁾ Обзоръ многочисленныхъ сочиненій С.-Симона см. у Штейна, стр. 160. Кромѣ сочиненія, названнаго въ § 27, прим. 2. принадлежатъ сюда особенно слѣдующія два сочиненія: *Système industriel*, 3 тома, Парижъ, 1821—1822, и *Catechisme des industriels*, Paris. 1822—1823.

⁽²⁾ *Nouveau christianisme*, Paris. 1825.

⁽³⁾ *Doctrine de Saint-Simon. Exposition*. 2 T. Paris. 1828—1830, — Штейнъ, стр. 183 и сл.

произведенія, въ которыхъ высказываются его способности. Для достиженія этой цѣли, собственность не должна поддерживать привилегію рожденія, право жить на счетъ другихъ, право жить сложа руки. По смерти владѣльца, она должна принадлежать не семейству умершаго, а государству, которое доставляетъ каждому, смотря по его способностямъ, условія для труда, землю и капиталъ. По этому, въ каждой странѣ существуютъ повсюду банки, подчиненные одному центральному банку. Они принимаютъ имѣніе послѣ умершаго, конфискуютъ его и передаютъ его опять способнѣйшему, который и продолжаетъ начатое хозяйство. Бракъ остается въ силѣ; но женщины, въ церковномъ, государственномъ и семейномъ отношеніи, совершенно приравняются мужчинамъ.

§ 30.

**Организаціонные планы социалистовъ. — Симондъ-де-Сисмонди.
Луи Бланъ.**

Наконецъ, умѣреннѣе всѣхъ другихъ организаціонные планы социализма, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ выработали его: во Франціи Фурье и ученики его Викторъ Консидеранъ и Луи Бланъ, въ Германіи неизвѣстный авторъ книги: „Ниспроверженіе и Возсозданіе, или настоящее и будущее (1)“. Этотъ послѣдній признаетъ существующія владѣльческія отношенія, признаетъ частную собственность и наслѣдственность и стремится только къ общинной организаціи труда, къ такой общинѣ, въ которой совокупный доходъ распредѣлялся бы между

(1) Abbruch und Neubau, oder Jetztzeit und Zukunft, von Michael ***. Stuttgart, 1846.

всѣми членами, соразмѣрно съ личнымъ участіемъ каждаго трудомъ, капиталомъ и талантомъ.

Въ социализмѣ надо различать два различныя направленія: политическое, которое связываетъ социальный вопросъ организація труда съ политикою, возлагаетъ на государство обязанность непосредственнымъ вліяніемъ на промышленность постоянно поддерживать равновѣсіе и по этому хочетъ преобразовать государство, и чисто-промышленное, которое не обращаетъ вниманія на государственное устройство, не признаетъ никакихъ политическихъ стремленій и свои экономическіе планы считаетъ одинаково исполнимыми, какъ въ Россіи — при неограниченной монархіи, такъ и въ Америкѣ — въ республикѣ. Первое хочетъ ввести новый порядокъ сверху и всю промышленность предоставить попеченію государства; второе хочетъ начать пересозданіе общества внутри государства, снизу, и измѣнить только взаимныя отношенія между отдѣльными лицами. Начало первому направленію положилъ еще въ 1819 году Симондъ-де-Сисмонди въ своихъ „Новыхъ началахъ политической экономіи“; хотя онъ въ главнѣйшихъ положеніяхъ слѣдовалъ Смитовой теоріи, однако ревностно ратовалъ противъ начала свободнаго соперничества и противъ увеличенія производства, какъ единственной цѣли промышленности. Живыми красками изобразилъ онъ контрастъ между богатствомъ и нищетою, ведущій все общество на встрѣчу къ все болѣе и болѣе печальнымъ катастрофамъ, и причину этого открылъ въ извращенной организаціи промышленности, и именно въ соперничествѣ, при которомъ всѣ двигатели производства, какъ-то: машины, банки и пр. увеличиваютъ богатство однихъ богатыхъ, и все болѣе и болѣе уменьшаютъ доходы рабочихъ. Онъ старался доказать, что не всякое увеличеніе производства само по себѣ

полезно для общества, и что только способъ потребления его опредѣляетъ его пользу, а потому онъ возлагаетъ на государство обязанность ограждать народъ отъ вредныхъ послѣдствій соперничества (²).

Это послѣднее положеніе, по которому государство становится верховнымъ руководителемъ производства, развито далѣе Луи Бланомъ (³). По его мнѣнію, задача правительства состоитъ въ уничтоженіи соперничества посредствомъ

(²) См. Т. II, кн. VII, гл. 8, подъ заглавіемъ: „Какимъ образомъ правительство должно ограждать населеніе отъ послѣдствій соперничества.“ Средства, которыя, по мнѣнію Сисмонди, должно употреблять государство, еще очень неопредѣленны. На стр. 339 онъ говоритъ: „Относительно земледѣльческаго населенія главная обязанность правительства состоитъ въ томъ, чтобы постоянно сближать трудъ съ частною собственностью и всевозможными косвенными средствами законодательства ускорять это сближеніе, — какъ можно болѣе облегчать продажу недвижимостей — поддерживать въ семействахъ раздѣленіе наслѣдства — воспрещать всѣ ограниченія, субституціи, сковывающія частную собственность, и въ томъ, чтобы сообщить владѣнію землею такія выгоды, вслѣдствіе которыхъ всякій крестьянинъ считалъ бы приобрѣтеніе мелкой земельной собственности цѣлью своихъ стремленій. — Но если такой безпорядокъ уже водворился, если земли сплотились огромными массами въ немногихъ рукахъ, если собственники пользуются уже монополіею надъ рабочими, которые принуждены наперерывъ сбивать другъ у друга цѣну своего труда и предлагать свои услуги за самое ничтожное вознагражденіе, и когда, въ то же время, они пользуются выгодами большихъ капиталовъ, обширнаго производства и благоразумнаго управленія, такъ что совершенно подрываютъ состояніе мелкихъ собственниковъ и фермеровъ, то тогда законодательство должно поспѣшить болѣе прямыми мѣрами на помощь этимъ послѣднимъ.“ Въ слѣдующей заключительной главѣ своего сочиненія Сисмонди уже вполне развиваетъ идею солидарности, которою государство должно связать между собою собственниковъ, доставляющихъ работу, и рабочихъ, неимѣющихъ никакой собственности.

(³) См. *Organisation du travail*, Paris. 1841, и позднѣйшія изданія.

прямаго участія въ немъ. Оно дѣлаетъ заемъ, заводитъ общія мастерскія для важнѣйшихъ отраслей національной промышленности, составляетъ для нихъ уставы и сообщаетъ имъ черезъ народное представительство силу закона; оно снабжаетъ эти мастерскія необходимыми орудіями труда и по крайней мѣрѣ на первый годъ устанавливаетъ мѣру вознагражденія, соразмѣрно труду, предпринимаемому каждымъ работникомъ. Впослѣдствіи, когда всѣ работники будутъ взаимно цѣнить другъ друга, различныя работы внутри ассоціаціи распредѣляются по назначенію самихъ сочленовъ. Ежегодно составляется отчетъ, и чистый доходъ дѣлится на три части. Первая поровну распредѣляется между всѣми сочленами; другая употребляется частью на содержаніе стариковъ и больныхъ, а частью на поддержку другихъ отраслей промышленности; наконецъ, третья часть дохода служитъ для пріобрѣтенія орудій труда для лицъ, вновь вступающихъ въ ассоціацію. Къ каждой въ такомъ видѣ устроенной промышленности могутъ примкнуть лица съ такими занятіями, изъ которыхъ каждое по характеру своему требуетъ особеннаго помѣщенія, такъ что каждая общая мастерская обнимаетъ и различнаго рода занятія, которыя, группируясь около одной обширной промышленности, повинуются всѣ однимъ и тѣмъ же законамъ и пользуются одинакими выгодами. Каждый членъ ассоціаціи располагаетъ своимъ заработкомъ, какъ хочетъ; но общинная жизнь должна вызвать изъ ассоціаціи труда также и ассоціацію потребностей и удовольствій. Капиталисты, вступающіе въ общину, извлекаютъ проценты со внесенныхъ ими капиталовъ, но въ общей выручкѣ участвуютъ, какъ простые работники.

Такимъ образомъ, въ каждой главной отрасли промышленной дѣятельности основанная государствомъ обширная мастерская соперничаетъ съ частными заведеніями и, вслѣд-

ствіе дешевизны общинной жизни, происходящей изъ самой организаціи, скоро можетъ получить перевѣсъ надъ ними. Такая мастерская, руководимая государствомъ въ интересѣ общаго блага, не станетъ подрывать промышленныя заведенія частныхъ лицъ, но мало по малу будетъ стягивать однородныя ассоціаціи подъ верховное управленіе государства и такимъ образомъ заправлять цѣлымъ рынкомъ.

Какъ скоро въ какой нибудь одной отрасли промышленности введено начало ассоціаціи и государство сдѣлается главнымъ руководителемъ ея, тогда совокупныя однородныя мастерскія опять вступятъ между собою въ обширную ассоціацію, и основанія, господствующія въ каждой изъ нихъ, будутъ перенесены на всю ассоціацію, дабы соперничество, уничтоженное между частными лицами, не нашло себѣ мѣста въ корпораціяхъ. Вслѣдствіе такого порядка, въ каждой отдѣльной области труда, которую правительство подчинило своей власти, возникаетъ одна большая центральная мастерская, къ которой примыкаютъ всѣ другія, какъ бы вспомогательныя мастерскія, и соединеніе всѣхъ различныхъ средоточій каждаго производства въ одинъ союзъ для совокупной національной цѣли. Такой механизмъ продолжается до тѣхъ поръ, пока солидарность, господствующая между работниками какой нибудь одной мастерской и одной отрасли промышленности, не распространится на всѣ разнообразныя роды занятій, и пока все это совокупное производство не подчинится власти одного государства.

§ 31.

Продолженіе. Шарль Фурье и Викторъ-Консидеранъ.

Совсѣмъ иной путь пролагаетъ Фурье и его ученикъ Вик-

торъ Консидеранъ (1). Между тѣмъ какъ Бланъ начинаетъ съ преобразованія государства, Фурье начинаетъ свою социальную реформу пересозданіемъ общинъ. Его Phalange состоитъ изъ 1500 — 2000 человекъ. Менѣе этого числа членовъ въ общинѣ не должно быть, потому что оттѣнки характеровъ, наклонностей и способностей будутъ недостаточно разнообразны для исполненія различныхъ работъ, въ которыхъ нуждается община. Это число не должно также и превышать показанной цифры, потому что иначе социальный механизмъ чрезъ мѣру усложнится и будетъ подвергаться частымъ остановкамъ. Вся движимая и недвижимая собственность, вносимая въ общину отдѣльными членами ея, оцѣнивается по рыночной цѣнѣ, и каждый собственникъ получаетъ соотвѣтствующее своей собственности количество акцій на участіе въ общемъ имуществѣ общины; эти акціи могутъ быть отчуждаемы по произволу владѣльцевъ.

Во главѣ общины находится совѣтъ, избираемый изъ значительнѣйшихъ акціонеровъ и способнѣйшихъ членовъ ея, которые усчитываютъ и записываютъ всѣ работы, исполняемыя всѣми членами общины, а также берутъ на себя и управленіе всѣми прочими дѣлами ея. Каждый вновь поступающій членъ получаетъ на первый годъ все готовое содержаніе, дабы нищета никого не удерживала отъ вступленія въ общину. Затѣмъ, по окончаніи перваго года, производится между членами общины дѣлежъ общаго дохода въ слѣдующей пропорціи: простые работники получаютъ изъ него $\frac{5}{12}$, на долю капиталовъ приходится $\frac{4}{12}$, на долю талантовъ, или

(1) См. § 25 прим. 2. Кромѣ названнаго сочиненія Фурье, принадлежатъ сюда еще два сочиненія его: *Traité de l'association domestique agricole*, 2 Т. Paris. 1822; 2-е изданіе 1841, и его же *Nouveau monde industriel*, Paris. 1829.

теоретическихъ и практическихъ знаній $\frac{3}{12}$. Это отноше-
 ніе можетъ измѣняться, смотря по обстоятельствамъ, но
 не иначе какъ въ случаѣ особенной нужды, оправданной
 опытомъ.

На принадлежащей фалангѣ землѣ, обширность которой
 полагаетъ Фурье въ одинъ квадратный часъ ⁽²⁾, построено
 общее жилище для всѣхъ членовъ общины, — фаланстерія
 (le Phalanstère). Она построена по опредѣленному плану,
 который приспособленъ къ экономическимъ выгодамъ об-
 ширнаго хозяйства и который въ то же время устраняетъ
 всякія неудобства и помѣхи, происходящія отъ скопленія
 большаго числа людей и сосредоточенія разнообразнѣйшихъ
 дѣятельностей въ одномъ зданіи. Фаланстерія эта прости-
 рается какъ можно болѣе въ длину, выстроена въ три
 этажа, съ обширными внутренними дворами; въ срединѣ ея
 помѣщаются общія залы, столовая, библіотека, классныя,
 театръ и нешумныя мастерскія; въ одномъ крылѣ зданія
 расположены такія мастерскія, которыя производятъ много
 шума, какъ напримѣръ: слесарей, кузнецовъ, плотниковъ,
 въ другомъ крылѣ — жилыя комнаты для постороннихъ
 посѣтителей и дѣтскія залы. По всему зданію разбро-
 саны частныя жилья различныхъ размѣровъ, отдѣланныя
 съ большимъ или меньшимъ удобствомъ и роскошью и
 назначаемыя для отдѣльныхъ лицъ, смотря по ихъ сред-
 ствамъ, вкусамъ и семейнымъ требованіямъ; вдоль всего зда-
 нія въ первомъ этажѣ — крытая, теплая галерея для облег-
 ченія сообщеній между разными частями фаланстеріи; возлѣ
 зданія — конюшни, анбары и магазины рядомъ съ садами. Для

(²) Lieue carrée, то есть 0,36 геогр. кв. миль, или 7736 прусскихъ мор-
 геновъ (1 прус. морг. = 0,234 рус. дес.), такъ что при 1500 членовъ
 общины на cadaго приходится 5,15, а при 2000 членовъ — по 3,86
 прусскихъ моргеновъ.

всего заведенія устроены: общія кухни, погреба, водопроводы, общее отопленіе и освѣщеніе, такъ что не только всѣми отраслями промышленности занимаются сообща, въ обширныхъ размѣрахъ и по этому съ гораздо меньшими издержками, но и самое удовлетвореніе частныхъ потребностей, благодаря этимъ общественнымъ заведеніямъ, гораздо дешевле и лучше, чѣмъ теперь. Такой приблизительно видъ имѣютъ фаланстеріи Фурье.

Всѣ члены общины раздѣляются на столько отдѣленій или серій, сколько община производитъ, или хочетъ производить, различныхъ работъ. Каждой отдѣльной отрасли земледѣлія, ремесль, домоводства, обученія дѣтей и т. д. соответствуетъ особенная серія, которая состоитъ изъ лицъ обою пола и всякаго возраста, избравшихъ, смотря по своимъ способностямъ и наклонностямъ, тотъ или другой родъ занятія. Въ собственномъ интересѣ, община должна заботиться о томъ, чтобы число серій по возможности увеличивалось и чтобы каждый членъ ея могъ принадлежать по крайней мѣрѣ къ 20 или 30 серіямъ, дабы его природныя способности не оставались неразвитыми, дабы частою смѣною занятій безпрестанно поддерживалось въ немъ рвеніе къ труду и дабы, наконецъ, возможно было промышленное соперничество между членами общины.

Каждая серія распадается на столько отдѣльныхъ группъ, на сколько частей можетъ распаться и самая работа ихъ. Каждая группа пополняется вступленіемъ въ нее новыхъ членовъ, доказавшихъ свою способность къ опредѣленной работѣ, и исключаетъ тѣхъ членовъ, которые почему либо признаны къ ней неспособными. Серіи и группы избираютъ своихъ представителей, которые руководятъ ихъ дѣятельностью. Во главѣ всей промышленной общины находится промышленный ареопагъ изъ пред-

ставителей всѣхъ серій. Но такъ какъ социальная гармонія исключаетъ всякія принудительныя мѣры, то этотъ ареонагъ, какъ и регенство, не имѣетъ права повелѣвать, а только дѣлаетъ предложенія и подаетъ совѣты; составъ его служить порукою въ разумности его рѣшеній и въ исполненіи ихъ серіями.

Дабы ни одна часть общины не могла низойти до степени бездушнѣйшей машины и дабы въ общинѣ не могла развиться никакая промышленная аристократія, никто не долженъ быть исключительно назначаемъ для завѣдыванія дѣлами общины; напротивъ, къ исправленію этой обязанности призываются поочередно всѣ группы, а поощреніемъ для нихъ служить высокое вознагражденіе. „Каждому члену общины назначается *minimum* дохода для удовлетворенія его необходимѣйшихъ потребностей, а при распредѣленіи общаго дохода, соразмѣрно съ рабочими часами каждаго, производства полезныхъ предметовъ даютъ болѣе вознагражденія, чѣмъ производства предметовъ только пріятныхъ, а также вознагражденіе въ производствахъ предметовъ необходимыхъ выше, нежели въ производствахъ предметовъ полезныхъ. Въ такомъ-то устройствѣ Фурье думалъ осуществить начало раздѣленія и гармоническаго соединенія труда въ самой совершенной формѣ, поднять производство на его настоящую высоту ⁽³⁾, доставить каждому отдѣльному

⁽³⁾ По мнѣнію Фурье, производство усиливается наиболѣе отъ дѣлаемаго общиною сбереженія издержекъ. Такъ, напримѣръ, онъ высчитываетъ, что издержки на строевой матеріалъ и на постройку обширнаго хлѣбнаго магазина для 300 семействъ будутъ вдесятеро менѣе издержекъ на 300 нынѣшнихъ крестьянскихъ анбаровъ. Онъ думаетъ, что въ настоящее время 300 крестьянскихъ семействъ теряютъ ежегодно, среднимъ числомъ, 6000 рабочихъ дней только на одинъ провозъ своихъ продуктовъ на рынокъ, не считая издержекъ на этотъ провозъ, — что топлива, сожигаемаго теперь въ 100 отдѣльныхъ кухняхъ,

лицу свободный выборъ занятія и свободное удовлетвореніе его желаній, положить конецъ убійственному однообразію труда и теперешнюю разъобщенность работниковъ замѣнить союзомъ соперничающихъ силъ.

§ 32.

Продолженіе. Организационные планы нѣмецкихъ социалистовъ.

Къ нынѣшнему состоянію общества и имущественнымъ отношеніямъ примыкаютъ еще болѣе проекты социальныхъ реформъ, развитые въ Германіи неизвѣстнымъ авторомъ сочиненія: „Ниспроверженіе и Возсозданіе, или настоящее и будущее“. Фурье надѣялся, что мало по малу весь міръ будетъ состоять изъ однѣхъ фалангъ, и что всѣ общественныя учрежденія въ самыхъ разнообразныхъ странахъ міра, у всѣхъ народовъ, на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, будутъ вытѣснены его новою социальною формою исключительно ради ея совершенства и ея очевидныхъ выгодъ. Вся поверхность земли мало по малу становилась въ его глазахъ шахматной доской, покрытой одними квадратами, въ которыхъ во всѣхъ повторяется все одно и тоже механическое однообразіе (1). Напротивъ, неизвѣстный авторъ

печахъ и каминахъ, для 100 отдѣльныхъ хозяйствъ, доставало бы въ трехъ общихъ кухняхъ для 900 хозяйствъ и что сверхъ того тѣмъ же топливомъ можно было бы нагрѣвать еще комнаты въ зимнее время и т. д.

(1) Фурье мечталъ уже, какъ извѣстно, объ универсальной монархіи, средоточіемъ которой долженъ былъ быть Константинополь. Онъ рассчиталъ, что въ его время населеніе Европы могло составить около 600,000 фалангъ, которыя мало по малу увеличились бы до 3 или 4 милліоновъ. 4, 12, 48 фалангъ составляли бы серіи и находились бы подъ управленіемъ одного представителя (дуарха, триарха и т. д.), и если бы все населеніе земли составило одно великое цѣлое, то

названнаго сочиненія, хотя и былъ безусловнымъ поклонникомъ Фурье и вполнѣ соглашался какъ съ его разборомъ настоящихъ отношеній, такъ и съ его началомъ ассоціаціи, по которому раздѣленіе дохода должно быть пропорціонально участію каждаго работника въ производствѣ и потому должно соразмѣряться съ долею капитала, труда и таланта каждаго работника; однако онъ хочетъ преобразовать одну только промышленность и ея главныя отрасли, фабрики, ремесла и земледѣліе, и освободить ихъ отъ разрушающаго ихъ индивидуализма.

Въ фабричномъ производствѣ онъ хочетъ ввести систему соучастія, или осуществить идею солидарности между капиталистами и работниками, подобно тому, такъ пытался примѣнить ее въ своемъ частномъ заведеніи въ Парижѣ комнатный живописецъ Леклэръ, изложившій ее въ особомъ сочиненіи (2). Каждый работникъ получаетъ обычную плату, какъ минимумъ своего вознагражденія, и, сверхъ того, дѣлается владѣльцемъ такого капитала, который составляется изъ его ежегодной заработной платы, по расчету 5 0/0. Съ другой стороны, капиталистъ получаетъ постоянный окладъ, въ видѣ процента съ капитала и барыша съ предпріятія, и излишекъ барышей его въ концѣ года раздѣляется, смотря по существующей величинѣ заработной платы, между всѣми работниками (3).

Для ремесленной промышленности онъ требуетъ соеди-

дуархъ стоялъ бы во главѣ милліона фалангъ, а омніархъ, имѣющій пребываніе въ Константинополѣ, стоялъ бы во главѣ всего міра.

(2) Леклэръ, *Repartition des bénéfices du travail*. Paris. 1842.

(3) Та же система была съ успѣхомъ примѣнена въ Ирландіи лордомъ Уэлльскуромъ къ земледѣлію и аренднымъ участкамъ. Ср. прибавленіе къ англійскому журналу *The people's journal*, 30 мая 1846 г.

ненія однородныхъ занятій въ обширныхъ союзахъ, частію для общихъ закупокъ необходимаго суровья, частію для общей продажи сработанныхъ предметовъ. Эти различные союзы вступаютъ тогда между собой въ непосредственныя сношенія, на сколько они взаимно нуждаются другъ въ другѣ и занимаются извѣстными родственными занятіями. Союзъ кожевниковъ соединяется съ союзомъ сѣдельниковъ и башмачниковъ въ снабженіи кожевеннымъ товаромъ, портные съ суконными фабрикантами и т. д. При такомъ устройствѣ становятся излишними непроизводительныя занятія торговыхъ посредниковъ и спекулянтовъ, и устанавливается болѣе прочное отношеніе между производителями и потребителями. Если же такіе союзы возьмутъ на себя, сверхъ того, обязанность производить уплаты за своихъ сочленовъ, то само собой прекратится въ различныхъ ремесленныхъ классахъ легкомысленная привычка дѣлать долги и обманывать другъ друга: каждый ремесленникъ будетъ огражденъ отъ всякихъ несчастныхъ случайностей и въ каждомъ союзѣ найдетъ себѣ возможно большее примѣненіе начало раздѣленія труда, а вслѣдствіе этого, усилится и самая производительная сила его.

Наконецъ, въ земледѣліи начало ассоціаціи высказывается у него въ томъ, что вмѣсто многихъ плохихъ сараевъ, погребовъ и анбаровъ, онъ требуетъ общихъ магазиновъ и рядомъ съ ними кредитныхъ учрежденій, изъ которыхъ сельскій хозяинъ получалъ бы ссуды, подъ залогъ своихъ продуктовъ. Наконецъ, онъ требуетъ уничтоженія пошлинъ при передачѣ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія, для того, чтобы облегчить округленіе имѣній, и для того, чтобы удобнѣе можно было общими силами предпринимать хозяйственныя улучшенія.

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ теорій, въ которыхъ соціалисты обѣщаютъ человѣчеству такую будущность, въ которой нѣтъ ни бѣдныхъ—ни нищихъ, ни преступленій—ни наказаній, ни господъ—ни рабовъ, ни тунеядцевъ—ни расточителей, ни властителей—ни угнетенныхъ; въ которой нѣтъ болѣе борьбы частныхъ интересовъ и разрушительнаго соперничества; въ которыхъ, наконецъ, каждому человѣку обезпечена возможность постоянно совершенствоваться. Какъ ни различны и не разнообразны требуемая ими соціальныя реформы, и какъ ни различны самыя задачи ихъ, но всѣ они болѣе или менѣе надѣются устроить такой порядокъ, котораго до сихъ поръ невѣдало человѣчество по собственной винѣ, но который рѣзко противорѣчитъ всей исторіи, — порядокъ, при которомъ прекращается раздоръ между эгоизмомъ и любовью, опредѣлявшій до сихъ поръ всю исторію человѣчества, какъ въ цѣлыхъ народахъ, такъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ, и при которомъ чувственная и нравственная стороны въ человѣкѣ сами собою находятъ свое примиреніе. Всѣ они одинаково хотятъ вдохнуть въ общество новую душу и надѣются, что воспитаніе будетъ развивать духъ новаго порядка отъ поколѣнія къ поколѣнію и будетъ свято хранить всегда и вездѣ сознаніе новой общественной жизни и ея необходимости.

III. НАПАДКИ СОЦІАЛИСТОВЪ НА НАУКУ О НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

§ 33.

Фридрихъ Энгельсъ.

Это изображеніе будущаго устройства общества нѣкоторые соціалисты связали съ разборомъ теорій политической

экономіи, основанной школою Ад. Смита. Изъ отдѣльныхъ нападокъ ихъ на нее можно познаться уже и со взглядомъ ихъ на торговлю и деньги, такъ какъ политическая экономія представила теоретическія основанія этихъ двухъ учрежденій. Равнымъ образомъ и другія ученія, какъ на примѣръ ученіе о свободномъ соперничествѣ, подверглось сильнымъ нападкамъ со стороны Симондъ-де-Сисмонди и Фурье; но полный разборъ цѣлой науки сдѣланъ Фр. Энгельсомъ, безъ сомнѣнія, даровитѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ соціалистовъ.

Разборъ свой помѣстилъ онъ въ нѣмецко-французскомъ періодическомъ журналѣ Руге и Маркса (1), и уже изъ названія этого журнала усматривается точка зрѣнія, съ какою авторъ смотритъ на свой предметъ. Онъ стоитъ на крайней лѣвой сторонѣ коммунизма, пишетъ со всею необузданностью чувства и старается открывать ошибки въ политической экономіи не за тѣмъ, чтобы исправить или уничтожить ихъ, а за тѣмъ, чтобы поразить въ нихъ самую науку. Экономическія системы считаетъ онъ ученіями организованнаго грабежа и обмана, софистическими уловками человѣческаго эгоизма.

Начиная разборомъ понятія о цѣнности, онъ старается доказать, что различіе, поставляемое между реальною и мѣнною цѣнностію, между капиталомъ и трудомъ, между капиталомъ и процентомъ, между произведеніемъ труда и заработной платою, есть ничто иное, какъ насильственное раздвоеніе одного и того же понятія. Хотя это раздвоеніе и существуетъ въ дѣйствительности, однако оно вызвано единственно частною собственностію и, слѣдовательно,

(1) См. первый выпускъ, Парижъ, 1844, стр. 86 и сл.

можетъ быть устранено только вмѣстѣ съ этою послѣднею. Теоретическое раздѣленіе производства на естественное и человѣческое, то есть на дѣятельность земли и человѣка, раздѣленіе послѣдней на трудъ и капиталъ, признаніе вражды между этими тремя элементарными силами и даже признаніе непрерывной борьбы каждой отдѣльной производительной силы самой съ собою, вѣчной борьбы земли съ землею, труда съ трудомъ и капитала съ капиталомъ; далѣе, — внутреннее противорѣчіе соперничества, которое есть ничто иное, какъ борьба за монополію, тогда какъ это же самое соперничество должно устранять монополію; наконецъ, — возведенная въ законъ противоположность между спросомъ и предложеніемъ, которые никакъ не могутъ прійти въ равновѣсіе и въ своемъ неправильномъ движеніи изъ стороны въ сторону причиняють то недостатокъ въ производительныхъ силахъ, то излишекъ въ нихъ, то напряженность, то застой, вызываютъ торговые кризисы и среди обилія произведеній позволяютъ людямъ умирать съ голоду, — все это, по мнѣнію Энгельса, доказываетъ неразумность и безнравственность господствующей теоріи, возникшей изъ придуманнаго самимъ человѣкомъ права на монополію земли. Всѣ его доказательства приводятъ къ тому заключенію, что теорія политической экономіи основана на совершенно развращенной дѣйствительности, а потому отражаетъ въ себѣ тѣ же противорѣчія, какія представляетъ и дѣйствительность, и также неизлѣчима, какъ эта послѣдняя.

Въ заключеніе своего сочиненія, Энгельсъ говоритъ: „Смотря на слѣдствія такого устройства, я прихожу къ другой, болѣе отдаленной темѣ, къ фабричной системѣ, о которой не стану говорить здѣсь, ибо у меня нѣтъ на это ни времени, ни охоты. Надѣюсь, однако, въ скоромъ времени подробно представить отвратительную безнравственность

этой системы и безпощадно обличить лицемѣріе политико-экономовъ, высказывающееся здѣсь во всемъ своемъ блескѣ.“ Эту задачу онъ старался рѣшить во второмъ сочиненіи, явившемся черезъ годъ послѣ перваго, а именно въ сочиненіи: „О положеніи рабочаго класса въ Англіи“ (2), и надо сказать, что онъ рѣшаетъ эту задачу съ большимъ мастерствомъ.

§ 34.

Продолженіе.

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Энгельса нѣтъ уже и слѣда той страсти и увлеченія, какія господствуютъ въ его прежнихъ сочиненіяхъ. Эта страсть преобразилась здѣсь въ душевную теплоту и сокрыта въ общемъ планѣ сочиненія и въ его постепенномъ развитіи. Не продолжая работъ, начатыхъ его предшественниками, П. Гаскелемъ, де-Морогомъ и Бюрэ, онъ выступаетъ вездѣ самостоятельнымъ изслѣдователемъ и непосредственнымъ самовидцемъ, — съ строго-разсчитанною тактикой заявляетъ свое желаніе держаться самой безпристрастной точки зрѣнія, — подкрѣпляетъ свои положенія, гдѣ не достаетъ официальныхъ документовъ, свидѣтельствами собственной партіи, то есть въ описаніи фабричныхъ — свидѣтельствами, заимствованными изъ органовъ либеральнаго мѣщанства, а въ изображеніи земледѣльческаго пролетаріата — данными, заимствованными изъ органовъ земледѣльской аристократіи; и разоблачаетъ англійскій пролетаріатъ такъ, что онъ является у него классическою формою пролетаріата вообще и вмѣстѣ съ нею необходимымъ слѣдствіемъ новѣйшей цивилизаціи, и приводится имъ, какъ великое, всемірно-историческое предостереженіе.

(2) Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig. 1845.

„Все это для того, говоритъ Энгельсъ, чтобы дать твердую почву сужденіямъ о законности соціальныхъ теорій и положить конецъ всякимъ сумазбродствамъ и бреднямъ за и противъ соціализма.“

Во введеніи къ своему сочиненію онъ изображаетъ въ немногихъ весьма удачныхъ, рѣзкихъ чертахъ промышленный переворотъ Англіи, начиная съ половины прошлаго столѣтія, и ведетъ параллель между предшествовавшимъ ему состояніемъ и тѣмъ, какое произошло изъ него. До этого переворота въ Англіи существовалъ такой же порядокъ, какой мы видимъ еще теперь въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, еще незатронутыхъ новѣйшею промышленностью. Ткачи съ своими семействами жили въ деревняхъ и жили безбѣдно: въ то время соперничество не давило еще заработной платы, и ткачъ могъ откладывать часть своей выручки и арендовать на нее небольшой участокъ земли. Правда, онъ былъ плохимъ земледѣльцемъ, но все-таки сидѣлъ на собственной землѣ и не былъ пролетаріемъ, а потому его матеріальное положеніе было гораздо лучше, чѣмъ его наслѣдниковъ. Онъ самъ и люди его состоянія вели нравственную жизнь, ибо имъ не было никакого повода жить безнравственно: въ сосѣдствѣ ихъ не было еще кабаковъ и притоновъ разврата. Порядокъ ихъ жизни не испытывалъ никакихъ насильственныхъ потрясеній, никакихъ помѣхъ. Они вели романтическую тихую жизнь и были, хотя не людьми, а рабочими машинами, однако не простыми машинами, какими сдѣлалъ ихъ промышленный переворотъ. Въ такой же патріархальной простотѣ жили и другіе ремесленники съ своими подмастерьями въ городахъ, и многочисленныя мелкіе земледѣльцы въ деревняхъ. Оба эти класса составляли въ то время вмѣстѣ бѣольшую часть и зерно націи, а тѣлесное здоровье, матеріальный достатокъ и вну-

треннее довольство составляли блага, которыми они все обладали въ равной мѣрѣ.

Но съ половины прошлаго столѣтія раздѣленіе труда, примѣненіе силы воды и пара къ производству и машины породили промышленность, которая извратила весь существовавшій порядокъ вещей и выбила міръ изъ его настоящей колеи. Съ проведенія перваго британскаго канала, въ 1755 году, и съ открытія дженни (прядильная машина) ткачемъ Джемсомъ Гаргрэвомъ (1764) до построенія перваго парохода (1811) и открытія первой желѣзной дороги (1830) въ Британіи, во всѣхъ отрасляхъ промышленности послѣдовали одно открытіе за другимъ. Машинная работа одерживала надъ ручной побѣду за побѣдой, сначала въ хлопчатобумажной промышленности, потомъ въ обработкѣ шерсти, льна и шелка. Вмѣстѣ съ ними, а именно съ примѣненіемъ пара къ устройству машинъ, возрасло значеніе каменнаго угля и желѣза; къ нимъ примкнуло потомъ производство машинъ. Горшечное, стеклянное производства и другія отрасли фабричной промышленности были усовершенствованы. Ремесленники повсюду были вытѣснены машинами. Съ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ, человѣкъ, какъ работникъ, становился менѣе нужнымъ и начали уменьшаться издержки производства, а съ ними и цѣна продуктовъ. Вслѣдствіе этого, расширялся рынокъ и усиливался запросъ на произведенія, а въ то же самое время увеличивалась и нужда въ работникахъ. Ткачи перебрались изъ деревень въ города и перестали рядомъ съ своимъ промысломъ обрабатывать землю. Прядильное искусство отдѣлилось отъ ткачества; раздѣленіе труда развивалось все сильнѣе и сильнѣе. Капиталы и населеніе возрастали, сосредоточивались и все болѣе и болѣе приливались къ фабричному производству. Значительная масса самостоятельныхъ производителей

превратилась въ пролетаріевъ и въ невольниковъ машинъ и приходила все въ бôльшую зависимость отъ отдѣльныхъ богатыхъ капиталистовъ.

То же совершилось и въ деревнѣ. Приращеніе населенія усилило запросъ на средства пропитанія; образовался новый классъ крупныхъ арендаторовъ, которые, съ помощью улучшеннаго земледѣлія, увеличили доходность земельныхъ участковъ и могли гораздо дешевле прежняго продавать свои произведенія. Мелкіе землевладѣльцы не могли выдержать ихъ соперничества, и какъ въ городахъ развился пролетаріатъ промышленный, такъ въ деревняхъ развился пролетаріатъ земледѣльческій. Такимъ-то образомъ исчезли въ Англіи прежде многочисленная мелкая буржуазія и средній рабочій классъ, но остались только, съ одной стороны, крупные фабриканты и землевладѣльцы, а съ другой, многіе милліоны пролетаріевъ безъ собственности. Эти послѣдніе, отданные на произволь первыхъ, сегодня потребляютъ то, что выработали вчера, и часто терпятъ недостатокъ въ необходимѣйшихъ средствахъ существованія, хотя своими изобрѣтеніями и своимъ трудомъ они-то и создали величіе Англіи.

Подробное изображеніе постепенно возрастающаго зла и все болѣе и болѣе нестерпимаго положенія пролетаріевъ составляетъ содержаніе остальной части книги Энгельса. Хотя при сравненіи прошлаго съ настоящимъ Энгельсъ самъ приписываетъ прежнему населенію нисшую степень умственнаго развитія и животную безсознательность, тѣмъ не менѣе онъ отдаетъ прошлому времени безусловное преимущество ради его бôльшей нравственности и бôльшаго матеріальнаго довольства, которое, по мнѣнію его, было въ то время удѣломъ cadaго человѣка. Мало того:

въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія ⁽¹⁾ онъ старается даже доказать, что положеніе свободныхъ работниковъ въ 1845 году было гораздо печальнѣе, чѣмъ положеніе несвободныхъ Саксовъ подъ игомъ норманскихъ бароновъ въ 1145.

Общій выводъ изъ богатыхъ содержаніемъ разсужденій Энгельса состоитъ въ томъ, что Англіи угрожаетъ страшная революція рабочихъ классовъ противъ владѣльческихъ и что нѣтъ другаго средства смягчить эту революцію, какъ распространеніе коммунизма.

Книга Энгельса произвела мало шума, но за то она имѣла большое вліяніе, и всѣ соціальныя теоріи ссылаются на нее какъ на сборникъ фактовъ. Оба эти сочиненія дополняютъ другъ друга. Во второмъ изъ нихъ онъ старается обширными статистическими изслѣдованіями доказать фактически, что новѣйшее экономическое ученіе, фабричное производство, машины, свободное соперничество и денежное хозяйство отбросили человѣчество къ самому краю гибели. Въ первомъ же сочиненіи онъ собираетъ вмѣстѣ всѣ обвиненія противъ науки, какія для развитія такого состоянія представляетъ самая теорія.

Начавъ въ своихъ теоріяхъ разборомъ настоящаго, соціалисты построили зданіе будущаго; по немъ дѣлаютъ они оцѣнку экономической науки, а отъ этой послѣдней снова возвращаются къ разбору настоящаго устройства общества; это сообщаетъ законченность ихъ труду, котораго всѣ части взаимно подкрѣпляютъ другъ друга.

(1) Стр. 225.

IV. РАЗБОРЪ СОЦІАЛЬНЫХЪ ТЕОРІЙ ХОЗЯЙСТВА.

§ 35.

Оцѣнка Энгельсовой критики политической экономіи.

Чтобы оцѣнить Энгельсову критику политической экономіи, мы должны здѣсь подробно разобрать хотя одно изъ обвиненій, приводимыхъ имъ противъ этой науки. Для этого выбираемъ мы его критику политико-экономическихъ опредѣленій цѣнности, потому что здѣсь онъ затрогиваетъ важнѣйшія основанія господствующей системы. Сущность его критики можно выразить въ слѣдующихъ словахъ:

Политико-экономы различаютъ въ своей теоріи двоякую цѣнность: абстрактную или реальную, и мѣновую. Первая есть цѣнность предмета сама по себѣ, безъ отношенія къ мѣнѣ и соперничеству; вторая есть цѣнность предмета въ торговлѣ.

Англичанинъ Рикардо и особенно Мэкъ-Коллохъ считаютъ выраженіемъ реальной цѣнности издержки производства, а, напротивъ того, Сэ — годность предмета. Оба эти взгляда односторонни. Англичане основываютъ свое мнѣніе на томъ, что при обыкновенныхъ условіяхъ ни одинъ человѣкъ не станетъ продавать какую нибудь вещь дешевле того, что стоило ему ея производство, а на возраженіе, — что можно производить съ огромными издержками что нибудь совершенно бесполезное, они отвѣчаютъ: въ такомъ случаѣ издержки производства не выражаютъ собою цѣнности предмета, ибо тогда никто не купитъ этого произведенія. И такъ, они основываютъ эту абстрактную цѣнность на торговлѣ, хотя находятъ цѣнность предмета и внѣ торговли, и сами соглашаются съ тѣмъ, что опредѣленіе ихъ не примѣняется одинаково ко всѣмъ случаямъ.

Напротивъ, по мнѣнію Сэ, годность предмета есть свойство чисто-субъективное и зависитъ отъ степени потребности въ предметѣ. Отсюда, по мнѣнію Сэ, предметы необходимой потребности имѣютъ бѣольшую цѣнность, нежели предметы роскоши, чему противорѣчитъ всякій опытъ. Единственно возможный путь къ кажущемуся, по крайней мѣрѣ, всеобщему рѣшенію вопроса о большей или меньшей годности предметовъ представляетъ, при господствѣ частной собственности, соперничество и, слѣдовательно, опять-таки торговля. И такъ, оба выраженія реальной цѣнности основываются на мнѣнїи, хотя сущность реальной цѣнности и должна состоять именно въ томъ, что эта цѣнность существуетъ внѣ мнѣны.

Вѣрно по мнѣнію Энгельса то, что цѣнность есть отношеніе издержекъ производства предмета къ его годности, которою, при равныхъ издержкахъ производства, опредѣляется цѣнность двухъ предметовъ. Но и въ это единственно вѣрное выраженіе цѣнности при господствѣ частной собственности закрадывается противорѣчіе, а потому оно не осуществимо въ дѣйствительности, ибо — кто можетъ опредѣлить годность вещи? Или — сами лица, совершающія сдѣлку, то тогда ктонибудь непременно будетъ обманутъ, или какаянибудь третья непричастная къ дѣлу сторона, которой опредѣленіе несогласно со взглядами участниковъ, такъ что мнѣна можетъ состояться только вслѣдствіе принужденія, то тогда уже не одинъ, а каждый изъ участниковъ будетъ считать себя обманутымъ. Слѣдовательно, „противорѣчіе между дѣйствительною годностью вещи, опредѣленіемъ годности и свободою мнѣны“, остается въ полной силѣ и можетъ быть уничтожено лишь тогда, когда не будетъ частной собственности. Въ настоящее время годность предмета зависитъ отъ случая, моды и каприза богачей. Издержки производства увеличиваются и уменьшаются, смотря

по случайному отношенію между запросомъ и предложеніемъ. Только по уничтоженіи частной собственности, цѣнность получаетъ прочное основаніе.

Все противорѣчіе между реальной и мѣновою цѣнностью есть только слѣдствіе частной собственности и, слѣдовательно, — фикція, за которой укрылись политико-экономы, послѣ того какъ они признали частную собственность. Въ основаніи этого противорѣчія лежитъ только тотъ справедливый фактъ, что въ настоящее время цѣнность предмета и его цѣна составляютъ въ торговлѣ двѣ совершенно различныя вещи, и что цѣна, которая должна быть эквивалентомъ товара, по этому самому не есть его эквивалентъ.

Политико-экономы, по мнѣнію Энгельса, идутъ ложною дорогой и въ своей теоріи извращаютъ естественное и разумное отношеніе. вмѣсто того, чтобы опредѣлить цѣну товара, сообразно съ его дѣйствительною цѣнностью, они выводятъ цѣнность предмета изъ его случайно состоявшейся цѣны. Такъ какъ послѣдняя опредѣляется отношеніемъ между издержками производства и соперничествомъ, то они считаютъ реальную цѣнность предмета цѣною его въ то время, когда спросъ на этотъ предметъ покрывается привозомъ, а за тѣмъ, остаются еще издержки производства.

И такъ, мы видимъ, что критика Энгельса сводится къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ, въ которыхъ онъ старается доказать :

- 1) что господствующія понятія о цѣнности не достаточны и противорѣчатъ другъ другу,
- 2) что собственное опредѣленіе цѣнности содержитъ въ себѣ противорѣчіе и
- 3) что рѣшить это противорѣчіе можно только посредствомъ уничтоженія частной собственности.

§ 36.

Продолженіе.

Что касается перваго пункта, то фактическія положенія, изъ которыхъ Энгельсъ выходитъ въ своемъ разборѣ, ошибочны. А. Смитъ не различалъ цѣнности реальной и мѣновой, но, согласно съ Аристотелемъ, признавалъ цѣнность въ употребленіи и цѣнность мѣновую (Gebrauchs- und Tauschwerth) предметовъ и двойкую мѣру мѣновой цѣнности, а именно номинальную или рыночную цѣну предмета, выражающуюся обыкновенно въ деньгахъ, и первоначальную, дѣйствительную цѣну предмета, состоящую въ той долѣ труда, которая обмѣнивается на этотъ предметъ ⁽¹⁾. Другими словами, А. Смитъ отличаетъ товаръ, отдаваемый на рынкѣ въ обмѣнъ на другой какой нибудь товаръ, отъ идеальной мѣры, съ которою оба товара сравниваются двумя мѣняющимися лицами и къ которой они приравниваются ими. Изслѣдованіе правилъ и законовъ, по которымъ устанавливаются мѣновая цѣнность и цѣна предметовъ, и составляетъ главное содержаніе творенія А. Смита.

Рикардо провѣрилъ признаваемую А. Смитомъ первоначальную мѣру или цѣну мѣновой цѣнности и нашелъ, что она заключается не въ трудѣ, отдаваемомъ въ обмѣнъ на нее, но въ рѣдкости предмета и въ той долѣ труда, которую нужно употребить самому, чтобы пріобрѣсть его. Напротивъ того, Сэ совсѣмъ отвергаетъ различіе между цѣнностью въ употребленіи и мѣновою цѣнностію, а вмѣсто послѣдней употребляетъ названіе просто цѣнности, и годность предмета считаетъ основаніемъ и первоначальною мѣрою цѣнности.

И такъ, хотя изслѣдованія Сэ о цѣнности, о мѣновой

(1) Ср. § 2.

цѣнности и о цѣнѣ, на началахъ Смитовой школы, отнюдь не рѣшили вопроса вполне, и хотя Германнъ, Рау, Лотцъ и особенно Фонъ-Томасъ (2) повели этотъ вопросъ гораздо далѣе, однако Энгельсъ все-таки совершенно ошибается, утверждая, будто экономисты доискивались различія между реальною и абстрактною цѣнностью предметовъ, въ противоположность мѣнсовой цѣнности. Усилія ихъ скорѣе были обращены на открытіе постоянной неизмѣняемой мѣры мѣнсовой цѣнности и существенныхъ основаній для ея опредѣленія, то есть самой цѣнности, составляющей предметъ торговли. Однако въ этомъ стремленіи было много неяснаго. Они искали чего-то такого, что было совершенно невозможно, съ индивидуалистической и матеріалистической точки зрѣнія Смитовой школы, по которой цѣнность каждаго предмета можетъ существовать только по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, а никакъ не къ цѣлому обществу и къ нравственнымъ цѣлямъ его, — по которой не существуетъ никакого общаго центра для всѣхъ покупателей и продавцевъ одного народа и по которой, наконецъ, цѣна каждаго предмета является только результатомъ борьбы между эгоистическими частными интересами. Что Рикардо и Сэ основали свои теоріи цѣнности на понятіи о торговлѣ, — это еще не значитъ, чтобы онѣ содержали въ себѣ противорѣчіе.

Еще слабѣе доказательства Энгельса въ пользу втораго пункта, ибо если даже и признать вѣрнымъ его опредѣленіе реальной цѣнности, то все-таки выставленное имъ противорѣчіе есть чисто-воображаемое. Какъ нельзя назвать обманутымъ того человѣка, познанія котораго не цѣнятся

(2) Въ весьма остроумномъ сочиненіи: *Die Theorie des Verkehrs*. Первое отдѣленіе: *Die Grundbegriffe der Güterlehre*, Карла Томаса. Берлинъ. 1841.

другими во столько, во сколько онъ ихъ самъ цѣнитъ, такъ же точно нельзя назвать обманутымъ и того, кто получаетъ въ обмѣнъ предметъ не такой цѣны, какую онъ самъ придаетъ своему товару. Годность какъ отдѣльныхъ предметовъ, такъ и цѣлыхъ родовъ ихъ всегда колеблется, смотря по силѣ потребностей въ нихъ, по нравственнымъ качествамъ и средствамъ людей, пользующихся ими, а потому она выражаетъ собою всегда повятіе относительное. Единственная мѣра годности вещей заключается всегда въ самомъ человѣкѣ, а пока люди не превратились все въ совершенно безразличныя куклы и не отказались отъ своей духовной индивидуальности, до тѣхъ поръ все они не могутъ имѣть одного и того же взгляда, хотя, на примѣръ, на годность книги и на пару перчатокъ, если бы даже мы признали одинаковыми издержки ихъ производства. Энгельсъ упустилъ изъ виду, что чисто-абсолютной цѣнности предметовъ не можетъ быть ни при какихъ условіяхъ, и что всякая вещь имѣетъ цѣнность только по отношенію къ человѣку и къ человѣческому обществу и, слѣдовательно, зависитъ отъ человѣческой оцѣнки.

Далѣе, Энгельсъ ошибается также и въ третьемъ положеніи, въ которомъ онъ думаетъ разрѣшить воображаемое имъ противорѣчіе уничтоженіемъ частной собственности, потому что и при господствѣ общиннаго владѣнія произведенія труда и предметы, предоставленные въ пользованіе отдѣльному лицу, должны будутъ также подлежать оцѣнкѣ. Тогда, для избѣжанія совершенной анархіи, необходимо будетъ установить какую либо постоянную формулу⁽³⁾ для

(3) Все равно, какъ бы не выражалась эта формула: Для всѣхъ одинъ трудъ, одно вознагражденіе, или какъ говорилъ С.-Симонъ: каждому по способности и каждой способности по дѣламъ, или какъ предлагалъ Фрѣбель (System der socialen Politik,

опредѣленія доли личнаго труда, за которую каждый отдѣльный членъ общины имѣетъ право на извѣстную долю наслажденія. Если эта оцѣнка будетъ соразмѣряться съ отношеніемъ издержекъ производства къ цѣнности предмета въ употребленіи, то и тогда необходимо будетъ опредѣлить эту цѣнность всѣхъ вещей, а такое опредѣленіе будетъ зависѣть или отъ отдѣльныхъ членовъ общины, или отъ самой общины. Въ первомъ случаѣ, по логикѣ Энгельса, будетъ обманута община, а во второмъ — отдѣльное лицо; если же, наконецъ, предоставить это опредѣленіе рѣшенію какого нибудь третьяго лица, то будутъ обмануты обѣ стороны. Такимъ образомъ, здѣсь произойдутъ тѣ же затрудненія и противорѣчія, какія представляетъ и современная наука.

Энгельсъ въ своей критикѣ отправляется отъ произвольно вырванныхъ и притомъ невѣрныхъ фактовъ и такимъ образомъ проводитъ въ своей теоріи невозможную и неосуществимую идею абсолютной цѣнности предметовъ. Во всѣхъ спеціальныхъ пунктахъ онъ доказываетъ слишкомъ много, а это все равно, что ничего не доказываетъ.

§ 37.

Разборъ Энгельсовой книги о положеніи рабочихъ классовъ въ Англіи, какъ основаніи коммунистическихъ теорій.

Совсѣмъ другое представляетъ намъ статистическое сочиненіе Энгельса объ Англіи. Въ немъ вѣрна, по крайней мѣрѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ сейчасъ разобранномъ сочиненіи, именно спеціальная, фактическая сторона, которая потому и увлекаетъ читателя. Невѣрны

(Mannheim, 1847, ч. II, стр. 321 и сл.): всякому труду по его силамъ и потребностямъ, всегда будетъ необходима человѣческая оцѣнка произведеній труда или еще болѣе трудная оцѣнка индивидуальных способностей и потребностей.

же въ ней только сопоставленіе сообщаемыхъ фактовъ и та причинная связь, въ которой они приводятся авторомъ. Всѣ частности вѣрны, а общее ложно. Изображеніе Энгельса представляетъ одну лишь темную сторону британской промышленности и британскаго рабочаго міра, а потому также недоказательно, какъ было бы недоказательно изображеніе человѣческой нравственности, если бы оно было составлено по біографіямъ однихъ преступниковъ, или какъ статистика человѣческаго здоровья, если бы въ основаніи ея лежали одни наблюденія въ больницахъ и госпиталяхъ.

Такъ какъ все это изображеніе имѣетъ цѣлью устранить, какъ совершенно несостоятельныя, начала господствующей экономіи и расчистить поле для коммунистическаго ученія, то по этому мы должны показать здѣсь на сколько изображенія вѣрны дѣйствительности и въ какой мѣрѣ вѣрны его фактическія сопоставленія. Мы должны сдѣлать это не только по тому, что признаемъ относительное достоинство ихъ для науки, но и по тому, что высказанное имъ воззрѣніе на современную цивилизацію повторяется во всей литературѣ новейшаго социализма.

Разительные недостатки этой книги заключаются:

1) въ невѣрности общихъ историческихъ и статистическихъ положеній, отъ которыхъ авторъ отправляется при обсужденіи нынѣшняго состоянія общества,

2) въ опущеніи многихъ существенныхъ фактовъ и, вслѣдствіе того, въ обобщеніи отдѣльныхъ частныхъ фактовъ и, наконецъ,

3) въ ложныхъ выводахъ, какіе авторъ сдѣлалъ изъ этихъ фактовъ.

Къ ложнымъ положеніямъ автора принадлежитъ прежде всего мнѣніе его, будто матеріальное благосостояніе рабочихъ классовъ было гораздо выше въ прежнія времена исторіи, во

всѣхъ странахъ, которыя теперь, какъ на примѣръ Германія, въ развитіи своей промышленности далеко уступаютъ Англій.

Такъ какъ статистика въ прошлыя столѣтія еще не занималась низшими слоями общества, то и нельзя опровергнуть этотъ такъ сильно распространенный предразсудокъ статистическими фактами прошедшаго, хотя и есть достаточно данныхъ для того, чтобы вывести вѣрное заключеніе о прошломъ.

Одинъ уже тотъ фактъ, что земледѣльческіе пролетаріи въ Ирландіи, гдѣ не существуетъ большой заводской промышленности, испытываютъ, какъ извѣстно, несравненно болѣе бѣдствій, нежели какой либо разрядъ пролетаріевъ въ Англій, и что выселеніе изъ Ирландіи, какъ извѣстно, гораздо сильнѣе, чѣмъ изъ всякой другой части Великобританіи (1), долженъ бы былъ привести автора въ раздумье: справедливо ли приписывать англійскій пролетаріатъ исключительно одной технической промышленности и одно только земледѣльческое и ремесленное населеніе прежнихъ столѣтій считать болѣе счастливымъ?

Но этотъ фактъ не есть исключительный. Въ Пруссіи рабочее населеніе бѣдствуетъ гораздо болѣе въ восточныхъ

(1) Въ то время какъ, по официальнымъ даннымъ, во всей Великобританіи съ Ирландіею, съ 1825 по 1835 годъ, среднимъ числомъ ежегодно выселялось по 54,752 человѣка, а съ 1836 по 1845 годъ — по 80,196 человѣкъ, выселеніе изъ Ирландіи, по свѣдѣніямъ, содержащимся въ Report of the commissioners appointed to take the census of Ireland for the year 1841, Dublin, 1843, простиралось въ 1831 — 1841 годахъ:

въ Америку	до 428,471	человѣка, а
въ Англію и Ирландію . . .	до 104,814	человѣкъ
	<hr/>	
	всего до 533,285	человѣкъ, или
среднимъ числомъ ежегодно	до 53,328	человѣкъ.

земледѣльческихъ областяхъ, нежели въ любомъ фабричномъ округѣ королевства, и Шубертъ (²) совершенно справедливо указываетъ на введеніе и распространеніе фабричнаго производства, какъ на необходимое средство исцѣленія для Собственной Пруссіи. Далѣе по официальнымъ свѣдѣніямъ (³) число выселенцевъ изъ западной части Пруссіи, которые принуждены были голодомъ и недостаткомъ работы покидать свое отечество и искать счастья въ новомъ свѣтѣ, простиралось въ 1844 — 1845 году:

въ самыхъ густо-населенныхъ округахъ, гдѣ господствуетъ фабричное производство, а именно	
въ округѣ Аахенскомъ только до . . .	0,51 ⁰ / ₀
и въ Дюссельдорфскомъ до . . .	0,21 ⁰ / ₀
въ менѣе же населенныхъ округахъ, занимающихся преимущественно земледѣліемъ, число выселенцевъ простиралось:	
въ Мюнстерскомъ до . . .	2,96 ⁰ / ₀
въ Трирскомъ до . . .	2,14 ⁰ / ₀
въ Кобленцскомъ до . . .	3,05 ⁰ / ₀

§ 38.

Продолженіе. Сравненіе промышленнаго пролетаріата въ Англіи съ нѣмецкимъ ремесленнымъ пролетаріатомъ въ областяхъ, неразвитыхъ въ промышленномъ отношеніи.

Еще болѣе увѣримся мы въ неосновательности этого предубѣжденія, если приведемъ въ сравненіе такія нѣмецкія

(²) Въ Reden's Zeitschrift des Vereins für deutsche Statistik. 1847. 1. Heft, стр. 24 и сл.

(³) Дитерици, Ueber Auswanderungen und Einwanderungen in besonderer Beziehung auf den Preussischen Staat. Berlin. 1847, стр. 33.

области, которая по своему промышленному устройству находится теперь на той же степени, на какой онъ стояли въ прошлыя столѣтія, и какъ историческіе памятники прошедшаго живо изображаютъ намъ экономическое состояніе былыхъ временъ.

Къ такимъ областямъ принадлежитъ, на примѣръ, провинція Верхній Гессенъ (въ Куръ-Гессенѣ). Въ ней не существуетъ ничего такого, что обыкновенно считается причиною пауперизма и пролетариата. Она не знаетъ ни фабрикъ, ни фабричныхъ, ни прядильныхъ, ни паровыхъ и никакихъ другихъ машинъ; она не знаетъ ни ремесленной свободы, ни безграничнаго соперничества отдѣльныхъ лицъ; напротивъ, въ этой провинціи, въ патріархальной формѣ, рядомъ съ земледѣліемъ господствуетъ еще старинный ремесленный бытъ, въ которомъ подмастерья и ученики принадлежатъ къ членамъ хозяйской семьи. Здѣсь господствуютъ еще цехи, если не такъ замкнутые какъ прежде, то все-таки пользующіеся привилегіями на извѣстныя отрасли труда. Къ тому же, эта область не обижена природою: почва ея способна ко всякой обработкѣ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ даже земли многихъ другихъ областей. Ея превосходные лѣса, ея богатство прекраснымъ песчаникомъ, ея глина, пригодная для лучшихъ горшечныхъ издѣлій, открываютъ обширное поле для промышленной дѣятельности ея жителей. Правда, что въ этой области нѣтъ ни одной судоходной рѣки и до сихъ поръ она не видала еще ни одной желѣзной дороги; за то, ее прорѣзываетъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ торговыхъ путей Германіи, соединяющій Везеръ съ Майномъ, Бременъ и Гамбургъ съ Франкфуртомъ.

Сверхъ того, эта область не стѣснена никакими узкими таможенными границами и не обременена налогами; напротивъ,

расположенная въ серединѣ обширнаго нѣмецкаго Таможеннаго Союза, она составляетъ часть свободнаго отъ всякихъ долговъ государства, котораго финансы находятся въ самомъ прочномъ положеніи. Однимъ словомъ, не заключая въ себѣ ничего такого, что могло бы быть причиною особеннаго обѣдненія жителей, эта область осталась чуждою всѣхъ тѣхъ великихъ двигателей новѣйшей промышленности, которые такъ часто выставляются Энгельсомъ и другими соціалистами причиною пауперизма, и до сихъ поръ она стоитъ еще на той степени развитія, на какой стояла большая часть Европы въ хваленое „доброе старое время“ прошлаго столѣтія.

Въ Марбургскомъ округѣ ⁽¹⁾, обнимающемъ около 11 квадратныхъ миль и содержащемъ въ себѣ 2 города, 88

(¹) Этотъ округъ занимаетъ слѣдующее пространство, выраженное въ кассельскихъ акрахъ (кассельскій акръ = 0,933 прусскаго моргена):

1) подъ лѣсомъ	96,920	акр.	или	38,3	% (*)
2) подъ лугами и садами .	23,922	„	„	9,4	%
3) подъ выгонами	9,063	„	„	3,5	%
4) подъ пашней	87,559	„	„	34,6	%
5) подъ дорогами и улицами	2,277	„	„	0,9	%
6) невоздѣланной земли до	33,114	„	„	13,3	%.

Всего 252,925 акр. или 100 %.

(*) А именно: 59,484 акра государственныхъ лѣсовъ.

30,084 „ общественныхъ „
и 7,352 „ частныхъ „

146 СРАВНЕНІЕ ПРОМЫШЛЕННАГО ПРОЛЕТАРИАТА.

сельскихъ общинъ и 38,561 жителей (по ревизіи 1843 г.) ⁽²⁾, было въ 1842—1845 годахъ только четыре мастерства ⁽³⁾, въ которыхъ число подмастерьевъ превышало число обложенныхъ податью хозяевъ; между ними было 3 плотничьихъ мастерства, въ которыхъ по самому характеру ихъ, требующему соединенія нѣсколькихъ человѣкъ, всегда бываетъ перевѣсъ на сторонѣ подмастерьевъ. Въ 7 другихъ

⁽²⁾ Населеніе этого округа распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Года.	Дома.	Семейства.	Лица моложе 14 лѣтъ.		Лица отъ 14 до 60 лѣтъ.		Лица старше 60 лѣтъ.		Сумма.
			Мальчики.	Дѣвочки.	Мушны.	Женщины.	Мушны.	Женщины.	
1834	5,127	6,183	5,571	5,427	10,982	11,591	1,105	1,228	35,904
1837	5,262	6,277	5,761	5,553	10,902	11,723	1,202	1,350	36,491
1840	5,183	6,474	5,912	5,773	11,408	12,035	1,131	1,259	37,518
1843	5,417	7,132	6,144	6,043	11,575	12,366	1,101	1,332	38,561

Изъ этого населенія среднимъ числомъ жило 24,19% въ городахъ и 75,81% въ деревняхъ; по этой таблицѣ населеніе увеличивалось ежегодно 0,82%; на каждое семейство приходилось 5,74 человѣка и на 49,03% мужчинъ — 50,97% женщинъ; 31,09% населенія составляли дѣти моложе 14 лѣтъ, 62,35% лица отъ 14 до 60-лѣтняго возраста и 6,56% старше 60 лѣтъ.

⁽³⁾ А именно:

Мастерства.	Въ городахъ.		Въ деревняхъ.	
	Хозяева.	Подмастерья.	Хозяева.	Подмастерья.
Каменщики	16	63	75	272
Плотники	9	34	31	183
Бочары	26	29	36	28
Горшечники	31	49	23	2

мастерствахъ (4), въ которыхъ число подмастерьевъ было сравнительно наибольшее, приходилось на 201 хозяина въ городахъ 113, а на 677 хозяевъ въ деревняхъ только 37 подмастерьевъ.

Положимъ, что каждый ремесленникъ вообще можетъ сберегать что нибудь отъ своего дохода и жить мало-мальски порядочно при двухъ подмастерьяхъ и одномъ ученикѣ, — положимъ также, что хозяинъ, работающій совсѣмъ безъ подмастерьевъ, не отличается почти ничѣмъ отъ простаго поденщика, и тогда увидимъ, что въ самыхъ даже выгодныхъ мастерствахъ большинство хозяевъ были простыми пролетаріями. Неудивительно послѣ этого, что, напримѣръ, въ 1844 году отъ ремесленной подати были совершенно освобождены 124 хозяина.

Въ другихъ мастерствахъ это отношеніе было еще неблагопріятнѣе. Въ городахъ 119 башмачниковъ хозяевъ, платившихъ ремесленную подать, имѣли только 48, а 20 ткачей только 2 подмастерьевъ; въ деревняхъ работали 69 портныхъ съ 11 подмастерьями, 97 башмачниковъ только съ 16,

(4) А именно:

Мастерства.	Въ городахъ.		Въ деревняхъ.	
	Хозяева.	Подмастерья.	Хозяева.	Подмастерья.
Пекари	78	33	13	—
Мясники	43	16	40	—
Столяры	34	33	113	18
Слесари	11	9	5	1
Кузнецы	18	14	172	11
Бочары	11	5	42	1
Каретники	6	3	105	6
Сумма	201	113	677	37

а 187 ткачей совсѣмъ безъ подмастерьевъ. Къ этому надо прибавить еще, что множество хозяевъ до того обѣднѣли, что были совсѣмъ освобождены отъ уплаты ремесленного налога. Кромѣ 31 горшечника, самостоятельно занимавшагося своимъ промысломъ, въ Марбургѣ жили еще 15 горшечниковъ, которые съ своими семействами принадлежали къ цеху и которые или принуждены были работать, какъ простые подмастерья, или раззорившись въ конецъ, должны были прибѣгать къ общественной благотворительности. Въ городахъ 19 портныхъ и 50 башмачниковъ обѣднѣли совершенно ⁽⁵⁾ и были освобождены отъ уплаты ремесленной подати, такъ что между портными по меньшей мѣрѣ 62⁰/₁₀₀ хозяевъ, а между башмачниками болѣе 78⁰/₁₀₀ цеховыхъ мастеровъ были настоящими пролетаріями. Заведенія болѣе состоятельныхъ башмачниковъ находились всѣ въ рукахъ немногихъ кожевниковъ, которые ссужали ихъ матеріаломъ до тѣхъ поръ, пока башмачники не продавали своихъ маленькихъ владѣній, и тогда, не смотря на всѣ свои цеховыя преимущества, они поступали на попеченіе

(⁵) А именно:

Мастерства.	Число хозяевъ.	Число хозяевъ, платившихъ подать.	Число подмастерьевъ.
Портные	71	52	26
Башмачники . .	169	119	48

Сверхъ того, на 100 портныхъ приходилось 38 подмастерьевъ или 38 хозяевъ, державшихъ по 1 подмастерью, 35 хозяевъ, работавшихъ совсѣмъ безъ подмастерьевъ, и 27 хозяевъ, совершенно раззорившихся; а изъ 100 башмачниковъ 22 держали по одному подмастерью, 48 работали безъ подмастерьевъ и 30 совершенно раззорились.

общественной благотворительности (6). Въ деревняхъ было еще хуже, такъ какъ деревенскіе мастеровые-хозяева принуждены были жить исключительно своимъ промысломъ, и хорошо если кто нибудь изъ нихъ имѣлъ какой нибудь домишко. Однимъ словомъ, во всемъ округѣ и во всей провинціи жило и до сихъ поръ живетъ еще очень обширный классъ ремесленныхъ-пролетаріевъ, которые не имѣютъ ровно никакой собственности (7), которые, подобно простымъ

(6) Отношеніе выдаваемыхъ изъ благотворительнаго капитала ежегодныхъ пособій къ общему числу жителей также можетъ дать понятіе о развитіи пауперизма въ этой области. Въ теченіе 1843 года въ самомъ Марбургѣ, не считая весьма сильно-развитой частной благотворительности, издержано было 11,002 талеровъ, а именно:

Отъ попечительнаго комитета	9,909 тал.
Отъ управленія училища для малолѣтнихъ дѣтей	499 „
Отъ постояннаго дамскаго попечительства	202 „
Отъ управленія сиротскаго дома	281 „
Отъ управленія промышленной школы	111 „

Такъ что на cadaго жителя приходилось по 1 тал. 12 злбгр. 3 пф., то есть приходилось не только больше противъ большихъ городовъ Пруссіи, но и болѣе, чѣмъ въ Англіи. Въ Кельнѣ въ 1845 году (106,037 тал. и 88,000 жит.) приходилось на cadaго челоѣка только по 1 тал. 6 злбгр. 1³/₄ пф.; въ Англіи, въ 1841 году, приходилось на cadaго по 6 шилл. или по 2 тал., чтѣ, по нашему расчету (см. § 40), для англійскаго работника составляетъ почти столько же, сколько для нѣмецкаго 1 тал. 10 злбгр. См. Клейншрода, *Der Pauperismus in England*. Regensburg, 1845. Таблица N^o III, къ стр. 220.

(7) Во всемъ округѣ, въ 1842 году, находилось 1728 ремесленниковъ, платившихъ ремесленную подать, и 723 семейства поденщиковъ, платившихъ подать. Если изъ 1728 половина, то есть 864 челоѣка, состояла изъ пролетаріевъ, то, за исключеніемъ бѣдныхъ, пользовавшихся общественною благотворительностью, въ Марбургскомъ округѣ было 1587 семействъ пролетаріевъ, т. е. 22,2^o/_o всего населенія.

поденщикамъ, живутъ изо-дня въ день и которыхъ доходы и образъ жизни могутъ дать намъ понятіе о прежнемъ положеніи рабочаго населенія, сравнительно съ нынѣшнимъ положеніемъ фабричныхъ въ Англіи.

Деревенскій поденщикъ зарабатывалъ здѣсь среднимъ числомъ отъ 6 до 7 злбр. въ день, или отъ 60 до 70 рхстл. въ годъ; городской же поденщикъ, бывшій въ услуженіи или дровосѣкомъ и т. п., жилъ съ своею женою среднимъ числомъ на 90 рхстл.; плотникъ выручалъ 8 злбгр. въ день, или 80 рхстл. въ годъ; каменщикъ, при одиннадцати-часовой работѣ въ день, получалъ 1 рхстл. 24 злбгр. лѣтомъ и не болѣе 1 рхстл. 17 злбгр. зимой ⁽⁸⁾ въ недѣлю, слѣдовательно, въ годъ отъ 75 до 90 рхстл.; ткачъ, неимѣвшій ни одного подмастерья ⁽⁹⁾ и работавшій въ день 12 часовъ, — 1 рхстл. 27 злбгр. въ недѣлю, или 97 рхстл. въ годъ; башмачникъ, который закупалъ кожу по мелочамъ, получалъ среднимъ числомъ 100 рхстл., портной — также 100 рхстл.

Если положить въ 100 рхстл. въ годъ заработную плату этихъ многочисленныхъ, независимыхъ ремесленниковъ, которые ограждены цеховымъ устройствомъ и которые, не будучи рабами машинъ и своихъ хозяевъ, тѣмъ не менѣе живутъ настоящими пролетаріями, то эта оцѣнка будетъ

⁽⁸⁾ Обыкновенно подмастерья каменщиковъ нанимаются зимой только въ лѣсу рубить деревья на корню, или въ каменоломни, и выработываютъ въ недѣлю только 1 тал. 6 злбгр.

⁽⁹⁾ Если ткачи держатъ подмастерьевъ, то они выработываютъ съ каждымъ изъ нихъ лишнихъ 15 злбгр. въ недѣлю, потому что одинъ подмастерье, работающій съ 6 часовъ утра до 10 часовъ вечера, выручаетъ въ недѣлю среднимъ числомъ 2¹/₂ тал. Изъ этой платы подмастерье самъ получаетъ ¹/₃ недѣльной платы, а 1 тал. 5 злбгр. идутъ хозяину за квартиру и столъ.

скорѣе выше, нежели ниже настоящей, потому что большинство этихъ ремесленниковъ часто остаются безъ работы не только цѣлые дни, но и недѣли, если положить рабочій годъ въ 300 дней.

Изъ этой платы приходится среднимъ числомъ 65 рхстл. на столъ, 12 рхстл. на квартиру, 10 рхстл. на отопленіе и освѣщеніе и 13 рхстл. на платье, бѣлье и другія нужды. Слѣдовательно, ежедневное содержаніе каждаго семейства должно обходиться среднимъ числомъ $5\frac{1}{3}$ злбгр. и при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, если нѣтъ дѣтей, на каждаго человѣка приходится 2 злбгр. 8 пф., то есть гораздо менѣе, чѣмъ содержаніе простаго солдата, который сверхъ $2\frac{1}{2}$ злбгр. получаетъ дневную порцію хлѣба и пользуется тѣмъ преимуществомъ, что получаетъ кушанье изъ общей кухни.

Отсюда можно вывести слѣдующее заключеніе о ежедневномъ содержаніи ремесленниковъ. Въ то время какъ простой матросъ въ Англіи получаетъ три раза въ день по два фунта говядины и, сверхъ того, порцію хлѣба и по крайней мѣрѣ еще 5 рхстл. недѣльной платы ⁽¹⁰⁾, ежедневная

⁽¹⁰⁾ Англійскіе матросы обыкновенно держатъ свой сахаръ, кофе и чай, а мясо и хлѣбъ получаютъ отъ корабля, на которомъ служатъ; на пароходахъ, или простыхъ каботажныхъ судахъ, матросы получаютъ не харчи, а въ замѣнъ ихъ постоянную недѣльную плату, равняющуюся среднимъ числомъ 18 шилл. На всѣхъ другихъ судахъ, также какъ въ Голландіи и другихъ мореходныхъ странахъ, экипажъ получаетъ плату не поденную, а за каждую поѣздку отдѣльно, смотря по отдаленности каждой поѣздки. Поѣздъ изъ Ньюкэстля въ Гамбургъ, на обыкновенныхъ судахъ, длится отъ 2-хъ до 4-хъ недѣль, и за все это время каждый матросъ получаетъ, среднимъ числомъ, въ лѣтнее время 3 ф. ст., а въ зимнее 5 ф. ст. Многіе матросы бываютъ заняты морскою службою только лѣтомъ, а зиму посвящаютъ какимъ нибудь городскимъ промысламъ.

пища семействъ этихъ ремесленниковъ состоитъ большею частью изъ хлѣба, сала, кофе и картофеля, и только въ хорошее время эти семейства могутъ, въ два или три дня въ недѣлю, тратить за обѣдомъ $\frac{3}{4}$ фунта мяса на двоихъ ⁽¹¹⁾. Если въ этихъ семействахъ есть еще дѣти, то о мясной пищѣ почти нечего и думать, а во время дороговизны, какая была, напримѣръ, въ зиму съ 1846 на 1847 годъ, нужда ихъ доходитъ до крайней степени и могла бы составить эпоху даже въ исторіи ирландской нищеты. Въ эту зиму въ Марбургѣ было два случая, что дѣти рождались по срединѣ улицы, на морозѣ въ 10⁰/о. Одна женщина пролежала нѣсколько часовъ съ голымъ новорожденнымъ младенцемъ на холодной мостовой до тѣхъ поръ, пока ея не отвезли въ родильное заведеніе, гдѣ она и пріютилась. Второй случай былъ еще ужаснѣе: женщина съ новорожденнымъ младенцемъ, не найдя себѣ пріюта, выслана была за городъ и, прежде чѣмъ добрела до ближайшаго двора, ребенокъ ея замерзъ. Въ другихъ областяхъ Куръ-Гессена, незнающихъ никакихъ фабрикъ, нищета была не меньше. Въ Шмалькальденѣ, Шлюхтернѣ, Фульдѣ и Гюнфельдѣ число совершенныхъ нищихъ полагалось въ $\frac{2}{3}$ всего населенія, а въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ мѣстное

Такъ, напримѣръ, я встрѣтилъ въ Ньюкэстлѣ большое число ткачей, которые такимъ образомъ проводили свою жизнь, на половину на морѣ, а на половину въ деревнѣ.

⁽¹¹⁾ Въ 1842 — 1845 въ Верхнемъ Гессенѣ такса, составленная полиціею на хлѣбъ и мясо, представляла среднимъ числомъ на каждый годъ слѣдующія цифры:

4 ф. обыкновеннаго ржанаго хлѣба	3 злгр.	2 пф.
1 „ говядины	3 „	3 „
1 „ свинины	3 „	1 ¹ / ₄ „
1 „ баранины	2 „	4 „
1 „ телятины.	1 „	9 „

начальство составило изъ нихъ настоящіе отряды нищихъ, которые ежедневно дѣлали установленные правильные обходы и собирали милостыню въ отдѣльныхъ частяхъ города и по ближайшимъ къ нему деревнямъ.

Жалкому положенію этихъ рабочихъ классовъ соотвѣтствовала такая же жалкая работа. Тѣлесная слабость, лѣдность, боязнь всякаго напряженія силъ, отсутствіе самоуверенности и чувства собственнаго достоинства, умственное отупѣніе — вотъ господствующія свойства этого нѣмецкаго ремесленнаго пролетаріата. Нравственность въ этихъ областяхъ, по истинѣ, достойна сожалѣнія. Въ 1843 году въ Марбургѣ на 7939 жителей приходилось 83 дозволенныхъ кабака, т. е. по одному на 96 человѣкъ, и изъ 57 пекарей, которые дѣйствительно занимались своимъ промысломъ, 54 были въ то же время шинкарями. Въ то время какъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ ⁽¹²⁾, число незаконныхъ рожденій простиралось:

Въ Англіи	до	6,77 ⁰ / ₀
„ Бельгіи	„	6,77 ⁰ / ₀
„ Пруссіи	„	7,12 ⁰ / ₀

въ Куръ-Гессенѣ по таблицамъ, обнародованнымъ высшимъ медицинскимъ комитетомъ, число незаконныхъ рожденій, состояло:

Во всемъ Куръ-Гессенѣ.	Въ Марбургскомъ округѣ.
1838 — 10,65 ⁰ / ₀	12,00 ⁰ / ₀
1839 — 11,40 „	13,40 „
1840 — 12,28 „	15,00 „
1841 — 12,01 „	17,75 „
1842 — 12,84 „	18,54 „

(12) Sixth annual report of the registrar general of births, deaths and marriages in England. London, 1844 pag. XXIII.

такъ что въ послѣдній годъ, до котораго доходятъ статистическія данныя, въ этомъ округѣ приходилось на пятерыхъ дѣтей почти одинъ незаконный. Въ другихъ мѣстахъ Гессена, въ которыхъ также совсѣмъ неизвѣстны фабрики, это отношеніе было еще невыгоднѣе. Въ медицинскомъ округѣ Фульдѣ въ 1842 году на 100 рожденій приходилось 20,11, а въ округѣ Бирштейнъ даже 22,95 процента незаконныхъ дѣтей.

Примѣчаніе. Незнакомые съ Куръ-Гессеномъ возразятъ мнѣ, можетъ быть, что причину такого печальнаго состоянія надо приписать недостатку экономическаго образованія въ большинствѣ чиновниковъ и особенному законодательству, которое здѣсь во многомъ такъ противоположно истиннымъ потребностямъ народа (¹³). Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что, на примѣръ, въ Гессенѣ, гдѣ полицейскія таксы на хлѣбъ составляются только по отдѣльнымъ цѣнамъ, совершенно произвольно показываемымъ крестьянами въ городскихъ воротахъ, при чемъ не обращается никакого вниманія на количества продаваемыхъ произведеній, составляются такъ, что доходъ хлѣбныхъ пекарей (которые съ каждаго метта (*) ржи въ 147 фун. получаютъ всегда 20 злбгр. 10 пф., вмѣстѣ съ отрубями, цѣна коихъ естественно подымается и падаетъ вмѣстѣ съ цѣною зерна) въ дорогую пору возвышается, а въ дешевую, напротивъ, падаетъ, и гдѣ, далѣе, для производства работъ въ каменоломняхъ, въ глиняныхъ копяхъ, для торговли полосовымъ желѣзомъ и

(¹³) Что не университетъ и не родильное заведеніе, существующіе въ Марбургѣ, были причиною такого явленія, видно изъ того, что тоже самое отношеніе повторяется во всѣхъ трехъ медицинскихъ округахъ Марбурга.

(*) Mött или Meste — мѣра въ Марбургѣ. Она содержитъ 4 сефтера; 16 местовъ = 1 мальтеру. — *Прим. Пер.*

чугуномъ и для занятія многими другими полезными промыслами нужно заpastись напередъ позволеніемъ отъ полиціи, которая даетъ свои разрѣшенія не далѣе, какъ на три года, а весьма часто даже и на одинъ годъ, такъ что промышленникъ, по прошествіи срока полицейскаго разрѣшенія, становится опять въ зависимость отъ произвола и всякаго рода соображеній начальства, которое выдаетъ новыя разрѣшенія, и, слѣдовательно, никогда не можетъ затратить въ свое предпріятіе большихъ капиталовъ; — мнѣ могутъ возразить, говорю я, что здѣсь причины бѣдности чисто-мѣстныя и что вся вина за нее лежитъ на государствѣ. Но эти причины касаются всего менѣе положенія названныхъ здѣсь классовъ и препятствуютъ всего болѣе размаху большой промышленности, которая въ другихъ государствахъ одна и считается причиною пролетаріата.

§ 39.

Продолженіе. Сравненіе нынѣшняго положенія рабочихъ въ Англій съ прежнимъ.

Изъ нашего изображенія рабочихъ классовъ въ прежнее время можно видѣть, въ какомъ отношеніи находится это „доброе старое время“ къ настоящему. Мы имѣемъ достаточно историческихъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что, по мѣрѣ того какъ будемъ приближаться къ среднимъ вѣкамъ, нищета и страданія рабочихъ классовъ становятся все сильнѣе и ужаснѣе.

Мы не станемъ указывать здѣсь на то, что во всѣхъ современныхъ образованныхъ государствахъ средняя продолжительность жизни постоянно увеличивалась, потому что это увеличеніе могутъ приписать однимъ только успѣхамъ медицины, хотя оно зависитъ болѣе всего отъ физическаго

благосостоянія, то есть отъ пищи и жилища большинства населенія, состоящаго изъ рабочихъ;—не станемъ также указывать на то, что въ Англіи число нищихъ, содержимыхъ на общественный счетъ, относительно населенія уменьшилось, такъ что, на примѣръ, въ 1813 году оно составляло 14⁰/₀ всего населенія, а въ 1841 году только 8⁰/₀ (1), потому что его могутъ приписать исключительно вліянію новаго закона о нищихъ, изданнаго въ 1834 г. Но противъ Энгельса достаточно привести только слѣдующіе два факта: во-первыхъ, постоянное увеличеніе заработной платы въ Англіи въ послѣдніе три столѣтія и, во-вторыхъ, упоминаемое почти во всѣхъ хроникахъ такое частое возвращеніе голода и его неразлучныхъ спутниковъ, чумы или какой нибудь другой опустошительной болѣзни.

Въ царствованіе королевы Елизаветы, въ графствѣ Йоркширъ, поденная плата простаго работника равнялась 5 пенсамъ. Средняя цѣна пшеницы въ 1554 — 1610 г. равнялась 24 ш. 9 п. за кварталъ (2). Если эту цѣну положить даже въ 20 ш., то тогдашній работникъ изъ-за одного квартера пшеницы долженъ былъ работать 48 дней. По исчисленію Артура Юнга (3), въ XVII столѣтіи средняя поденная плата простаго работника равнялась 10¹/₄ п., а кварталъ пшеницы стоилъ 38 ш. 2 п.; въ первые же 66 лѣтъ прошлаго столѣтія первая простиралась до 12 п., а послѣдняя до 32 ш. 1 п.

Слѣдовательно, въ XVII столѣтіи кварталъ пшеницы

(1) Ср. Клейншрода, *Der Pauperismus in England*. Regensburg, 1845. Таблица III. къ стр. 220.

(2) I. Гельферихъ, *Von den Schwankungen im Werth der edlen Metalle*. Nürnberg, 1843, стр. 77 и 91.

(3) Тукъ, *History of prices*. London, 1838. Т. I, стр. 55, и Гельферихъ, стр. 125.

стоилъ работнику 43 дня работы, а въ первыя двѣ трети прошлаго столѣтія онъ стоилъ ему только 32 дня. Съ наступленіемъ мира въ 1815 году, въ Англіи поденная плата была 2 ш., а съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ времени отдѣльныхъ торговыхъ кризисовъ, она возрасла среднимъ числомъ до 3 ш. (4), между тѣмъ какъ цѣна на хлѣбъ, наоборотъ, понижалась почти въ постоянной прогрессіи и въ послѣднее десятилѣтіе, отъ 1835 по 1845 г., равнялась среднимъ числомъ 57 ш. 6 п. за кварталъ пшеницы (5). Слѣдовательно, въ настоящее время англійскій работникъ, при самой низкой поденной платѣ въ 2 ш., можетъ выработать кварталъ пшеницы въ $28\frac{3}{4}$ дня, а при обыкновенной платѣ, въ 3 ш. въ день, — въ 19 дней, т. е. среднимъ числомъ по крайней мѣрѣ въ 24 дня. Такимъ образомъ, можно почти безошибочно принять, что заработная плата въ Англіи, съ половины XVI столѣтія, среднимъ числомъ увеличилась вдвое (6).

(4) См. § 41.

(5) Въ Англіи, по словамъ сэръ Роберта Пиля, произнесеннымъ въ парламентѣ 16 февраля 1846 г., кварталъ пшеницы стоилъ среднимъ числомъ:

Съ 1805 по 1815	97 ш. 6 п.
„ 1815 „ 1825	78 „ 3 „
„ 1825 „ 1835	56 „ 6 „
„ 1835 „ 1845	57 „ 6 „
„ 1842 „ 1845	51 „ 10 „

(6) Въ предыдущія столѣтія, рабочій классъ страдалъ особенно отъ полицейской таксы на заработную плату, которая, вѣроятно, была заимствована изъ древней римской государственной практики (ср. Edictum Diocletiani de pretiis rerum 303 г., въ *Ch. G. Haubold*, Antiquitatis romanae monumenta legalia. Berol. 1830, стр. 268 и сл.). Эта такса составлялась именно съ тою цѣлью, чтобы препятствовать возвышенію заработной платы послѣ опустошительныхъ болѣзней. Въ Англіи составленіе полицейскихъ таксъ на заработную плату въ первый разъ разрѣшено было закономъ въ 1351 г.,

Другой фактъ, опровергающій Энгельса, извѣстенъ всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ старинными лѣтописцами. При недостаткѣ капиталовъ, люди жили отъ одной жатвы до другой и никогда не имѣли никакихъ запасовъ

въ царствованіе Эдуарда III. Елизавета возобновила это постановленіе и дозволила каждому мирному судѣ въ графствѣ опредѣлять величину заработной платы. Ср. Гельфериха, стр. 90 и сл. Въ Гессенѣ таксы на заработную плату, съ того же цѣлью, были составляемы въ 1500, 1571, 1622 и 1645 годахъ. См. Клейншмидта, *Sammlung fürstlich-hessischer Landes-Ordnungen*, Th. I и II. Въ первой изъ этихъ таксъ установлена плата для башмачниковъ и портныхъ, а плата простаго поденщика лѣтомъ опредѣлена въ 14 геллеровъ (2 злбгр. $2\frac{3}{5}$ пф. на нынѣшнія деньги), а зимою — въ 1 альбъ (1 злбгр. 7 пф.). По второй таксѣ молотильщику лѣтомъ полагалось $1\frac{1}{2}$ алб. (2 злбгр. $4\frac{1}{2}$ пф.), зимою — 1 альбъ и хозяйскія харчи; плотникъ, столяръ и каменщикъ получали: лѣтомъ 3 альба (4 злбгр. 9 пф.) и харчи или $5\frac{1}{2}$ алба (8 злбгр. $8\frac{1}{2}$ пф.) безъ харчей, а зимою 5 албовъ безъ харчей въ день. Въ таксѣ 1622 года высшая поденная плата обыкновеннаго работника опредѣлена зимою въ 4 алб. (5 злбгр. 10 пф.), а лѣтомъ въ 5 албовъ (6 злбгр. $3\frac{1}{2}$ пф.). Отъ XVI столѣтія не дошло до насъ никакихъ свѣдѣній о средней цѣнѣ на хлѣбъ; за то сохранились официальные свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ въ XVII столѣтіи, изъ которыхъ видно, что съ 1621 по 1630 г. средняя цѣна за кассельскую четверть ржи (= 2,60 берл. шеффелей) равнялась 3 рхстл. 12 алб., или по нынѣшнимъ деньгамъ 5 рхстл. $7\frac{1}{2}$ злбгр., и что, слѣдовательно, поденщикъ, получавшій постоянную высшую плату, долженъ былъ за одну четверть ржи работать $24\frac{4}{5}$ дня. Въ четыре года, отъ 1842 по 1845, кассельская четверть стоила въ Гессенѣ 5 рхстл. 5 злбгр. 8 пф. и, слѣдовательно, поденщикъ выработывалъ четверть ржи въ $22\frac{1}{4}$ дня, при платѣ въ 7 злбгр. Видно, что въ этой странѣ, оставшейся совершенно чуждою современной промышленности, поденная плата увеличивалась гораздо медленнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Тоже самое усматривается и изъ другихъ фактовъ. Содержаніе батрака и скотницы, состоявшее не только въ деньгахъ, но и въ платѣ натурою, а именно въ башмакахъ и холстѣ, остается еще теперь во многихъ мѣстахъ Гессена тоже самое, какое оно было въ началѣ XVII вѣка.

отъ предыдущихъ лѣтъ. Недостатокъ сообщенія между различными областями и странами препятствовалъ взаимной поддержкѣ, такъ что физическое существованіе челоуѣка находилось совершенно во власти переменчивыхъ условій природы. Въ хорошіе годы, избытокъ произведеній сбивалъ цѣну несравненно ниже ея обыкновеннаго уровня, въ плохіе же годы являлся голодъ, а за нимъ убійственныя болѣзни. Немногіе богачи скупали весь запасъ съѣстныхъ припасовъ, а рабочій народъ, принужденный довольствоваться только одною частью жатвы съ земли, обрабатываемой имъ въ пользу господина, умиралъ съ голоду. Мы находимъ и въ самой Англіи достаточно историческихъ фактовъ, которые даютъ намъ болѣе вѣрное понятіе объ ужасныхъ возвышеніяхъ цѣнъ на хлѣбъ и о всѣхъ сопровождающихъ его страданіяхъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ.

Между тѣмъ какъ недавно, въ самый тяжелый голодный годъ за послѣднее мирное время, цѣна на хлѣбъ не подымалась выше, какъ вчетверо противъ обыкновенной низшей цѣны, а въ Англіи даже и неудвоилась,—по статистическимъ таблицамъ цѣнъ на хлѣбъ, которыя Якобъ ⁽⁷⁾ заимствовалъ преимущественно изъ *Chronicon pretiosum* епископа Флитвуда ⁽⁸⁾, высшая цѣна квартера пшеницы была:

въ XVI ст. до 1557 г. въ $10^{2/3}$ разъ болѣе самой низкой цѣны,

въ XV ст., напротивъ, въ 16 разъ болѣе самой низкой цѣны,

⁽⁷⁾ Ueber Production und Consumption der edlen Metalle, В. Якоба, переводъ съ англійскаго К. Клейншрода. Часть I. Лейпцигъ, 1838, стр. 226.

⁽⁸⁾ I. Унгеръ сдѣлалъ изъ этого *Chronicon* извлеченіе о составленіи цѣнъ на хлѣбъ. Гёттингенъ, 1752, стр. 187 и сл.

въ XIV ст., напротивъ, въ 25 разъ болѣе самой низкой цѣны,

а въ XIII ст. даже въ 192 раза ⁽⁹⁾ выше самой низкой цѣны. Какъ не недостаточны эти таблицы цѣнъ, однако изъ нихъ ясно можно видѣть, какъ часто возвращались въ то время голодные годы. Напримѣръ, въ этихъ таблицахъ за XIII столѣтіе приведены цифры за 22 различныхъ года. Изъ нихъ 12 лѣтъ были дешевыхъ, а 10 лѣтъ дорогихъ. Средняя цѣна въ первые 12 лѣтъ простиралась до 9 ш. $3\frac{1}{2}$ п. на нынѣшнія деньги; напротивъ средняя цѣна въ 10 послѣднихъ лѣтъ простиралась до 5 ф. с. 13 ш., такъ что въ дорогіе годы цѣны на хлѣбъ все еще были среднимъ числомъ въ двѣнадцать разъ выше противъ цѣнъ въ дешевые годы. Въ XIV ст. изъ 26 лѣтъ, за которые приведены цѣны въ статистическихъ таблицахъ, 11 лѣтъ было дорогихъ и 15 дешевыхъ.

§ 40.

Продолженіе. Сравненіе цѣнности денегъ для рабочихъ классовъ въ Германіи и въ Англіи.

Къ ошибочнымъ положеніямъ Энгельса принадлежитъ еще выведенное имъ отношеніе мѣновой цѣнности денегъ въ Англіи сравнительно съ Германіей. Онъ утверждаетъ, что въ Англіи за $4\frac{1}{2}$ ш. или $1\frac{1}{2}$ рхстл. можно купить столько же, сколько за 20 злбгр. въ самомъ дорогомъ нѣмецкомъ городѣ. Безъ сомнѣнія, Энгельсъ упоминаетъ объ

⁽⁹⁾ Именно въ XVI ст. высшая цѣна была въ 1557 году, передъ жатвою 2 ф. с. 13 ш. 4 п., а послѣ жатвы 5 ш.; въ XV ст. высшая цѣна была 2 ф. с. 13 ш. 4 п. въ 1439 г., а низшая 3 ш. 4 п. въ 1463 г. Въ XIV ст. высшая цѣна была 6 ф. с. 12 ш. въ 1317 г., а низшая 5 ш. 3 п. въ 1349 г. Наконецъ, въ XIII ст. низшая цѣна была 2 ш., въ 1289, а высшая 19 ф. с. 4 ш. въ 1270.

этомъ отношеніи лишь мимоходомъ, говоря о доходѣ бѣлошвеекъ ⁽¹⁾, и изъ предосторожности не вдается ни въ какое изслѣдованіе этого вопроса; но мнѣніе его имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что оно освѣщаетъ всѣ приведенныя имъ данныя относительно дохода англійскихъ работниковъ. Для сравненія личнаго дохода въ обѣихъ странахъ нельзя установить никакой общей и безусловной формулы, которая выражала бы отношеніе цѣнности денегъ къ цѣнамъ на товары, потому что самое отношеніе между различными предметами первой потребности и, слѣдовательно, между различными классами населенія бываетъ слишкомъ различно. Вообще же, неоспоримо лишь то, что въ Великобританіи, со времени заключенія мира, цѣна денегъ постоянно возростала, а въ Германіи напротивъ упала ⁽²⁾, такъ что въ обѣихъ странахъ эти цѣны все болѣе и болѣе сближались между собою.

Но если сравнить между собою среднія цѣны на отдѣльныя жизненныя потребности, какъ онѣ установились въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, то въ результатѣ выйдетъ, что указанное Энгельсомъ отношеніе имѣетъ силу для однихъ только высшихъ сословій, которыхъ главные

(1) См. 225.

(2) Во всей Пруссіи, по исчисленію Гоффманна (Preuss. Staats-Zeitung, 1842, № 153) въ двадцати-шестилѣтній періодъ, съ 1816 по 1841 г., берлинскій шеффель пшеницы въ первые 13 лѣтъ стоилъ 49 злбгр., а шеффель ржи 36 злбгр.; напротивъ, во вторые 13 лѣтъ шеффель пшеницы стоилъ 59 злбгр., а шеффель ржи 40 злбгр. И такъ мѣновая цѣнность денегъ упала въ Пруссіи по крайней мѣрѣ на 11%. О паденіи цѣнъ на хлѣбъ въ Англии см. § 39, прим. 4. Робертъ Пиль въ своей парламентской рѣчи, произнесенной 16-го февраля 1846 г., опредѣлилъ возвышеніе цѣнности денегъ въ Англии въ 10%.

расходы простираются на предметы самые дорогіе въ Англии, какъ-то: на квартиру, прислугу, лошадей, вино и предметы роскоши; но что цѣны на жизненные потребности рабочихъ классовъ среднимъ числомъ только на половину выше, чѣмъ въ Германіи, такъ что англійскій работникъ на 150 рхстл. можетъ купить столько же, сколько нѣмецкій работникъ на 100 рхстл. Тѣ предметы, которые въ Англии дороже всѣхъ прочихъ, какъ напримѣръ, земля ⁽³⁾ и трудъ человѣка, квартира, прислуга, издѣлія башмачниковъ, портныхъ и другихъ ремесленниковъ, составляютъ въ бюджетѣ рабочихъ лишь небольшую часть (никакъ не болѣе 20⁰/₀); высокая же цѣна ихъ уравнивается дешевой топливомъ, соли, чаю, матеріей для одежды и низкихъ породъ морскихъ рыбъ. Между тѣмъ какъ квартира среднимъ числомъ стоитъ вдвое или не болѣе какъ втрое дороже, чѣмъ въ Германіи ⁽⁴⁾, топливо стоитъ въ Англии по

⁽³⁾ На главныхъ улицахъ Манчестера и въ Сити въ Лондонѣ платятъ нерѣдко за одинъ квадратный ярдъ 2 ф. с., т. е. за акръ (=4,840 квад. ярдовъ=1,585 прусс. моргена) 9680 ф. с. или 66,533 рхстл.; въ среднихъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Ньюкэстлѣ, одинъ квадратный ярдъ стоилъ отъ 6 ш. до 1 ф. с. Цѣна луговой и пахатной земли въ Англии колеблется между 100 и 1000 ф. с. за акръ. По Редену (*Die Eisenbahnen Deutschlands, Berlin, 1843, стр. 309*), при устройствѣ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ приходилось расходовать на покупку земли среднимъ числомъ отъ 1600 до 1700 рхстл. за акръ, что составитъ за прусскій моргенъ почти 1032 рхстл. При устройствѣ же нѣмецкихъ дорогъ, по его же исчисленію, на 12 дорогахъ прусскій моргенъ обходился только 295 рхстл.

⁽⁴⁾ Квартира, изъ двухъ комнатъ для работника съ семействомъ, въ Англии стоитъ среднимъ числомъ 2 ш. въ недѣлю, или 34 рхстл. 20 злбгр. въ годъ. Въ Манчестерѣ и въ Сити въ Лондонѣ квартира изъ трехъ или четырехъ приличныхъ комнатъ, вмѣстѣ съ кухней, стоитъ въ годъ 22 — 50 ф. с.; въ Ньюкэстлѣ приличный домъ изъ восьми комнатъ можно нанять среднимъ числомъ за 40 ф. с.; въ св.

крайней мѣрѣ втрое дешевле ⁽⁵⁾, шитье платья и обуви дороже почти вдвое, а матеріалъ для нихъ дешевле на половину; чай въ Англіи дешевле на шестую и даже четвертую долю ⁽⁶⁾, а соль въ большей части мѣстностей

Еленѣ (Ланкастерѣ) помѣщеніе для работника въ четыре комнаты стоитъ 8 ф. с.; въ Ньютонѣ земледѣльцы за наемъ избы въ двѣ комнаты, съ соломенной крышей, которой наружная дверь служитъ и входною дверью въ нижнюю комнату, платятъ ежегодно 3 ф. с. 10 ш., а если при домѣ есть еще небольшой палисадникъ, то до 5 и 6 ф. с.

⁽⁵⁾ Тонна каменнаго угля (20 центнеровъ = 112 англійскимъ фунтамъ, или 0,987 прусск. центнера) въ самыхъ дешевыхъ мѣстностяхъ Англіи, то есть, вблизи самыхъ копей, смотря по добротѣ угля, стоитъ отъ 3 до 5 ш.; въ самыхъ дорогихъ, какъ на примѣръ, въ Лондонѣ при перевозкѣ, она обходится среднимъ числомъ въ 16 ш.; слѣдовательно, одинъ центнеръ покупается, смотря по отдаленности отъ копей, по 2—3 злбгр. Такъ какъ каменный уголь нагрѣваетъ вдвое сильнѣе, чѣмъ самыя лучшія дрова, то въ Англіи 2 центнера дровъ стоятъ не дороже 2—8 злбгр. Если положить гессенскій клафтеръ (100 полныхъ куб. фут. обыкновенныхъ дровъ) сухихъ дровъ, вѣсомъ въ 40 центнеровъ, то клафтеръ буковыхъ дровъ будетъ равняться 20 центнерамъ угля въ Англіи, или отъ 1 рхстл. 10 злбгр. до 5 рхстл. 10 злбгр., между тѣмъ какъ такой же клафтеръ дровъ въ Германіи съ платой дровосѣкамъ, смотря по отдаленности отъ мѣста рубки, стоитъ 8 — 16 рхстл. Такимъ образомъ цѣна топлива въ Англіи по меньшей мѣрѣ втрое дешевле, чѣмъ въ Германіи.

⁽⁶⁾ Такъ какъ въ Англіи чай, точно также какъ въ Германіи кофе, составляетъ ежедневный напитокъ рабочаго класса, то при сравненіи нуждъ рабочаго человѣка въ этихъ обѣихъ странахъ надо принимать въ расчетъ цѣну на чай въ Англіи и цѣну на кофе и его суррогаты въ Германіи. Многочисленныя наблюденія опытныхъ хозяекъ показали, что изъ одного фунта чаю можно налить почти столько же чашекъ, сколько изъ 20 фунтовъ кофе, одинаковаго достоинства; такъ что одинъ фунтъ чаю въ потребленіи равняется 20 фунтамъ кофе. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, чай въ Англіи, смотря по достоинству, продавался отъ 3 до 7 ш. или отъ 1 до 2 рхстл. 10 злбгр. за фунтъ, а въ Таможенномъ Союзѣ кофе продавался отъ 5 до 12 злбгр. Если

Англии на девятую и даже шестую долю дешевле, чѣмъ въ Германіи (7). Цѣны на кофе, сахаръ и другіе колоніальные товары въ обѣихъ странахъ довольно близки, и въ Англии онѣ были даже немного дешевле, чѣмъ въ Таможенномъ Союзѣ. Еще важнѣе для нашего сравненія цѣны на хлѣбъ и мясо.

Въ Куръ-Гессенѣ, то есть въ самой дешевой и хлѣбородной изъ нѣмецкихъ областей, англійскій кварталъ пшеницы стоилъ среднимъ числомъ, въ 1842—1845 г., 13 рхстл. 14 злбгр. 5 гелл., а кварталъ ржи—10 рхстл. 11 злбгр. 4 гелл. (8). Въ тотъ же періодъ въ Англии среднимъ числомъ цѣна пшеницы была 17 рхстл. 8 злбгр. 4 гелл., то есть, меньше чѣмъ на половину выше, сравнительно съ цѣною въ Гес-

примемъ въ расчетъ, что, при обширномъ употребленіи дешевыхъ суррогатовъ, фунтъ кофе стоитъ у насъ только 4 злбгр., то 20 фунтовъ кофе въ Германіи все же будутъ стоить 2 рхстл. 20 злбгр., или вдвое дороже одного фунта обыкновеннаго чаю въ Англии.

(7) Тонна соли стоитъ въ Англии, на мѣстѣ добычи, 12 ш. или 4 рхстл.; слѣдовательно, одинъ центнеръ — 6 злбгр., или $18\frac{2}{3}$ англійскаго фунта 1 злбгр. Въ мелочной продажѣ цѣна бываетъ по большей части вдвое выше, и только въ самыхъ дорогихъ мѣстахъ высшая цѣна доходитъ до 1 злбгр. за 3 ф.; между тѣмъ какъ въ Германіи, при гораздо бѣльшихъ издержкахъ производства и при существующей соляной пошлинѣ, фунтъ соли продается обыкновенно по 1 злбгр.

(8) Средняя цѣна кассельской четверти хлѣба была слѣдующая:

	пшеницы.			ржи.		
1842 . . 6	рхстл.	26 злбгр.	3 гелл.	4 рхстл.	13 злбгр.	3 гелл.
1843 . . 7	„	3 „	2 „	6 „	3 „	$\frac{1}{2}$ „
1844 . . 6	„	16 „	3 „	5 „	1 „	$6\frac{1}{2}$ „
1845 . . 6	„	13 „	2 „	5 „	4 „	10 „

Средняя 6 рхстл. 22 злбгр. $2\frac{1}{2}$ гелл. 5 рхстл. 5 злбгр. 8 гелл.

Такъ какъ кассельская четверть или $41\frac{3}{4}$ берлинской осмины (Metzen) составляютъ почти половину квартала, то и выйдетъ показанная выше средняя цѣна.

сенѣ. Если положить, что кварталъ или около 480 прус. фунтовъ пшеницы даютъ по меньшей мѣрѣ 384 ф. муки и 512 ф. хлѣба, то, за вычетомъ издержекъ на печенье, фунтъ пшеничнаго хлѣба обойдется въ Англіи въ 1 злбгр. $\frac{1}{10}$ гелл., а въ мелочной продажѣ цѣна печенаго хлѣба въ тотъ же періодъ колебалась между 6 и 8 пенс. или 5 злбгр. и 6 злбгр. 8 гелл. за 4 фунта.

Въ первые годы показаннаго промежутка времени мясо стояло еще въ высокой цѣнѣ, но послѣ сбавки таможенныхъ пошлинъ оно подешевѣло до 1 пенни за фунтъ. Баранина и телятина въ Англіи дороже всѣхъ другихъ мясъ и употребляются въ пищу почти одними зажиточными сословіями. Большая же часть населенія употребляетъ преимущественно говядину и свинину. Въ 1844—1846 годахъ фунтъ говядины, смотря по сорту куска, стоилъ въ мелочной продажѣ, среднимъ числомъ, 6—10 пенс. или 5—7 $\frac{1}{2}$ злбгр., а фунтъ ветчины, цѣна котораго передъ измѣненіемъ таможенной системы дѣйствительно стояла выше 1 ш., продавался не дороже 6—7 пенс., или отъ 5 злбгр. до 5 злбгр. 10 гелл. По официальнымъ даннымъ ⁽⁹⁾, гринвичскій госпиталь платилъ за центнеръ (112 англійскихъ и 108 $\frac{1}{4}$ берлинскихъ фунтовъ) мяса, съ 1838 по 1840 г., среднимъ числомъ 48 ш. или 5 $\frac{1}{7}$ пенс. за англ. фунтъ, а съ 1842 по 1844 г. — 44 ш. 7 пенс. или 4,77 пенс. за англійскій фунтъ. Если положимъ хлѣбъ и мясо въ Англіи среднимъ числомъ на половину дороже, чѣмъ въ Германіи, то оцѣнка эта будетъ скорѣе выше, чѣмъ ниже настоящей, такъ какъ свободный ввозъ всякаго рода битой скотины и

⁽⁹⁾ Seventh annual report of the registrar general of births, deaths and marriages in England. 1846. Ср. The Athenaeum P. CCXXIX. London, 1847. Jan. стр. 16.

всякаго рода растительныхъ съѣстныхъ продуктовъ, со времени прошлогодняго постановленія парламента, подаетъ надежду, что цѣны эти будутъ гораздо ниже.

§ 41.

Продолженіе. Сравненіе мѣновой цѣнности платы рабочихъ классовъ въ Англіи и Германіи.

По отношенію цѣнности денегъ въ Англіи и Германіи можно опредѣлить и отношеніе мѣновой цѣнности заработной платы въ этихъ странахъ, и здѣсь мы открываемъ вторую разительную ошибку въ книгѣ Энгельса. Авторъ привелъ изъ быта англійскихъ работниковъ только то, что подтверждаетъ его собственный взглядъ, и при томъ отдѣльные и вырванные изъ ихъ взаимной связи факты онъ обобщилъ въ одной общей ложной картинѣ.

Мы не хотимъ упрекать Энгельса въ томъ, что онъ изображаетъ положеніе только тѣхъ работниковъ, которые заняты на фабрикахъ, горными промыслами и земледѣліемъ, и совсѣмъ не касается трехъ большихъ классовъ работниковъ, составляющихъ приблизительно четвертую часть всего англійскаго населенія, а именно: ремесленниковъ, моряковъ и прислуги ⁽¹⁾; между тѣмъ эти классы составили

(¹) Число ремесленниковъ, вмѣстѣ съ ихъ семействами, по ревизіи 1831 г. (см. *Marshall*, *Statistics of the Br. Emp.*) простиралось въ Великобританіи до 2,730,100 душъ или 16,5% всего населенія, тогда какъ общее фабричное населеніе въ Англіи составляло только 2,400,000 душъ или 14,5%. Число домашней прислуги въ 1831 г. простиралось до 789,838, а въ 1841 г. до 1,168,354 душъ, или 6,2%. Въ горныхъ промыслахъ и каменоломняхъ въ 1831 г. находилось 600,006 человекъ (вмѣстѣ съ семействами), или 3,6%, а въ 1841 г. — 761,868 человекъ, или 4,1%. Число занимающихся морскимъ промысломъ опредѣлить невозможно, потому что въ него включены вездѣ и

бы самую свѣтлую сторону въ общей картинѣ рабочаго населенія;—мы не упрекаемъ его въ этомъ, а хотимъ только сказать, что Энгельсъ, при описаніи быта выбранныхъ имъ разрядовъ работниковъ, слишкомъ одностороненъ.

Энгельсъ подробно говоритъ о здоровьѣ работниковъ, работающихъ подъ кровлею, какъ-то, прядильщиковъ, ткачей и пр., и только слегка касается ремесленниковъ, работающихъ у огня и на открытомъ воздухѣ, на металлическихъ, машинныхъ, стеклянныхъ, зеркальныхъ, поташныхъ и тому подобныхъ заводахъ, и отличающихся именно своимъ здоровьемъ и тѣлесными силами. Живыми красками изображаетъ онъ бѣдственное состояніе ирландскаго фабричнаго населенія въ Англіи и ничего не говоритъ о гораздо лучшемъ положеніи природныхъ англійскихъ работниковъ, какъ бы приписывая положенію ихъ то, что составляетъ принадлежность національности и племени ⁽²⁾. Точно также съ замѣтнымъ удовольствіемъ онъ долго останавливается

солдаты на военномъ флотѣ; но что такихъ людей не мало, видно изъ того, что въ 1841 г. на однихъ англійскихъ торговыхъ судахъ занималось 68,156 матросовъ, составлявшихъ съ своими семействами по крайней мѣрѣ 300,000 человекъ. Слѣдовательно, эти рабочіе классы въ Англіи, которыхъ Энгельсъ вовсе не коснулся, составляютъ по меньшей мѣрѣ 24% всего населенія государства.

(2) Энгельсъ самъ говоритъ такъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ въ Ирландіи узнали, что на восточномъ берегу канала св. Георга можно найти вѣрную работу и добрую плату для сильныхъ рукъ, каждый годъ толпы Ирландцевъ стали перебираться черезъ проливъ. Полагаютъ, что до настоящаго времени переселилось такимъ образомъ до одного милліона человекъ и сжегодно прибываетъ по 50,000, которые почти всѣ бросаются на промышленные округа, то есть на большіе города, и образуютъ тамъ низшій классъ населенія. Такъ, на примѣръ, въ Лондонѣ поселилось бѣдныхъ Ирландцевъ 120,000, въ Манчестерѣ 40,000, въ Ливерпулѣ 34,000, въ Бристолѣ 24,000, въ Глазговѣ 40,000, въ Эдинбургѣ 29,000. Эти люди, грубые, пьяные, беспечные перебираются черезъ проливъ

на описаніи жилищъ работниковъ, то есть на томъ, что дороже и поэтому хуже всего въ Англіи, и только въ двухъ словахъ упоминаетъ о ежедневной пищѣ рабочихъ и о многихъ другихъ предметахъ первой потребности, которые они въ состояніи пріобрѣтать на заработанныя деньги. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія о задѣльной платѣ касаются только отдѣльныхъ рабочихъ кружковъ и относятся къ 1842 и 1843 г., то есть ко времени и приносятъ съ собою въ Англію всѣ свои грубыя привычки (стр. 115); они почти никогда не чинятъ своего платья, исключая только крайней нужды, когда оно раздерется пополамъ: лохмотья сорочки высовываются у нихъ обыкновенно изъ дыръ на сюртукахъ и панталонахъ (стр. 89). Они привесли съ собою въ Англію неизвѣстное прежде обыкновеніе ходить босикомъ (стр. 90). Они довольствуются самыми отвратительными квартирами: самые скверные кварталы во всѣхъ большихъ городахъ заселены Ирландцами; въ пищу употребляютъ они картофель, и только одинъ картофель, а что получаютъ больше, то пропиваютъ. Множество семействъ, живущихъ въ подвалахъ, почти вездѣ принадлежатъ къ ирландскому племени. Неопрятность и пьянство занесены сюда ими. Какъ дома, такъ и здѣсь, въ большихъ городахъ, Ирландецъ привыкъ выбрасывать всякій соръ и нечистоту передъ воротами и заводить грязь и лужи. Какъ дома, такъ и здѣсь, выстраиваетъ онъ свинью хлѣвъ рядомъ съ своей избой, а если этого нельзя, то кладетъ свою свинью съ собою въ комнатѣ. Этотъ новый, безобразный способъ скотоводства совершенно въ ирландскомъ духѣ; Ирландецъ привязывается къ своей свиньѣ, какъ Арабъ къ лошади. Дѣти его играютъ съ свиньею, ѣздятъ на ней верхомъ и валяются съ нею въ грязи. Къ мебели Ирландецъ не привыкъ: куча соломы и пара тряпокъ, негодныхъ ни для какой одежды, достаточны для его ночлега. Деревянная колода, изломанный стулъ, старый ящикъ вмѣсто стола, — и больше ему ничего не нужно (стр. 117). — Энгельсъ объясняетъ этимъ то, что бѣдствія, нищета и образъ жизни бѣднѣйшихъ фабричныхъ занесены въ Англію изъ Ирландіи, а не были произведеніемъ англійской фабричной промышленности; они перенесены только на другую почву и сосредоточились, и этимъ онъ опровергаетъ свою собственную жалобу на фабричную систему и машины, какъ на причины бѣдствій работниковъ.

торговаго кризиса, и поэтому характеризуютъ только исключительное явленіе.

Прежде чѣмъ дѣлать общее заключеніе объ этомъ предметѣ надо напередъ припомнить, что въ Англіи вездѣ задѣльная плата рабочихъ гораздо равномернѣе; но, вслѣдствіе зависимости англійскаго производства отъ заграничнаго запроса, гораздо менѣе постоянна, нежели въ Германіи; въ Германіи же, напротивъ, эта плата гораздо разнообразнѣе, но устойчивѣе, чѣмъ въ Англіи. Самый вѣрный путь для сравненія представляютъ тѣ рабочіе классы, которыхъ положеніе и плата въ Германіи, по возможности, равномерны, а въ Англіи подвергаются наименьшимъ колебаніямъ.

Сюда принадлежатъ служители на желѣзныхъ дорогахъ, число которыхъ въ обоихъ государствахъ теперь уже довольно значительно и постоянно увеличивается ⁽³⁾. По исчисленію Редена ⁽⁴⁾, служитель на желѣзныхъ дорогахъ въ Германіи получаетъ отъ 120 до 144 рхстл., а иногда и квартиру, причемъ изъ этой платы на многихъ дорогахъ вычитается почти 22 рхстл. на форменную одежду, которую вездѣ доставляютъ сами содержатели дорогъ. Въ Англіи, напротивъ, годовая плата служителя на желѣзной дорогѣ, по свѣдѣніямъ, какія я самъ собралъ на мѣстѣ, равняется 52 ф. с. или $346\frac{2}{3}$ рхстл., вмѣстѣ съ форменной одеждой, а иногда даже съ квартирой, — стало быть, втрое болѣе, чѣмъ въ Германіи.

⁽³⁾ Къ началу 1846 г. въ Англіи было готово желѣзныхъ дорогъ на 478,22, въ Германіи же на 420,52 нѣмецкихъ миль, а такъ какъ на 4000 футовъ полагалось обыкновенно по одному служителю, то въ Англіи считалось ихъ тогда около 2869, въ Германіи же около 2523 человекъ.

⁽⁴⁾ Die Eisenbahnen Deutschlands, Berlin, 1843. Т. I, стр. 113.

Еще выгиднѣе положеніе англійскихъ ремесленниковъ ⁽⁵⁾. Самая низкая извѣстная мнѣ плата подмастерьевъ, которая была весной 1846 г. въ Англіи и Шотландіи, и то у нѣкоторыхъ только подрядчиковъ по постройкамъ, 18 ш. или 6 рхстл. въ недѣлю, между тѣмъ какъ въ городахъ средней Германіи, напримѣръ въ Касселѣ и Ганау, только 2 рхстл. Но въ Англіи, смотря по способности работника и роду труда, плата эта возвышается нерѣдко до 14 рхстл.; такъ, напримѣръ, закройщикъ въ магазинѣ готоваго платья, или у какого нибудь извѣстнаго лондонскаго портнаго, получаетъ въ недѣлю отъ 3 до 4 ф. с., или отъ 20 до 26 рхстл. 20 злбгр.; такъ что въ большей части ремеслъ, въ которыхъ существуетъ еще ручная работа, англійскіе подмастерья получаютъ больше, чѣмъ втрое противъ нѣмецкихъ ⁽⁶⁾.

⁽⁵⁾ Жизнь подмастерьевъ въ Англіи, не смотря на господство ремесленной свободы, подъ вліяніемъ нравовъ и обычаевъ сложилась во всѣхъ ремеслахъ совершенно одинаково. Время ученя продолжается обыкновенно 7 лѣтъ и только если ученикъ прежде истеченія этого времени достигаетъ совершеннолѣтія (21 года), то онъ можетъ оставить хозяина и завести свое хозяйство, или идти въ подмастерья къ другому. Плата за ученье, смотря по роду ремесла, простирается отъ 20 до 80 ф. с. Ни ученики, ни подмастерья не получаютъ отъ хозяина ни продовольствія, ни квартиры, но живутъ въ своихъ семействахъ, или на собственныхъ отдѣльныхъ квартирахъ. Въ первый годъ ученя ученикъ получаетъ, если заплатилъ сполна деньги за ученье, по 2 ш. въ недѣлю, если же нѣтъ, то не получаетъ никакой платы. На второй годъ ему дается отъ 2 до 4 ш. въ недѣлю, а потомъ постепенно все больше больше; наконецъ, въ послѣдніе годы онъ получаетъ уже полное жалованье подмастерья. Во всѣхъ ремеслахъ хозяева обходятся съ своими подмастерьями чрезвычайно осмотрительно и рѣдко отказываютъ подмастерьямъ, не предупредивъ ихъ о томъ за нѣсколько мѣсяцевъ.

⁽⁶⁾ Для сравненія я привожу здѣсь величину недѣльной заработной

Такую же плату получаетъ и мужская прислуга (лакеи, кучера и т. д.), которая въ Англіи ежегодно выручаетъ отъ 20 до 50 ф. с. (отъ 133 рхстл. 10 злбгр. до 333 рхстл. 10 злбгр.), вмѣстѣ со столомъ и квартирой. Только женская прислуга въ Англіи поставлена относительно хуже: плата ея среднимъ числомъ только вдвое болѣе, чѣмъ въ Германіи (7).

платы подмастерьевъ въ нѣкоторыхъ ремеслахъ за послѣдніе три года.

Ремесла.	Плата въ Англіи				Плата въ Касселѣ и Ганау			
	Рхстл.	Злбгр.	Рхстл.	Злбгр.	Рхстл.	Злбгр.	Рхстл.	Злбгр.
Сапожникъ	6	20 до 10	—	—	2	— до 2	2	20
Портной	10	— „ 14	—	—	2	— „ 3	3	15
Столяръ	6	20 „ 13	10	—	2	15 „ 3	3	20
Каменьщикъ	6	— „ 10	—	—	2	6 „ 3	3	—
Золотыхъ дѣлъ мастеръ	10	— „ 13	10	—	2	8 ¹ / ₂ „ 6	6	8 ¹ / ₂

По официальнымъ отчетамъ въ Англіи недѣльная плата еще выше; напримѣръ, средняя поденная плата плотника и каменьщика (bricklayers, masons, plumbers, carpenters) достигала:

Въ 3 года съ 1838 по 1840 до 5 ш. 2 п.

„ 3 „ „ 1842 „ 1844 „ 5 „ 6 „

Ср. The Athenaeum, London, 1847; Jan. стр. 16.

(7) Годовая плата горничныхъ въ Англіи колеблется между 33 рхстл. 10 злбгр. и 80 рхстл. Очень часто нанимаютъ ихъ понеѣдельно и тогда плата возвышается отъ 2 до 8 ш. Впрочемъ, положеніе домашней прислуги въ Англіи, въ сравненіи съ прислугою въ Германіи, представляетъ самыя положительныя доказательства того, что свобода воспитываетъ, а полицейскій надзоръ убиваетъ общественную нравственность. Въ Англіи домашняя прислуга, вступая въ новую должность, или оставляя ее, не даетъ объ этомъ знать полиціи; нѣтъ никакихъ полицейскихъ книгъ для записки прислуги. Отношенія между господиномъ и слугою не подлежатъ ни въ какомъ случаѣ предупредительному надзору правительства; за то необходимы частныя удостовѣренія и письменныя рекомендаціи, такъ что каждый, дающій подобныя рекомендательныя письма, за всякую умышленную неспра-

Гораздо разнообразіе, по чрезвычайному различію отдѣльныхъ отраслей труда, плата тѣхъ рабочихъ классовъ, которые описываетъ Энгельсъ. Нельзя также не признать того факта, что каждая новая, входившая въ употребленіе, машина уменьшала плату рабочихъ, которыхъ она замѣняла собою (8). Впрочемъ, такое вліяніе падаетъ всегда на какую нибудь отдѣльную отрасль труда и продолжается только до тѣхъ поръ, пока этотъ работникъ не найдетъ для себя новаго занятія, новой дѣятельности. Потребность въ рабочихъ силахъ человѣка и, вслѣдствіе того, прибыль работниковъ въ Англіи постоянно возвышалась. Въ фабричной и горной промышленности заработная плата, въ теченіе 1844, 1845 и 1846 годовъ, была вообще на четвертую и даже на третью долю выше, нежели въ 1842 и 1843 годахъ, во время кризиса. Самую низкую плату засталъ я въ 1846 на хлопчатобумажныхъ мануфактурахъ и въ каменноугольныхъ копяхъ, гдѣ она упала до 12 и даже 10 ш. въ недѣлю, хотя это

ведливость наказывается закономъ; по этому то нигдѣ эти письменныя рекомендаціи такъ не надежны, — нигдѣ нѣтъ такого довѣрія къ свидѣтельствамъ и лицамъ, которыя ихъ имѣютъ, — нигдѣ лучшей нравственности и добросовѣстности между прислугою, какъ въ Англіи; напротивъ, нѣмцы, живущіе въ Англіи, питаютъ другъ къ другу какую-то глубокую недовѣрчивость. Какъ въ Лондонѣ и Манчестерѣ хозяева изъ Нѣмцевъ весьма рѣдко и неохотно принимаютъ къ себѣ нѣмецкихъ подмастерьевъ, такъ точно нѣмецкія семейства предпочитаютъ англійскую прислугу и Нѣмецъ, который ищетъ работы въ Англіи, по большей части не находитъ поддержки между соотечественниками.

(8) Самый несчастный жребій постигъ тѣхъ работниковъ, которые, какъ на примѣръ ручные ткачи, осмѣлились вступить въ соперничество съ машинами и продолжали борьбу, которой не могли выдержать. По этому, парламентъ уже въ 1834 г. нарядилъ комиссію для изслѣдованія положенія ткачей; донесенія (Reports of commitees on handloom-weavers petitions 1835) заключаютъ въ себѣ болѣе полные факты, нежели какіе сообщаетъ Энгельсъ на стр. 173 и сл.

относится только къ небольшому числу работниковъ, Ирландцевъ, большая же часть работниковъ получала отъ этихъ промысловъ отъ 14 до 25 ш. и даже болѣе, такъ что за среднюю недѣльную плату можно принять по меньшей мѣрѣ 18 ш. На желѣзныхъ и машинныхъ заводахъ самые плохіе работники получали по 18 ш., а многіе отъ 30 до 40 ш. На поташныхъ заводахъ плата рабочихъ простиралась отъ 16 до 24 ш. въ недѣлю. Въ сельскомъ хозяйствѣ самая низкая плата постоянного работника была 14 ш., а временнаго отъ 16 до 18 ш. въ недѣлю.

Послѣ довольно многочисленныхъ и обширныхъ изслѣдованій, я пришелъ къ тому убѣжденію, что за среднюю плату обыкновенной поденной работы въ Англіи, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, можно принять 3 ш. или 300 рхстл. въ годъ, между тѣмъ какъ въ Германіи самая высокая плата равнялась 100 рхстл.; такъ что англійскій работникъ, при указанномъ выше отношеніи мѣновой цѣнности денегъ въ обѣихъ странахъ, можетъ удовлетворить вдвое болѣе потребностей, противъ нѣмецкаго работника. Если принять среднюю заработную плату только въ $2\frac{1}{2}$ или даже въ 2 ш., то все-таки положеніе англійскаго работника будетъ лучше, чѣмъ нѣмецкаго.

§ 42.

Продолженіе. Оцѣнка статистическихъ данныхъ, доказывающихъ будто бы увеличивающуюся безправственность рабочихъ классовъ въ Англіи, какъ слѣдствіе новѣйшей промышленности.

Матеріальная нужда и деморализація — вотъ, по мнѣнію Энгельса, два ужасныхъ послѣдствія нынѣшней промышленности. Въ предыдущихъ параграфахъ мы опровергли доводы Энгельса въ пользу перваго изъ этихъ послѣдствій; теперь подвергнемъ такому же разбору доводы его въ

174 ОЦѢНКА БЕЗПРАВСТВЕННОСТИ РАБОЧИХЪ КЛАССОВЪ.
пользу втораго послѣдствія. Здѣсь мы увидимъ еще яснѣе,
какъ злоупотребляетъ Энгельсъ статистическими данными,
и какъ невѣрны и пристрастны его окончательные выводы.

„Съ распространеніемъ пролетаріата въ Англіи, говоритъ
Энгельсъ на стр. 163, умножились и преступленія, и Ан-
гличане стали преступнѣйшимъ народомъ въ цѣломъ свѣтѣ.
Изъ ежегодно обнародуемыхъ министерствомъ внутреннихъ
дѣлъ „таблицъ преступленій“ видно, что въ Англіи пре-
ступленія увеличивались съ необычайною быстротой. Число
содержавшихся за уголовныя преступленія было въ одной
только Англіи и Уэльсѣ:

Въ 1805 г.	4,605
„ 1810	5,146
„ 1815	7,898
„ 1820	13,710
„ 1825	14,437
„ 1830	18,107
„ 1835	20,731
„ 1840	27,187
„ 1841	27,760
„ 1842	31,309

Слѣдовательно, число содержавшихся подъ стражею въ те-
ченіе 37 лѣтъ усемерилось“.

Съ перваго взгляда эти цифры кажутся ужасными, и
всякій, имѣющій хотя малѣйшій интересъ къ нравственному
совершенствованію человѣческаго рода, поневолѣ произне-
сетъ проклятіе надъ тою образованностью, изъ нѣдръ ко-
торой вышла такая страшная деморализація. Но если мы
вспомнимъ, что Энгельсъ не принялъ во вниманіе ни слѣдо-
вавшихъ послѣ заключенія мира однихъ за другими обшир-
ныхъ улучшеній въ англійской полиціи, открывающей пре-
ступленія, ни постепенныхъ улучшеній въ собраніи стати-

стическихъ данныхъ, ни неограниченной свободы переселенія, сдѣлавшей изъ Англіи, со времени уничтоженія континентальной системы, любимое убѣжище для преступниковъ и бродягъ всѣхъ народовъ, то увидимъ, что Энгельсъ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права принимать въ расчетъ военное время, да и для мирнаго времени заключеніе его объ увеличивающейся безправственности народа уже само по себѣ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, подвержено сильному сомнѣнію.

Если сверхъ того припомнимъ, что годъ, которымъ Энгельсъ заключаетъ свою таблицу преступленій, былъ для Англіи годомъ сильнѣйшаго кризиса, и если, на основаніи официальной судебной статистики ⁽¹⁾, мы рассмотримъ число преступленій и для слѣдующихъ затѣмъ годовъ:

1843	29,591
1844	26,542
1845	24,303
1846	25,107,

то сейчасъ же убѣдимся, что заключительный годъ у Энгельса былъ явленіемъ необыкновеннымъ и что съ тѣхъ поръ число лицъ, преданныхъ суду за совершенныя преступленія, не только уменьшилось, но было даже гораздо меньше, чѣмъ въ оба года, предшествовавшіе кризису.

Если, наконецъ, примемъ во вниманіе увеличеніе населенія и посмотримъ на относительное движеніе преступленій, то для цѣлаго періода послѣднихъ 15 лѣтъ мы придемъ даже къ совершенно противоположному выводу чѣмъ тотъ, какой Энгельсъ сдѣлалъ изъ приведенной таблицы.

(1) England and Wales. Tables showing the number of criminal offenders in the year 1846.

Населеніе Англіи и Уэльса простиралось

въ 1821 г. до 11,978,875 жителей,

а въ 1841 г. „ 15,906,741 „

и такимъ образомъ населеніе увеличилось въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ на 32,7% или въ 15 лѣтъ почти на 24%.

Число же преступниковъ, преданныхъ суду, было

въ 1832 г. . . . 20,829

а въ 1846 25,107

то есть, въ послѣдніе 15 лѣтъ, оно увеличилось только на 20,5%. Слѣдовательно, изъ самыхъ таблицъ преступленій надо заключить, что нравственность англійскаго народа, въ теченіе этого періода, не ухудшилась, а, напротивъ, улучшилась.

Ни чѣмъ не доказанное положеніе Энгельса, будто Англичане стали преступнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ, даже не заслуживаетъ никакого опроверженія. Для такого вывода не только недостаетъ матеріаловъ, но даже, какъ извѣстно, нельзя сравнивать отдѣльныхъ государствъ между собою уже по тому, что понятія о преступленіи бываютъ вездѣ чрезвычайно различны. Такъ, на примѣръ, въ Англіи всякое грубое увѣчье считается преступленіемъ, тогда какъ во Франціи существуетъ различіе между crimes, délits correctionnels и простыми проступками.

Энгельсъ простираетъ свои выводы еще далѣе, сопоставляя вмѣстѣ преступленія въ фабричныхъ и земледѣльческихъ округахъ, и отъ изобилія преступленій въ первыхъ заключаетъ о безнравственномъ вліяніи всей фабричной промышленности. Но и здѣсь вѣрны одни только приводимые имъ статистическіе факты, но никакъ не выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ нихъ.

Энгельсъ знаетъ самъ, что фабричное населеніе Англіи образовалось, по большей части, изъ ирландскихъ переселен-

цевъ и даже изъ бѣднѣйшихъ и наиболѣе развращенныхъ классовъ ирландскаго народа. Онъ самъ въ другомъ мѣстѣ (²) своего сочиненія опредѣляетъ число переселившихся Ирландцевъ свыше милліона и подробно рассказываетъ, что они сообщили свои испорченные нравы и пороки большимъ городамъ Британіи и образуютъ въ нихъ низшій классъ населенія. Отсюда само собою слѣдуетъ, что сравненіе преступленій въ англійскомъ фабричномъ народонаселеніи съ преступленіями въ англійскомъ сельскомъ населеніи не даетъ никакого права заключать о безнравственномъ вліяніи фабричной промышленности. Прежде чѣмъ дѣлать такой выводъ, надо сначала опредѣлить отношеніе числа англійскихъ преступниковъ ирландскаго происхожденія къ числу преступниковъ, собственно Англичанъ, а потомъ сравнить нравственное состояніе ирландскихъ фабричныхъ въ Англіи съ нравственнымъ состояніемъ ихъ до переселенія ихъ въ Англію.

Къ сожалѣнію, для подобнаго изслѣдованія недостаетъ статистическихъ данныхъ. Но даже и на основаніи тѣхъ данныхъ, какими мы располагаемъ для разрѣшенія этого вопроса, можно вывести заключеніе, совершенно противоположное заключенію Энгельса. Офиціальныя свѣдѣнія уголовной статистики представляютъ слѣдующее отношеніе между числомъ преступленій въ Англіи и въ Ирландіи:

Въ теченіе 7 лѣтъ съ 1837 по 1843 годъ, за которые я имѣю офиціальныя данныя (³), число преступленій было:

(²) См. § 41, примѣчаніе 2.

(³) Tables of the revenue, population, commerce etc. of the united Kingdom. Part. XIII.—Section B. 1843. London, 1845, pag. 136 ff.

	Въ Англіи.	Въ Ирландіи.
Въ 1837 году	23,612	14,804
„ 1838 „	23,094	15,723
„ 1839 „	24,443	26,392
„ 1840 „	27,187	23,833
„ 1841 „	27,760	20,796
„ 1842 „	31,309	21,186
„ 1843 „	29,591	20,126
Всего	186,996	142,860

или среднимъ числомъ ежегодно 26,713 20,408 преступниковъ, преданныхъ суду. Населеніе простиралось въ 1841:

въ Англіи и Уэльсѣ въ Ирландіи

до 15,906,741 человекъ до 8,175,124 человека.

Такимъ образомъ въ теченіе 7 лѣтъ среднимъ числомъ въ Англіи приходился 1 преступникъ на 595 жителей, а въ Ирландіи—на 400 жителей. Хотя число преступленій въ фабричныхъ округахъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ остальной Англіи, однако оно гораздо менѣе, чѣмъ въ Ирландіи. Въ фабричномъ округѣ Ланкаширѣ, который населенъ гуще всѣхъ другихъ и который самъ Энгельсъ приводитъ въ примѣръ нравственнаго упадка населенія, въ 1841 году, при населеніи въ 1,667,054 жителей, считалось преступленій:

Въ 1837 г.	2,809
„ 1838	2,585
„ 1839	2,901
„ 1840	3,506
„ 1841	3,987
„ 1842	4,497
„ 1843	3,677

Всего 23,962, или среднимъ

числомъ 3,423, то есть 1 преступленіе на 487 человекъ.

Если сравнимъ эти данныя съ тѣмъ фактомъ, признаннымъ самимъ Энгельсомъ, что почти всѣ преступленія падаютъ на низшій классъ общества, слѣдовательно, въ фабричныхъ округахъ по большей части на ирландскихъ переселенцевъ, то убѣдимся, напротивъ, въ томъ, что фабричная промышленность, впервые приучившая несчастныхъ и одичалыхъ Ирландцевъ къ правильной дѣятельности, уменьшила между ними преступленія и улучшила ихъ нравственность.

Еще слабѣе доказываетъ Энгельсъ свое третье положеніе—будто фабричная система и машины имѣютъ безнравственное вліяніе на рабочій классъ,—положеніе, которое онъ выводитъ изъ того, что постоянно увеличивающіяся занятія женщинъ и дѣтей вытѣсняють съ фабрикъ трудъ работниковъ. „Эти отзывы (фабрикантовъ объ этомъ предметѣ), говоритъ онъ, на стр. 176, исполнены лжи, извращенныхъ понятій и вычисленій, которыя очень убѣдительны для людей, незнающихъ дѣла, но не имѣютъ никакой силы въ глазахъ людей, знающихъ его; потому что они умышленно скрываютъ самые важные пункты и доказываютъ только эгоистическое ослѣпленіе и недобросовѣстность этихъ фабрикантовъ. Заимствуемъ изъ рѣчи лорда Ашлея, произнесенной 15-го марта 1844, нѣкоторыя данныя о взаимномъ отношеніи возрастовъ и половъ въ рабочемъ населеніи, которыя не были опровергнуты свѣдѣніями самихъ фабрикантовъ, относящимися лишь къ одной части англійской фабричной промышленности. Изъ 419,560 фабричныхъ въ Англій (1839) 192,887 человекъ, слѣдовательно почти половина, были моложе 18 лѣтъ; а изъ 242,296 женщинъ было 112,192

моложе 18 лѣтъ. По этому остается 80,695 работниковъ мужскаго пола моложе 18 лѣтъ и 96,569 взрослыхъ; следовательно, 23% или меньше четверть всего количества. На хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ находилось работницъ $56\frac{1}{4}$, на шерстяныхъ — $69\frac{1}{2}$, шелковыхъ — $70\frac{1}{2}$, льняно-прядельныхъ — $70\frac{1}{2}$ процентовъ полного числа работницъ. Этихъ цифръ достаточно для того, чтобы показать, въ какой степени взрослые работники вытѣсняются съ фабрикъ женщинами и дѣтьми.“

Мы очень далеки отъ того, чтобы защищать такое извращеніе общественнаго порядка, который отрываетъ женъ и матерей отъ ихъ естественной домашней дѣятельности и заставляетъ ихъ работать въ публичныхъ мастерскихъ, и который приковываетъ дѣтей съ самаго ранняго возраста къ машинамъ и дѣлаетъ изъ нихъ физическихъ и нравственныхъ уродовъ. Но здѣсь важнѣе всего фактическая истина, а Энгельсъ не только вывелъ ложное заключеніе, но даже представилъ такіе ложные факты, что не вѣришь своимъ глазамъ, если хоть сколько нибудь основательно изучалъ англійскую статистику. Почему же Энгельсъ, при такомъ важномъ изслѣдованіи, не держался официальныхъ, очень подробныхъ въ Англии, свѣдѣній, которыя даютъ самое полное понятіе объ этомъ предметѣ и на которыя обыкновенно ссылается онъ такъ охотно? Почему именно здѣсь обратился онъ къ парламентской рѣчи и къ тому случайному обстоятельству, что цифры, на память изложенныя ораторомъ, не встрѣтили никакого возраженія? Упрекая фабрикантовъ въ притворствѣ и утайкѣ, онъ самъ полагаетъ число фабричныхъ работниковъ въ британскомъ королевствѣ въ 419,560 человекъ, тогда какъ, по официальнымъ ревизскимъ отчетамъ за 1841 г., на однѣхъ ткацкихъ фабри-

кахъ было занято 800,246 человекъ (4). По его мнѣнію, число работавшихъ на фабрикахъ женщинъ составляло болѣе чѣмъ половину всѣхъ рабочихъ, между тѣмъ какъ въ одной названной нами отрасли фабричной промышленности, въ которой обыкновенно работаютъ гораздо больше женщинъ, нежели мужчинъ, число работниковъ простиралось до 453,381 человекъ и между ними было 344,121 ч. 20-ти и болѣе лѣтъ, такъ что взрослые работники составляли не 23⁰/₀, а 43⁰/₀. На хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, по его счету, работало 56¹/₄ процентовъ женщинъ, а по официальнымъ свѣдѣніямъ — только 47⁰/₀; на шерстяныхъ фабрикахъ онъ полагаетъ число работницъ въ 69¹/₂ процентовъ, а въ дѣйствительности ихъ было только 29,8⁰/₀ на шелковыхъ фабрикахъ по его счету — 70¹/₂, а въ дѣйствительности только — 50,7 процентовъ, на полотняныхъ, по его счету, — 70¹/₂, а въ дѣйствительности — 40,9 процентовъ (5). Вотъ какова разница между данными Энгельса и тѣми, какія были въ дѣйствительности.

(4) А именно:	Мужчинъ.		Женщинъ.		Сумма.
	Отъ 20 лѣтъ и старше.	Моложе 20.	Отъ 20 лѣтъ и старше.	Моложе 20.	
Въ Англіи, Уэльсѣ и на британскихъ островахъ	265,609	84,202	162,207	106,490	=618,508
Въ Шотландіи	78,512	25,058	48,863	29,305	=181,738
Во всей Великобританіи	344,121	109,260	211,070	135,795	=800,246.

(5) А именно:	Мужчинъ.		Женщинъ.		Сумма.
	Отъ 20 лѣтъ и старше.	Моложе 20 л.	Отъ 20 лѣтъ и старше.	Моложе 20 л.	
Производства.					
Хлопчато-бумажныя . . .	138,112	39,171	104,470	75,909	377,662
Шерстяныя.	94,764	23,576	29,073	19,883	167,296
Шелковыя	31,924	9,293	26,781	15,775	83,773
Полотняныя	39,438	10,908	20,821	14,046	85,213
Кружевыя.	32,870	5,005	10,140	2,940	50,955
Чулочныя (*).	7,013	1,307	19,785	9,242	35,347
Сумма . . .	344,121	109,260	211,070	135,795	800,246.

(*) Производство шерстяныхъ чулокъ включено въ число шерстяныхъ производствъ вообще.

Сверхъ того, Энгельсъ ни слова не говоритъ объ уси-
ліяхъ, какія употреблялъ англійскій парламентъ для того,
чтобы ограничить употребленіе въ работу дѣтей; эти уси-
лія, открывающіяся изъ Factory-bills послѣдняго десяти-
лѣтія, имѣли огромное вліяніе. Онъ ни слова не говоритъ,
напримѣръ, о томъ, что число дѣтей моложе 13 лѣтъ, рабо-
тавшихъ на фабрикахъ женскихъ матерій, въ короткій
періодъ времени съ 1835 по 1839 г., не смотря на зна-
чительное увеличеніе общаго числа рабочихъ, уменьши-
лось съ 55,455 до 33,566 человѣкъ и продолжаетъ посто-
янно уменьшаться.

Но если предположимъ даже, что данныя Энгельса вѣрны,
чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, то изъ нихъ все-таки нельзя
сдѣлать того заключенія, какое сдѣлалъ Энгельсъ, а именно:
будто фабричная промышленность произвела такое несо-
отвѣтствіе между полами рабочаго класса, а потомъ и
распаденіе семействъ. Ему слѣдовало напередъ доказать,
что у ирландскихъ переселенцевъ, до переселенія ихъ въ
Англию, дѣйствительно была строгая и нравственная семей-
ная жизнь, и что дѣти, которыя прежде росли дикарями, какъ
нищіе, теперь, привыкнувъ съ молодю къ правильной работѣ
и получивъ возможность хотя немного учиться, стали без-
нравственнѣе прежняго. Но чтобы доказать это — не только
недостаетъ никакихъ данныхъ, но даже и тѣ немногія дан-
ныя, какія находятся въ нашемъ распоряженіи, доказыва-
ютъ совершенно противное. Какъ въ Ирландіи число пре-
ступленій больше, чѣмъ въ Англии, такъ точно гораздо
сильнѣе и участіе женщинъ въ преступленіяхъ. По официаль-
нымъ свѣдѣніямъ 1843 г., въ Англии изъ 24,251 человѣкъ,
преданныхъ суду за преступленія, было 5,340 или 18⁰/₁₀₀
женщинъ, въ Ирландіи же въ томъ же году изъ 15,250
человѣкъ было — 4,876 или 24,2⁰/₁₀₀. Въ Дублинѣ было задер-

жано полиціей 37,597 человекъ; изъ которыхъ 16,379 или 43,50/0 было женщинъ; въ Манчестерѣ, напротивъ, изъ 12,147 было только 3,658, или 30,10/0 женщинъ. Въ первомъ городѣ между содержавшимися было 12,574 человекъ, взятыхъ за пьянство и между ними опять 5,545 или 44,00/0 женщинъ; въ Манчестерѣ же между 4,198 человекъ, задержанныхъ при полиціи за пьянство, было только 1,052 или 25,00/0 женщинъ. Однимъ словомъ, статистика достаточными фактами доказываетъ, что семейная жизнь въ низшихъ слояхъ ирландскаго населенія разстроена гораздо болѣе, чѣмъ въ англійскихъ фабричныхъ городахъ.

Напротивъ, крѣпость семьи и основанное на всеобщемъ уваженіи къ творческой силѣ природы почетнѣйшее и самостоятельнѣйшее положеніе женщины принадлежитъ къ самымъ завиднымъ характеристическимъ чертамъ англійскаго народа. Какъ ни одинъ англійскій земледѣлецъ не запрягаетъ коровы въ плугъ, такъ точно ни одна женщина изъ англійскаго семейства не принимаетъ участія въ земледѣльческихъ работахъ. Ни одна беременная Англичанка не допускается до работы и постоянное пребываніе женъ и дочерей, подъ охраненіемъ святыни дома, соблюдается не только въ высшихъ, но даже и въ низшихъ сословіяхъ. Строгость англійскихъ семейныхъ нравовъ простирается даже до того, что способствуетъ развитію публичной безнравственности; потому что эта строгость обыкновенно извергаетъ навсегда изъ семьи каждаго заблудшаго члена ея и даже горничная, сдѣлавшаяся матерью, считается неспособною ни къ какой честной должности.

Мы не хотѣли бы упоминать здѣсь о той отвратительной и безчеловѣчной торговлѣ дѣтьми, которою Нѣмцы занимаются въ Лондонѣ, ибо при видѣ ея больно страдаетъ сердце каждаго патріота. Но какъ при такихъ преуве-

личенныхъ жалобахъ на англійскую фабрикацію не позавидовать жребію какого-нибудь ирландскаго ребенка на манчестерскихъ фабрикахъ, когда заглянешь въ душу тѣхъ несчастныхъ нѣмцевъ, изъ которыхъ многіе до полуночи кишатъ на улицахъ Лондона изъ страха наказанія передъ ихъ духовными и нравственными убійцами, потому только, что въ теченіе дня они слишкомъ мало напросили милостыни? (6)

§ 43.

Продолженіе. Всемирно-историческое значеніе новѢйшей промышленности.

Односторонность и несправедливость выводовъ Энгельса, на которыя мы указывали выше, повторяются почти во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ его книги. Онъ указываетъ на вредъ сосредоточенія населенія въ большихъ городахъ, но умалчиваетъ о неисчислимыхъ преимуществахъ этого сосредоточенія,—о раздѣленіи потребностей, которое столько же способствуетъ легкости удовлетворенія ихъ, сколько раздѣленіе труда усиливаетъ производство,—о тѣхъ огромныхъ водопроводахъ, паркахъ и скверахъ, которые переносятъ въ города свѣжій воздухъ деревень,—о той правильной заботливости о чистотѣ и здоровьѣ, которая охватываетъ все бѣльшіе и бѣльшіе округи, а въ послѣдніе годы коснулась даже рабочихъ кварталовъ. Изъ отдѣльныхъ случаевъ продажи дурнаго мяса и изъ отдѣльныхъ случаевъ наказаній

(6) Извѣстно, что цѣлыя толпы нѣмецкихъ дѣвочекъ перевозятся въ Лондонъ и содержатся тамъ своими владѣльцами въ отдѣльныхъ домахъ, какъ стадо животныхъ, только за тѣмъ, чтобы нищенствомъ онѣ умножали ихъ доходы. Если эти несчастныя созданія не въ состояніи уже своимъ нѣжнымъ возрастомъ возбудить состраданіе въ людяхъ и продолжать свое нищенское ремесло, подъ именемъ *Besenmädchen*, то поступаютъ въ кандидатки лондонскаго разврата.

за обвѣсъ онъ выводитъ общее заключеніе, что рабочіе классы дѣлаются жертвами обмана со стороны буржуазіи, единственно вслѣдствіе существующихъ условій промышленности. Между тѣмъ такое заключеніе можно сдѣлать только изъ сравненія числа этихъ случаевъ съ числомъ случаевъ честной продажи и изъ сравненія этого отношенія съ такимъ же отношеніемъ въ другихъ государствахъ, или за прежнее время. Такое сравненіе показало бы, что промышленная нравственность, высказывающаяся въ твердости цѣнъ на товары, въ добросовѣстности и взаимномъ довѣріи, честности, кредитѣ и тому подобныхъ свойствахъ, развита въ Англіи больше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ Европы, и образуетъ одинъ изъ тѣхъ исполинскихъ столповъ, на которыхъ зиждется зданіе британскаго всемірнаго господства. Изъ статистическихъ данныхъ о большей смертности въ фабричныхъ округахъ Энгельсъ заключаетъ о вредномъ вліяніи фабричности на здоровье, между тѣмъ какъ здѣсь точно также, какъ и при оцѣнкѣ нравственности, только одно сравненіе этой смертности со смертностью ирландскаго населенія, до его переселенія въ Англію, можетъ дать право на такой выводъ. Изъ отчетовъ отдѣльныхъ врачей о числѣ больныхъ и изъ донесеній комиссій парламенту о состояніи рабочаго населенія Энгельсъ заключаетъ только о существующей нищетѣ и ничего не говоритъ о тѣхъ усиліяхъ, какія Англичане дѣлаютъ для искорененія этихъ бѣдствій. Онъ упускаетъ изъ виду, что именно въ этихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, въ этихъ усиліяхъ раскрыть тайны англійской жизни и передать ихъ на судъ общественнаго мнѣнія, и заключается самое дѣйствительное средство устранить господствующее зло. Онъ упускаетъ изъ виду, что при громко высказывающемся интересѣ всѣхъ сословій къ общественному благу, всякое страданіе

общества уже начинаетъ исчезать съ той минуты, какъ оно дѣлается извѣстнымъ.

Здѣсь не мѣсто подвергать подробному разбору каждое отдѣльное положеніе Энгельса и представлять въ настоящемъ свѣтѣ всѣ сообщаемые имъ факты; но въ заключеніе не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ объ окончательномъ приговорѣ его надъ новѣйшею промышленностью.

Мы видѣли, что Энгельсъ приписываетъ все мнимое несчаствіе нынѣшней Англіи, пауперизмъ, пролетаріатъ, деморализацію и пр., промышленному перевороту, и что всѣ его преувеличенныя изображенія и разсужденія клонятся собственно къ тому, чтобы произнести обвинительный приговоръ надъ нынѣшнею промышленностью и машинами. Единственно хорошая сторона и заслуга, какую Энгельсъ признаетъ за современною промышленностью, состоитъ лишь въ томъ, что она довела извращеніе всякаго человѣческаго порядка до высшей степени развитія и тѣмъ самымъ все сильнѣе и сильнѣе доказываетъ необходимость коммунистической реформы. До сихъ поръ вся исторія, по его мнѣнію, свидѣтельствовала только о постепенномъ паденіи человѣческаго рода: это—великая драма, въ которой человечество, по собственной винѣ, стремится къ гибели для того, чтобы въ будущіе вѣка осуществленіемъ коммунизма торжествовать свое земное возрожденіе.

Мы далеки отъ того, чтобы въ противоположность этому взгляду безусловно благоговѣть, вмѣстѣ съ мануфактуръ-философомъ Уре, передъ нынѣшней фабричною системою, и не признавать, что эта система стремится къ основанію могучаго владычества капитала, которое можетъ имѣть самое гибельное вліяніе, если только не встрѣтитъ сильнаго противодѣйствія. Напротивъ, мы совершенно согласны съ тѣмъ, что живемъ въ переходное время, въ которое все настоя-

тельнѣе чувствуется потребность въ правильномъ распредѣленіи цѣнностей и въ прекращеніи вражды между капиталомъ и трудомъ. Мы не только не отвергаемъ великой соціальной задачи новаго времени, но даже считаемъ ее величайшею задачею, какую когда либо предстояло рѣшить человечеству. Но за отдаленными послѣдствіями фабричной системы не надо же забывать и ея ближайшихъ неисчислимыхъ преимуществъ. Раздѣленіе труда, машины и всѣ великія открытія въ механикѣ и успѣхи промышленности, одинъ за другимъ совершившіеся въ послѣдніе 70 лѣтъ англійской исторіи и обязанные одному только свободному соперничеству, имѣли такія послѣдствія, которыя сдѣлали ихъ необходимымъ элементомъ въ исторіи человѣческой образованности, такъ что онѣ не могутъ быть замѣнены никакимъ другимъ элементомъ. Онѣ не создали и не усилили бѣдности въ низшихъ класахъ общества, а только вызвали ее на свѣтъ. Они стянули къ одному мѣсту нищету и порокъ, точно также какъ и богатство, образованіе, нравственныя и духовныя силы людей; вслѣдствіе этого, противоположность, раздѣляющая обѣ половины современнаго общества, стала очевиднымъ и непреложнымъ фактомъ. Равномѣрнымъ ходомъ машинъ, онѣ пріучили руки рабочаго къ напряженной правильной дѣятельности, къ выдержкѣ и къ добросовѣстному пользованію временемъ и воспитали въ немъ силу труда и энергію воли. Онѣ передвинули рабочихъ изъ одной отрасли занятій въ другую и этою смѣною труда расширили ихъ кругозоръ и пробудили въ нихъ дѣятельность духа и довѣріе къ самимъ себѣ. Онѣ соединили отдѣльныхъ дотогѣ разобщенныхъ работниковъ въ обширный союзъ и тѣмъ впервые пробудили въ нихъ сомознаніе, общественныя потребности и стремленіе къ совершенствованію. Да и всѣ коммунистическія и соціалистическія стремленія новѣйшаго

времени, по скольку они коренятся въ сердцѣ рабочаго класса, представляютъ ничто иное, какъ фантастическое проявленіе того сомосознанія, которое новѣйшая промышленность пробудила въ рабочихъ.

Величайшая заслуга современной цивилизаціи состоитъ именно въ томъ, что она пробудила въ образованныхъ классахъ сочувствіе къ положенію милліоновъ людей, до сихъ поръ служившихъ только безсознательнымъ орудіемъ привилегированныхъ сословій. Величайшее торжество промышленности—именно въ томъ, что эти милліоны, наконецъ, начинаютъ чувствовать себя сознательными членами человѣческаго общества.

Ближайшее всемірно-историческое значеніе машинъ состоитъ въ томъ, что онѣ вырвали рабочіе классы изъ лѣни и невѣжества, изъ тупаго и бессмысленнаго коснѣнія, и вмѣстѣ съ сознаніемъ собственныхъ силъ, съ настойчивостью въ работѣ и съ предприимчивостью пробудили въ нихъ стремленіе къ болѣе человѣческому и достойному жребію въ исторіи, и въ томъ, что они впервые вселили въ рабочіе классы духовныя и нравственныя свойства, безъ которыхъ невозможно коренное и прочное улучшеніе ихъ общественнаго положенія. Между тѣмъ какъ въ прежнее время рабочій прозябалъ въ полуживотномъ состояніи, не хотя и съ отвращеніемъ принимаясь за работу, и не простирая своихъ мыслей далѣе ближайшихъ къ нему предметовъ; нынѣшній рабочій, воспитанный фабричною промышленностью, чувствуетъ, что онъ содѣйствуетъ своими умственными и физическими силами великому развитію исторіи.

Но этимъ не ограничивается задача новѣйшей промышленности въ общемъ развитіи цивилизаціи. Не говоря уже о постоянно увеличивающемся, вслѣдствіе промышленныхъ открытій, господствѣ человѣка надъ природою, вліяніе про-

мышленности на рабочіе классы простирается еще далѣе. Тѣ же самыя машины, которыя уменьшаютъ доходъ простаго ремесленника, не выдерживающаго соперничества съ ними, и принуждаютъ его, наконецъ, приняться за другой родъ занятія;—тѣ же самыя машины, которыя оттѣсняють рабочаго отъ одного занятія къ другому и наталкиваютъ его, наконецъ, на такой трудъ, гдѣ ему нечего бояться ихъ соперничества;—тѣ же самыя машины все болѣе освобождаютъ рабочій классъ отъ механической, убійственной для духа дѣятельности и постепенно ведутъ его на встрѣчу такой будущности, въ которой каждый человѣкъ при болѣе легкомъ удовлетвореніи всѣхъ физическихъ потребностей можетъ гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, совершенствоваться и въ духовномъ отношеніи. Достигнувъ своего полного развитія, онѣ замѣнятъ собою рабство древняго міра и будутъ содѣйствовать нравственному и духовному совершенствованію человѣческой личности. Будущность, къ которой стремится смутная фантазія социалистовъ, подготавливается именно машинами, которыя они такъ презирають. Временное зло, происходящее отъ этихъ техническихъ открытій человѣческаго духа, временныя страданія рабочихъ, оставшихся вслѣдствіе соперничества машинъ безъ работы и хлѣба, какъ это было на примѣръ при изобрѣтеніи книгопечатанія, отнявшаго хлѣбъ у многочисленнаго класса переписчиковъ, — все это можно назвать только потугами при рожденіи новой эпохи. Это — необходимыя жертвы, которыми окупится великій успѣхъ человѣческаго рода, и въ этомъ отношеніи Великобританія имѣетъ важное всемірно-историческое назначеніе — своею силою и энергіею завоевать для человѣчества эту новую будущность.

Англія, которой Энгельсъ предвѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ страшнѣйшую и разрушительную внутреннюю

борьбу, счастлива тѣмъ, что въ своемъ государственномъ устройствѣ и въ нравственныхъ и политическихъ способностяхъ своихъ жителей обладаетъ всѣмъ, что нужно для рожденія на свѣтъ новой великой эпохи цивилизаціи и для перенесенія страданій, сопровождающихъ это рожденіе. Правда, у нея есть свои національные недостатки—поземельное устройство, которымъ она обязана двухсотъ-лѣтнему внутреннему миру, и свои торговые кризисы, которыми она обязана своему островному положенію и всемірной торговлѣ; тѣмъ не менѣе здоровье ея такъ непоколебимо, что она безопасно выдержитъ и этотъ величайшій изъ всѣхъ бывшихъ экономическихъ кризисовъ. Гдѣ каждое общественное зло находитъ тѣмъ сильнѣйшее противодѣйствіе въ духѣ самага народа, чѣмъ болѣе политическое начало самоуправленія развиваетъ способность понять всегда истинную потребность и изыскать средства для ея удовлетворенія,—гдѣ никто такъ свято не чтитъ безграничной свободы ассоціаціи всѣхъ гражданъ, какъ самая государственная власть,—гдѣ всякое личное мнѣніе, всякое личное стремленіе можетъ безъ боязни высказываться и развиваться,—гдѣ каждый имѣетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что все нездоровое и дурное исчезаетъ само собой передъ силою общественнаго мнѣнія и общественной нравственности,—гдѣ никакое побужденіе народа не подавляется государственною властью и можетъ безопасно высказываться,—однимъ словомъ, гдѣ не существуетъ противорѣчія между государствомъ и народомъ и все общество растетъ по внушенію однихъ внутреннихъ потребностей, тамъ легко перенести всѣ невыгодныя послѣдствія нынѣшней фабричной системы, машинъ и скопленія капитала.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ сказаннаго служить самая исторія рабочихъ товариществъ, какъ ее предста-

вилъ Энгельсъ. Эти товарищества суть ни что иное, какъ естественная реакція противъ этихъ послѣдствій; они свидѣтельствуютъ, сколько естественной цѣлебной силы содержитъ въ себѣ англійское государство, и ясно показываютъ, что гдѣ народный организмъ развивается самостоятельно самъ изъ себя, безъ всякаго полицейскаго надзора и препятствія, тамъ и грубыя, отрицательныя порожденія народной жизни всегда содержатъ въ себѣ какое нибудь положительное и нравственное зерно, которое, постепенно зрѣетъ и крѣпнетъ до тѣхъ поръ, пока само не сброситъ съ себя первоначальной коры.

Рабочія товарищества, первоначально незаконныя и тайныя и притомъ грубыя и преступныя, сдѣлались мало по малу опорою общаго благоденствія и школою общественной нравственности, съ того времени, какъ въ 1824 году спасительнымъ актомъ парламента рабочіе получили право свободной ассоціаціи, принадлежавшее прежде только нѣкоторымъ классамъ англійскаго населенія ⁽¹⁾. Эти

⁽¹⁾ Съ весны 1845 г., послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ, состоялось въ Англійи постоянное центральное общество отдѣльныхъ рабочихъ товариществъ. Это общество имѣетъ ежегодно, въ недѣлю Духова дня, генеральное собраніе депутатовъ отъ всѣхъ товариществъ и управляется центральнымъ комитетомъ въ Лондонѣ, изъ 11 членовъ, которые смѣняются ежегодно. Устройство отдѣльныхъ товариществъ довольно однообразно. Каждый ихъ членъ вноситъ еженедѣльно въ общую кассу 6 п.; эта послѣдняя, смотря по надобности, вноситъ деньги въ кассу мѣстнаго собранія, соединяющаго всѣ мѣстныя рабочія товарищества, которыя въ свою очередь, смотря по надобности, платятъ центральному обществу. Кто не имѣетъ работы не по своей винѣ, или не можетъ работать по болѣзни, тотъ получаетъ изъ общей кассы 10 ш., если холостой, и 15 ш., если онъ женатъ, въ недѣлю. Стачки для прекращенія работъ (strikes) предпринимаются только съ общаго рѣшенія, причемъ товарищества обращаются за совѣтомъ къ центральному комитету, который въ такомъ случаѣ

собранія, уничтоживъ соперничество между рабочими и, въ случаѣ нужды, доставляя взаимную поддержку, не только ослабили невыгоды скопленія капитала и не только увеличили матеріальный доходъ своихъ сочленовъ и учрежденіемъ общихъ рабочихъ мастерскихъ (²) сдѣлали первый шагъ къ преобразованію общественнаго положенія рабочаго класса, но и улучшили нравственность каждого работника. Эти рабочіе, которые нѣкогда въ слѣпой ненависти разбивали въ дребезги машины и презирали товарища, уклонявшагося отъ возстанія ихъ противъ мнимаго врага, нынѣ сами положили въ своихъ уставахъ наказанія тому изъ своихъ сочленовъ, кто позволитъ какое либо оскорбленіе хозяину (³). Эти работники, которыхъ Энгельсъ такъ охотно причислилъ бы къ коммунистамъ (⁴), нынѣ

отбираетъ отъ всѣхъ товариществъ ежемѣсячные отчеты о величинѣ заработной платы, о цѣнахъ на произведенія и т. д. и, на основаніи ихъ, весьма подробно вычисляетъ, какъ великъ доходъ фабрикантовъ и какъ велика можетъ быть вѣроятность увеличить заработную плату.

(²) Такъ, на примѣръ, эти общества устроили общую башмачную мастерскую въ Лондонѣ и шляпную фабрику въ Манчестерѣ, въ которыхъ рабочіе сами заправляютъ всѣми дѣлами: продаютъ произведенія своего труда и поровну дѣлятъ между собою и барышъ, и убытокъ. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній, какъ, на примѣръ, красильня въ Манчестерѣ не пошли въ ходъ отъ недостатка согласія между членами.

(³) Кто оскорбитъ хозяина, тотъ платитъ 5 ш. въ общую кассу. Если работники оскорбятъ другъ друга, то каждый платитъ также 5 ш. штрафу; а кто попадетъ въ пьянствѣ, тотъ платитъ 2 ²/₃ ш. и въ теченіе извѣстнаго времени лишается права на вспомошествованіе. Каждые 14 дней собирается засѣданіе общества, въ которомъ производятся судъ и расправа и назначаются наказанія виновнымъ.

(⁴) Въ англійскихъ рабочихъ обществахъ нѣтъ никакого слѣда коммунистическихъ стремленій. Англичанинъ слишкомъ практиченъ, слишкомъ привыкъ при данныхъ условіяхъ имѣть всегда передъ глазами ясную, опредѣленную цѣль, чтобы въ массѣ онъ могъ увлечься какиминибудь фантастическими призраками.

наказываютъ на годъ тюремнымъ заключеніемъ того изъ своихъ товарищей, кто попадется въ воровствѣ.

Примѣчаніе. Чтобы понять, какой общественный переворотъ, вызванный фабричною промышленностью и машинами, переживаетъ нынѣ Англія за всю Европу, надо представить себѣ этотъ переворотъ въ связи со всѣмъ новѣйшимъ экономическимъ развитіемъ этой страны и постоянно имѣть передъ глазами слѣдующіе пункты:

1) Въ каждой отрасли фабричной промышленности есть всегда высшая точка, къ которой, вслѣдствіе примѣненія машинъ, стремится всегда требованіе на человѣческой трудъ и съ которой потомъ оно опять спадаетъ, постепенно достигая своей наименьшей величины. Это бываетъ такъ по тому, что введеніе машины имѣетъ двоякое вліяніе: оно вытѣсняетъ человѣческой трудъ и въ то же время для примѣненія его вызываетъ новыя машины. Такъ какъ въ началѣ машина, работая гораздо дешевле и быстрѣе, нежели человѣкъ, котораго она замѣнила собой, сильно понижаетъ цѣну произведеній и потому весьма усиливаетъ производство и требованіе на эти произведенія, то въ первое время машинной работы послѣднее вліяніе бываетъ всегда сильнѣе перваго, и потребность въ новыхъ рабочихъ увеличивается сильнѣе, чѣмъ уменьшается потребность въ прежнихъ рабочихъ.

Но и эти новые рабочіе, которыхъ потребовали машины, мало по малу вытѣсняются новыми машинами или улучшеніями старыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ фабрики дешевѣютъ, а производство и требованіе на нихъ усиливается медленнѣе прежняго, и такимъ образомъ наступаетъ время, когда первое вліяніе машиннаго производства все болѣе и болѣе пересиливаетъ второе, и производство требуетъ отъ человѣка лишь самаго ничтожнаго труда.

Въ нѣкоторыхъ мануфактурахъ потребность въ трудѣ человека достигла этой высшей точки еще въ прошломъ столѣтіи, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что, напримѣръ, въ 1829 году, по свидѣтельству Джемса Лича, на котораго ссылается Энгельсъ, въ 35 мануфактурахъ введено 1060 прядильныхъ станковъ болѣе, чѣмъ въ 1841 г., хотя число веретенъ на этихъ 35 мануфактурахъ увеличилось на 99,239, и что далѣе на 5 фабрикахъ въ этомъ послѣднемъ году совсѣмъ не было прядильщиковъ, потому что на этихъ фабрикахъ работали самопрялки (self-actors) и число веретенъ увеличилось на 10⁰/₀, а число прядильщиковъ уменьшилось болѣе чѣмъ на 60⁰/₀. Впрочемъ, значительное большинство фабричныхъ производствъ еще далеко не достигли этой степени развитія, и до сихъ поръ промышленный переворотъ Англіи представляетъ только первую эпоху развитія машиннаго производства. Вторая же эпоха его еще не наступила. Въ эту первую эпоху земледѣльческое населеніе естественно прихлынуло къ фабрикамъ, вслѣдствіе чего быстро начали возникать фабричные города; во вторую эпоху рабочее населеніе будетъ вытѣснено съ фабрикъ и обратится къ другимъ занятіямъ.

Рядомъ съ этимъ переворотомъ въ технической промышленности Англіи совершается другой переворотъ—въ сельскомъ хозяйствѣ, но съ совершенно противоположнымъ характеромъ. Чѣмъ болѣе фабрики притягивали къ себѣ населеніе, тѣмъ болѣе въ земледѣліи выступало впередъ начало возможно большаго сбереженія труда. Хотя хозяева улучшали технику земледѣлія и замѣняли трехпольную систему болѣе выгодною плодоперемѣнною; однако они старались также какъ можно болѣе отдѣлять скотоводство отъ земледѣлія и такимъ образомъ примѣняли раздѣле-

ніе труда и къ сельскому хозяйству. Богатые землевладѣльцы расширяли свои парки, а сельскіе хозяева закупаѣли съ фабрикъ искусственное удобреніе, нанимали работниковъ и обрабатывали поля наемными лошадьми, сбывали въ городахъ жатву съ своихъ луговъ, хлѣбъ же продавали на корню хлѣбнымъ промышленникамъ, которые снимали его наемными рабочими, преимущественно изъ Ирландцевъ. Скотоводы превращали свои луга въ пастбища и, благодаря англійскому климату, оставляли скотину на огороженныхъ нивахъ—въ теченіе лѣта и зимы кормиться на волѣ до тѣхъ поръ, пока не отводили ее на рынокъ. Потеря отъ притоптаннаго корма считалась бездѣлицей, потому что въ замѣнъ его хозяева сберегали стойла и рабочихъ. Изъ 24,700,000 акровъ обрабатываемой земли, занимаемой Англійей и Уэльсомъ, 14,200,000 акровъ, слѣдовательно 57%, обращены были въ луга и пастбища, которыми, какъ мы видѣли, пользовались по большей части самымъ не хозяйственнымъ образомъ. При этомъ земля переходила вся въ руки немногихъ владѣльцевъ. Такъ въ 1786 году въ Англійи было 250,000 самостоятельныхъ землевладѣльцевъ, а въ 1816 году въ Англійи и Уэльсѣ отъ нихъ осталось только 32,000, или около восьмой доли.

Но и для сельскаго хозяйства недавно настало время переворота, и среди разсужденій о хлѣбныхъ законахъ высказалось уже стремленіе проложить новый путь и въ этой отрасли хозяйства. Хозяева начинаютъ съ того, что вводятъ доселѣ почти неизвѣстное содержаніе скота на стойлѣ и снова соединяютъ скотоводство съ земледѣліемъ; вмѣсто прежнихъ искусственныхъ удобреній они опять стали употреблять болѣе дѣйствительное естественное удобреніе. Теперь они начинаютъ обращать въ деньги лишнія деревья и, чтобы выгодать мѣсто, уменьшаютъ число

лишнихъ изгородей; они основали сельско-хозяйственныя Общества, завели первыя училища для образованія молодыхъ хозяевъ (Royal agricultural college въ Cirencester и Queenwood college въ Stockbridge). Составилось даже особенное Общество, съ цѣлью собирать въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ все нечистоты въ одно мѣсто, собранную же жидкость посредствомъ паровыхъ машинъ и трубъ разливать по полямъ, чтобы, съ одной стороны, очистить города, а съ другой удобрить поля (ср. А. А. Ztg. 1846 N^o 151, В.). Приготавливаются доклады парламенту о дробленіи земельной собственности. Однимъ словомъ, какъ для фабричной промышленности наступаетъ время, въ которое будетъ господствовать начало наименьшей потребности въ трудѣ человѣка, такъ и для англійскаго сельскаго хозяйства наступаетъ новая эпоха, въ которой будетъ господствовать противоположное начало, то есть начало бельгійскаго хозяйства.

3) Изъ этихъ двухъ фактовъ самъ собою вытекаетъ и отвѣтъ на вопросъ, который всеми такъ часто предлагается, а именно: что станется въ Англии съ фабричнымъ населеніемъ, которое при все болѣе и болѣе усиливающимся машинномъ производствѣ осталось безъ работы? Рабочій классъ, который въ послѣднія 60 лѣтъ изъ деревень переходилъ на фабрики, еще въ нынѣшнемъ столѣтіи мало по малу обратится опять къ земледѣлію, если не найдетъ себѣ выгоднаго занятія въ ремеслахъ и торговлѣ. Мелкіе самостоятельныя сельскіе хозяева займутъ мѣсто нынѣшнихъ большихъ землевладѣльцевъ. Большіе парки, которые нынѣ доставляютъ только удовольствіе немногимъ семействамъ, уменьшатся и частію преобразятся въ плодоносныя нивы. Плугъ англійскаго хозяина проведетъ свои борозды и на невоздѣланныхъ доселѣ

земляхъ, и такимъ образомъ земледѣльческое населеніе опять придетъ въ равновѣсіе съ фабричнымъ. Англійская почва будетъ сама прокармливать свое населеніе и не только сдѣлаетъ Британію независимою отъ иноземнаго привоза, но и расширитъ туземные рынки для британской промышленности; изъ массы ничего неимущихъ работниковъ мало по малу образуется многочисленный, новый классъ землевладѣльцевъ, которые, благодаря фабричной промышленности, сдѣлаются прилежными, энергическими и предприимчивыми и будутъ благословлять машины, съ которыми воевали ихъ отцы, будутъ легко добывать себѣ необходимые фабрикаты и достигнуть высшей степени образованности.

Въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ не только достанетъ мѣста для лишняго фабричнаго населенія, но если бы даже земледѣльческое населеніе увеличилось на все нынѣшнее фабричное населеніе Англій, то и тогда его далеко еще не будетъ достаточно для того, чтобы достигнуть высоты бельгійскаго сельскаго хозяйства. Это легко можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ.

По ревизіи 1841 года, въ Англій и Уэльсѣ было 15,911,757 жителей, или менѣе 5,800 человекъ на квадратную милю; число всѣхъ фабричныхъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, простиралось до 829,564; земледѣліемъ занималось 7,9%, или 1,257,029 человекъ. Изъ 37,000,000 акровъ, составляющихъ пространство Англій и Уэльса, было:

Акровъ.	Прусскихъ моргеновъ.
28,749,000	или 45,564,452
и 3,984,000	„ 6,314,264
	необработанной, но способной къ обработкѣ земли.

Всего . . 32,733,000 или 51,878,716.

На этомъ пространствѣ могутъ вести свое хозяйство 518,787 землевладѣльцевъ, каждый на 100 прусскихъ моргенахъ. Въ Бельгiи, въ которой полагается больше 8000 жителей на каждую квадратную милю и которая почти ежегодно вывозитъ за границу скотъ и хлѣбъ, на каждую дачу во 100 прусскихъ моргеновъ, или $19\frac{1}{2}$ бундеровъ, приходится по крайней мѣрѣ 7 рабочихъ; слѣдовательно, 518,787 такихъ владѣній потребовали бы для себя 3,631,509 работниковъ, т. е. еще 2,374,480 человѣкъ кромѣ тѣхъ, которые нынѣ занимаются земледѣліемъ, или почти втрое болѣе всѣхъ нынѣшнихъ фабричныхъ рабочихъ въ Англіи.

Если бы общества рабочихъ, которыя ежегодно собираютъ больше милліона фунтовъ стерлинговъ, употребляли хотя полмилліона изъ своей годовой выручки на покупку доселѣ необработанныхъ, но способныхъ къ обработкѣ, земель въ Англіи и отдавали ихъ въ собственность способнымъ и склоннымъ къ занятію земледѣліемъ своимъ членамъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ, сдѣлавшись собственникомъ, платилъ ежегодно 5% на употребленный для покупки предоставленнаго ему участка капиталъ, и если бы общества на этотъ ежегодно возвращающійся капиталъ постоянно пріобрѣтали вновь, на тѣхъ же условіяхъ, новыя земли для своихъ сочленовъ, то все необработанное пространство въ 6,314,264 прусскихъ моргеновъ (считая по 50 ф. с. за англійскій акръ), перешло бы въ теченіе $60\frac{1}{3}$ лѣтъ въ ихъ руки.

§ 44.

Разборъ нападеній социалистовъ на частную собственность.

Мы видѣли, что социалисты нападаютъ на частную собственность съ двухъ сторонъ: частью они возстаютъ противъ чисто-философскихъ началъ собственности, частью стараются

раскрыть вредъ, который произойдетъ для человѣчества отъ учрежденія частной собственности.

Впрочемъ, и тѣ и другія нападенія такъ слабы, что никакъ не могутъ поколебать законности частной собственности.

Изъ понятія о свободѣ, какъ общемъ достояніи людей, социалисты стараются вывести необходимость совокупной собственности; изъ общей всѣмъ людямъ потребности въ собственности для духовнаго развитія человѣка они стараются вывести общее всѣмъ людямъ право собственности и незаконность личной монополіи каждаго на владѣніе; изъ права человѣка на произведеніе его труда—право собственности рабочихъ классовъ и незаконность владѣнія тѣхъ собственниковъ, которые сами не работаютъ. Но всѣ эти три основанія ведутъ къ совершенно противоположному заключенію. Если согласиться съ тѣмъ, что свобода, духовное развитіе и трудъ каждаго человѣка условливаютъ справедливое требованіе на частную собственность, то изъ того, что многіе люди не имѣютъ собственности еще не слѣдуетъ, что надо уничтожить частную собственность; напротивъ, отсюда вытекаетъ необходимость распространить ее на всѣхъ. Отсюда видно, что съ введеніемъ частной собственности, человѣчество сдѣлало великій шагъ впередъ въ своемъ развитіи, хотя оно не достигло еще вполне своей цѣли. Отсюда выходитъ не отрицаніе исторіи, а необходимость ея продолженія, не беззаконность, а право частной собственности.

Еще менѣе незаконность частной собственности вытекаетъ изъ ея мнимыхъ невыгодъ, на которыя указываютъ социалисты.

Во первыхъ, ей ставятъ въ вину нищету рабочихъ классовъ. Но вѣдь до водворенія частной собственности бѣдность и страданіе были общимъ удѣломъ всего человѣчества.

Только личный трудъ, развившійся при частной собственности, впервые вступилъ въ борьбу съ природою и положилъ конецъ всеобщности страданія. Только благодаря частной собственности, человекъ сталъ вырабатывать болѣе, чѣмъ сколько нужно ему для удовлетворенія необходимыхъ потребностей; только благодаря частной собственности сдѣлалось возможнымъ сбереженіе капиталовъ, усиленіе производительности человека и благосостоянія.

Говорятъ, что частная собственность стала источникомъ всеобщей деморализаціи; но до введенія частной собственности невѣжество и недостатокъ нравственнаго образованія были отличительнымъ свойствомъ всего человечества. Частная собственность первая стала источникомъ личной нравственной силы каждаго человека. Она пробудила въ человекѣ глубокую и теплую привязанность къ предмету и мѣсту его дѣятельности, любовь къ родинѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пробудила въ немъ тѣ благородныя нравственныя чувства и побужденія, которыя мы разумѣемъ подъ общимъ именемъ — любви къ отечеству. Она составляетъ основу семейства, — этого нравственнаго основанія каждаго общества. Безъ нея нѣтъ ни домашняго хозяйства, ни домашняго очага, съ которымъ связано назначеніе женщины; безъ нея нѣтъ ни семейнаго духа, ни воспитанія дѣтей, ни развитія высшаго нравственнаго образованія изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Наконецъ говорятъ, что съ водвореніемъ частной собственности исчезло равенство между людьми, а мѣсто его заступили господство землевладѣльцевъ и зависимость отъ нихъ людей, ничего неимущихъ. Но до частной собственности равенство людей было только равенствомъ бѣдности, невѣжества и скотскаго коснѣнія. Только частная собственность вызвала въ человекѣ личную энергію, съ которою онъ можетъ теперь подняться изъ этого первобытнаго состоянія

и достигнуть высшаго духовнаго развитія. Собственность, вмѣстѣ съ языкомъ, стала могущественнѣйшимъ двигателемъ развитія человѣческаго духа. Въ ней выражаетъ человѣкъ міръ своихъ идей на дѣлѣ, какъ въ языкѣ онъ выражаетъ его въ словѣ. Вслѣдствіе частной собственности, отдѣльныя личности вступаютъ во взаимное сношеніе и связь, и исторія частной собственности народа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и литературная исторія его дѣяній. Гдѣ не достаетъ этого языка и взаимныхъ сношеній, тамъ господствуетъ только грубая чувственная сила, или однообразное, механическое образованіе, и нѣтъ духовнаго развитія и совершенствованія отдѣльныхъ личностей, которыя своими мыслями и дѣлами сообщаютъ страдательной массѣ народа сѣмена цивилизаціи. Безъ частной собственности человѣческое общество осталось бы безжизненной, однообразной массой, безъ индивидуальнаго разнообразія, безъ образованія и безъ развитія (1).

§ 45.

Продолженіе.

Упрекая современное общество въ неравномѣрномъ распредѣленіи собственности и требуя отъ него такого устройства, при которомъ каждый человѣкъ участвовалъ бы въ собственности, соразмѣрно съ своими способностями, социалисты извращаютъ всю исторію и все развитіе человѣчества. Конечный результатъ цивилизаціи они хотятъ сдѣлать ея началомъ и воображаютъ, что однѣми отвлеченными

(1) Ср. краснорѣчивую защиту частной собственности, которую Прудонъ, извѣстный критикъ собственности, представилъ въ *Philosophie de la misère*. Т. II, глава II, § 2, противъ нападеній коммунистовъ.

теоріями можно разрѣшить задачу, надъ которою въ теченіе всей своей жизни работаетъ все человѣчество съ первыхъ дней своего безсознательнаго дѣтства, когда оно не знало еще никакой собственности. Хотя мы и не имѣемъ подробной исторіи распредѣленія собственности и даже никогда не будемъ имѣть ее, однако до насъ сохранились отъ прошедшаго такіе факты объ этомъ вопросѣ, которые вполне могутъ убѣдить всякаго безпристрастнаго человѣка въ томъ, что до сихъ поръ, по мѣрѣ того какъ развивалась образованность человѣчества и охватывала все бѣльшіе и бѣльшіе круги, чрезъ всѣ разнообразныя національныя формы собственности, право отдѣльныхъ лицъ на частную собственность пріобрѣтало, за немногими отдѣльными исключеніями, все больше признаніе. Эти факты достаточно доказываютъ также, что въ дѣйствительности владѣльческія отношенія принимали все болѣе и болѣе благопріятную форму, и что владѣльческій классъ сравнительно съ невладѣльческимъ постепенно увеличивался, а невладѣльческій, напротивъ того, уменьшался.

Въ деспотическихъ государствахъ древней Азіи, былъ, какъ извѣстно, только одинъ владыка всей земли, одинъ собственникъ — государь. Въ Греціи почти три четверти населенія состояли изъ людей, неимѣвшихъ никакихъ правъ; они сами служили предметомъ собственности; подобно всякому другому товару, ихъ можно было продавать и покупать. Въ Коринѣ на 8 квадратныхъ миль приходилось 460,000 рабовъ, въ Эгинѣ менѣе чѣмъ на одной квадратной мили было 470,000 рабовъ. Въ Атикѣ, въ самомъ образованномъ государствѣ древности, при населеніи 500,000 душъ, жило, по исчисленію Бѣка ⁽¹⁾, на 40 квадратныхъ миляхъ 365,000 или 73% рабовъ.

⁽¹⁾ Die Staatshaushaltung der Athener. T. I, стр. 40.

Остальное населеніе состояло изъ 45,000 метѣковъ и 90,000 собственно гражданъ, изъ которыхъ въ самое цвѣтущее время, когда распредѣленіе земельной собственности было самое равномерное, три четверти или 13,5⁰/₀ всего населенія владѣли землею (2). Впослѣдствіи, въ Аѣинахъ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ классической древности, земельная собственность все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ немногихъ рукахъ; неравенство имущества и бездна, раздѣлявшая богача отъ бѣдняка, увеличивались тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе свободное населеніе жило почти исключительно своимъ имуществомъ, а не трудомъ. Аѣинскій мѣняла Пазіонъ владѣлъ землею въ 20 талантовъ, содержалъ фабрику щитовъ, приносившую ему 1 талантъ (1500 талеровъ) ежегоднаго дохода, и сверхъ того 50 талантами, или 75,000 талеровъ, которые раздавалъ по рукамъ на проценты. Съ однихъ домовъ своихъ онъ получалъ въ годъ 30 минъ (750 талеровъ), а занятіе мѣнялы доставляло ему 100 минъ или 2500 талеровъ (3) ежегоднаго дохода. Если сравнить тогдашнюю цѣнность денегъ съ нынѣшнею цѣнностью денегъ въ Германіи, то эту сумму надо увеличить по крайней мѣрѣ втрое, потому что средства къ жизни были болѣе, чѣмъ втрое дешевле нынѣшнихъ (4). Бѣкъ приводитъ въ примѣръ многія изъ богатѣйшихъ аѣинскихъ фамилій, которыхъ имущество полагалось во 100, 150, 200 и даже въ 600 талантовъ (5). Все богатство аѣинскаго народа опредѣляетъ Бѣкъ не менѣе, какъ въ 20,000

(2) По низверженіи тридцати тирановъ, 5000 гражданъ были безъ земли. См. Бѣка, II, 20.

(3) Бѣкъ, II, 12.

(4) Тамъ же, I, 84 и сл.

(5) Тамъ же, II, 13.

талантовъ (6). Если положить его въ 24,000 таланта, то состояніе въ 600 талантовъ составитъ уже одну со- роковую часть совокупнаго богатства народа. Если мы припомнимъ, что обыкновенный процентъ съ капитала рав- нялся 12 0/0, а еще чаще доходилъ до 30 0/0, и что, на оборотъ, задѣльная плата свободныхъ Гелленовъ, вслѣд- ствіе соперничества съ рабами, была очень низка, то легко увидимъ, какое неравенство имущества и дохода господ- ствовало въ то время въ Атикѣ. Когда Антипатръ въ 320 году до Р. Х. отнялъ полное право гражданства у всѣхъ Аѳинянъ, имѣвшихъ менѣе 2000 драхмъ (500 тале- ровъ) состоянія, то этой участи подверглись 12,000 человѣкъ, такъ что едва 9000 или $\frac{3}{7}$ свободныхъ гражданъ и 7,7 0/0 всего населенія, владѣли такимъ состояніемъ (7).

Въ римскомъ государствѣ Гиббонъ полагалъ число рабовъ въ половину всего населенія, и уже въ царствованіе Августа встрѣчаются примѣры, что нѣкоторые Римляне держали болѣе 4000 рабовъ. Въ переходное время, отъ республиканскихъ формъ къ монархіи, столица имперіи сов- мѣщала въ себѣ, кромѣ 50,000 peregrinorum, около милліона рабовъ и свободную городскую чернь, въ числѣ 1,250,000 душъ, которая до того обѣднѣла, что со временъ Юлія Це- заря болѣе половины ея (640,000) состояла изъ нищихъ и государство принуждено было каждый годъ безденежно раздавать ей хлѣбъ. Все богатство скопилось въ рукахъ се- наторовъ и всадниковъ, число которыхъ простиралось по большей мѣрѣ до 10,000 человѣкъ. Къ этому сословію принадлежали: лица, занимавшія самыя выгодныя должности въ государствѣ, крупные землевладѣльцы, откупщики и мѣ-

(6) Тамъ же, II, 23 и сл.

(7) Тамъ же, II, 20.

нялы (8). Въ то время какъ болѣе 40 процентовъ населенія Рима составляли рабы и 29 процентовъ нищіе, богатый владѣльческій классъ не составлялъ и половины процента всего населенія этой столицы. Въ правленіи другихъ императоровъ, этотъ порядокъ сдѣлался еще хуже не только въ Римѣ, но и во всей Италіи; а именно: вся земля мало по малу до того скопилась въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ, что Плиній имѣлъ полное право сказать: *Latifundia perdidere Italiam*.

Въ средніе вѣка число рабовъ было гораздо менѣе, чѣмъ въ древности, но вся земельная собственность, это почти единственное въ то время богатство народовъ, какъ наслѣдіе сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ семействъ. Напротивъ того, наибольшая часть населенія и свободнаго и полусвободнаго изнывала въ большей или въ меньшей степени подъ бременемъ десятинь, барщины, феодалныхъ работъ и другихъ тягостей. По статистическимъ свѣдѣніямъ, содержащимся въ *Domesdaybook*, составленной во второй половинѣ XI столѣтія, по повелѣнію Вильгельма Завоевателя, число отцовъ семействъ простиралось въ Англіи приблизительно до 300,000. Изъ нихъ только 1400 чело-вѣкъ были надѣлены королемъ землею и составляли классъ свободныхъ землевладѣльцевъ, а число второстепенныхъ ленниковъ простиралось до 8000, такъ что число настоящихъ собственниковъ можно положить только въ 3,3% всего населенія. Полусвободныхъ крестьянъ, отбывавшихъ барщину и оброкъ, было 23,072 или 7,6%, крѣпостные (*Hörige*), напротивъ, составляли болѣе 200,000, а рабы 25,000 (9). Слѣдова-

(8) См. К. Гёка, *Römische Geschichte vom Verfall der Republik bis zur Vollendung der Monarchie unter Constantin*, Т. I, А. 2. Braunschweig, 1843, стр. 131 и сл.

(9) См. Lappenberg, *Geschichte von England*, Т. II, стр. 146 и сл.

тельно, несвободные и безземельные ⁽¹⁰⁾ составляли еще $\frac{3}{4}$ населенія. Для другихъ странъ мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ о распредѣленіи земельной собственности въ средніе вѣка, но и не имѣемъ также никакого права предполагать, чтобы гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ отношенія эти были лучше, чѣмъ въ Англіи.

Совершенно иначе выразились общественныя отношенія въ Европѣ въ новѣйшее время. Здѣсь нѣтъ болѣе рабовъ и крѣпостныхъ (Hörige), нѣтъ барщины и принудительныхъ работъ; каждый самъ себѣ господинъ и имѣетъ право на собственность. Обширныя, дотолѣ неотчуждаемыя и недѣлимыя помѣстья разбились и разошлись по рукамъ многихъ владѣльцевъ. Всѣ монополіи землевладѣнія и труда исчезли, а рядомъ съ землею у cadaго народа образовалось большое движимое національное имущество, въ которомъ безъ всякихъ затрудненій принимаетъ участіе всякій способный трудъ.

Въ Великобританіи, не смотря на неправильныя земельныя отношенія, число собственниковъ, получающихъ кромѣ заработной платы земельную ренту и проценты съ капиталовъ, можно положить по меньшей мѣрѣ въ половину всего населенія ⁽¹¹⁾. Во Франціи число однихъ землевладѣльцевъ

⁽¹⁰⁾ Если намъ возразятъ, что большая часть крѣпостныхъ имѣли нѣкоторое право на земельную собственность, которую они обрабатывали для своего господина, то мы отвѣтимъ, что этотъ родъ владѣнія только замѣнялъ собою заработную плату.

⁽¹¹⁾ Изъ 3,303,504 семействъ, жившихъ въ 1831 году въ Великобританіи, было по исчисленію Маршалла:

316,487 собственниковъ, жившихъ своими доходами,
250,000 сельскихъ хозяевъ,
230,000 художниковъ, архитекторовъ и проч.,
350,000 купцовъ (shopkeepers),
360,000 ремесленниковъ,
90,000 духовенства, юристовъ и врачей. Слѣдовательно,

1,596,487 семействъ, или 48% всего населенія, принадлежали

составляетъ болѣе половины населенія, потому что въ этой странѣ было 5,446,763 семейства, владѣвшихъ помѣстьями (12). Пруссія, безъ округовъ Бромбергскаго, Стральзундскаго и Оппельнскаго, для которыхъ мы не имѣемъ статистическихъ свѣдѣній, было 1,020,506 помѣстьевъ (13), а населеніе ея, за исключеніемъ этихъ трехъ округовъ, простиралось въ 1837 году до 12,749,176 душъ. Положивъ по 4 человѣка на каждое семейство, мы получимъ 4,082,024 землевладѣльца, или почти одну треть всего населенія. Въ Нассау, обнимающемъ 85,560 семействъ, количество обработанной земли въ 1830 году было распределено

къ сословіямъ, которыя въ Англіи жили своими доходами. Но въ этотъ счетъ совсѣмъ не вошли еще фабриканты и моряки. А что въ Англіи и въ рабочемъ классѣ есть много такихъ, которые скопили небольшіе капиталы, это лучше всего доказываютъ отчеты сберегательныхъ кассъ. Въ 1843 г., въ Англіи и Уэльсѣ было 460 сберегательныхъ кассъ, въ которыхъ 722,620 лицамъ принадлежало 22,272,357 фун. стер. или 150 милліоновъ рхстл. капиталу, такъ что среднимъ числомъ приходилось 29 фун. стер. или 196 тал. 10 зблг. на человѣка. Только 2,857 человѣкъ съ 680,031 фун. стер., хранили въ кассахъ болѣе 200 фун. стер., 47,676 человѣкъ съ 6,623,915 фун. стер. хранили отъ 100 до 200 фун. стер. См. Tables of the revenue, population, commerce etc. of the United Kingdom. Part. XIII. Sect. A. London, 1845. S. 12.

(12) *Mounier*, Del'agriculture en France. Paris, 1846. Ср. А. Шнеера, въ Архивѣ Рау. Neue Folge B. III. 1845, стр. 28 и сл., и Рау, Lehrbuch der pol. Oeconomie. II, 3 изд., стр. 147 и сл. Что большинство землевладѣльцевъ во Франціи получаетъ весьма ничтожный доходъ съ своихъ помѣстьевъ,—это другой вопросъ; во всякомъ случаѣ они — не простые работники, а получаютъ сверхъ заработной платы еще и поземельную ренту.

(13) А именно: 10,703 дворянскихъ помѣстьевъ,
489,829 крестьянскихъ земель,
519,974 мелкихъ помѣстьевъ.

См. Шнеера, стр. 50 и сл.

между 38,746 самостоятельныхъ землевладѣльцевъ ⁽¹⁴⁾, такъ что, за исключеніемъ домовладѣльцевъ въ городахъ, 45⁰/₀ семействъ владѣли землею. Въ Ганноверѣ при населеніи 1,688,285 душъ (1836) за исключеніемъ земель, принадлежавшихъ государству, дворянству и корпораціямъ, было 265,629 землевладѣльцевъ ⁽¹⁵⁾, или (полагая по 4 человѣка на семейство) 62⁰/₀ всего населенія. Наконецъ въ Бельгіи, при населеніи въ 3,922,240 душъ (1839), было въ городахъ и деревняхъ 945,659 землевладѣльцевъ ⁽¹⁶⁾ или (полагая опять по 4 человѣка на семейство) 94,8⁰/₀ всего населенія.

Безъ сомнѣнія, частную собственность, какъ и всякіе другіе предметы и средства къ образованію человѣческаго рода, можно употреблять во зло. Какъ семейство можетъ служить сохраненію порока, слово — лжи, а свобода — братоубійству, такъ точно и частную собственность можно употреблять во зло для духовнаго и нравственнаго развращенія, для праздности и порока владѣльцевъ, для утѣшенія другихъ и во вредъ общему благу. Въ этомъ отношеніи нельзя отвергать того, что понятіе о частной собственности, выработанное римскимъ правомъ, значительно способствовало злоупотребленію частною собственностью; но злоупотребленіе частною собственностью еще не подрываетъ ея нравственнаго назначенія и необходимости ея для общества. Съ успѣхами образованія и общественной нрав-

⁽¹⁴⁾ См. Staatshandbuch des Herzogthums Nassau für das Jahr 1832—1833. Wiesbaden, 1832, стр. 15 и сл.

⁽¹⁵⁾ См. Редена, Das Königreich Hannover statistisch beschrieben. Hannover, 1839. Т. I, стр. 22.

⁽¹⁶⁾ 945,659 человѣкъ, владѣвшихъ 6,576,459 мелкими помѣстьями. См. Гейшлингъ, Essai sur la statistique générale de la Belgique. Изд. II. Bruxelles, 1841, стр. 75.

ственности, частная собственность будетъ все тѣснѣе и тѣснѣе примыкать къ нравственнымъ цѣлямъ общества и владѣльцы ея будутъ все болѣе и болѣе смотрѣть на нее какъ на такую часть общаго достоянія, которая ввѣрена имъ для ихъ духовнаго и нравственнаго совершенствованія, и такимъ образомъ частная собственность будетъ все болѣе и болѣе достигать своего назначенія.

§ 46.

Разборъ нападеній социалистовъ на торговлю.

Что сказано о нападеніяхъ социалистовъ на частную собственность, то же можно примѣнить и къ нападеніямъ ихъ на торговлю. Торговля сама по себѣ не есть признакъ деморализаціи, а представляетъ только область, въ которой по преимуществу высказывается эгоизмъ человѣка. При всѣхъ формахъ общественной жизни, торговля составляетъ необходимое условіе и рычагъ цивилизаціи, потому что съ помощію ея люди мѣняютъ различные предметы своего труда для взаимнаго удовлетворенія своихъ потребностей; торговля есть процессъ, въ которомъ отдѣльные лица, какъ и народы взаимно поддерживаютъ себя въ своемъ развитіи своими разнообразными способностями и силами. Не будь торговли, — и всякій частный трудъ утратилъ бы свое общественное назначеніе и свою связь съ общимъ благомъ. Но торговлю, какъ и частную собственность, можно пользоваться для благородныхъ цѣлей и злоупотреблять ею для безнравственныхъ цѣлей. Социалисты изображаютъ только ея послѣднюю сторону, разумѣя подъ торговлю только лихоимство, рассчитывающее на нужду и несчастіе другихъ, и выставляютъ одинъ только человѣческій эгоизмъ, какъ обнаруживается онъ въ торговлѣ. Но недовѣрчивость и утайка недостатковъ въ

произведеніи своего труда и стремленіе извлечь изъ невѣдѣнія ближняго личную выгоду не составляютъ еще необходимыхъ спутниковъ торговли. Въ нихъ обнаруживается такой же человѣческій эгоизмъ, какой до начала торговли высказывался другими путями; но чѣмъ развитѣе торговля, тѣмъ болѣе исчезаютъ эти мрачныя стороны торговли. Кто хочетъ убѣдиться въ томъ, что во всемирной исторіи торговли нравственность постоянно возрастаетъ, а лихоимство уменьшается, тому стоитъ только сравнить промыселъ аѳинскихъ мѣняль, получавшихъ съ своихъ капиталовъ постоянно 36⁰/₀, то есть втрое болѣе обыкновеннаго процента (¹), или нѣмецкихъ банкировъ во время реформаціи, бравшихъ отъ одной четвертной ярмарки до другой по 5⁰/₀, то есть по 20⁰/₀ въ годъ (²), съ нынѣшними банками въ Шотландіи, которые открываютъ свой кредитъ промышленникамъ только ради ихъ хорошей репутаціи, не принимая никакого залога и безъ всякой гарантіи со стороны государства, и ссужаютъ ихъ капиталами на обыкновенныхъ процентахъ. Шотландскіе банки полагаются на общественную нравственность и на взаимное чисто-личное довѣріе, безпримѣрныя въ исторіи, и совершенно опровергаютъ всѣ возгласы противъ возрастающаго разврата въ торговлѣ.

Что касается до политико-экономическихъ невыгодъ торговли, на которыя упираютъ соціалисты, то онѣ основываются также на одностороннемъ, пристрастномъ пониманіи жизни, выдающемъ отдѣльныя злоупотребленія за общее правило.

(¹) См. Бёка, I, 135 и сл.

(²) См. Вольфгангъ Кауффманнъ, *Wider den verfluchten Wucher. Eisleben*, 1565. 4. Предисловіе.

Соціалисты говорятъ: торговля занимаетъ множество лишнихъ посредниковъ, которые только потребляютъ товары и возвышаютъ ихъ цѣну. Напротивъ, истинная торговля занимаетъ множество лицъ, которыя производятъ предметы, распредѣляя ихъ въ обществѣ и уравнивая избытокъ съ недостаткомъ, и своимъ трудомъ удешевляютъ товары для потребителей.

Соціалисты говорятъ: торговля отнимаетъ множество рабочихъ силъ у производительныхъ занятій. Напротивъ, торговля доставляетъ другимъ занятіямъ новыя рабочія силы, потому что купецъ взялъ на себя всю ту работу, которою безъ него каждый производитель долженъ былъ бы заниматься самъ, съ гораздо большею тратою времени.

Наконецъ, соціалисты говорятъ: торговля господствуетъ надъ производствомъ и потребленіемъ. Напротивъ, производство и потребленіе господствуютъ надъ торговлею, которая находится съ этими двумя хозяйственными дѣятельностями въ постоянномъ взаимодействіи. Торговля распредѣляетъ то, что даетъ ей производство, и передаетъ произведенія потребителямъ, которые нуждаются въ нихъ.

Гдѣ торговля господствуетъ на рынкѣ, гдѣ она принуждаетъ мелкихъ производителей продавать свои произведенія дешевле ихъ настоящей цѣны, а потребителей покупать ихъ дороже того, что они стоятъ, тамъ торговля есть не торговля, а лихоимство. Всѣ безнравственныя порожденія торговли, скупъ товаровъ, биржевая игра и пр., какъ вредныя, должны быть отвергнуты, и нельзя не пожалѣть, что эгоистическія начала Смитова ученія о торговлѣ одинаково узаконили ихъ. Эти безнравственныя порожденія торговли существуютъ не съ нынѣшняго и не со вчерашняго дня, и вредоносность ихъ не даетъ права отвергать честную дѣятельность купца и экономическую производительность его

труда. Изъ злоупотребленія торговлею еще не слѣдуетъ что надо совсѣмъ уничтожить торговлю; напротивъ, изъ него слѣдуетъ только необходимость облагородить ее.

§ 47.

Разборъ нападеній социалистовъ на деньги.

Также несостоятельны нападенія социалистовъ на деньги, необходимость которыхъ, какъ общаго мѣрила цѣнностей и орудія обращенія, условливается существованіемъ частной собственности и торговли. Когда деньги вошли во всеобщее употребленіе, то на нихъ, конечно, и сосредоточились всѣ преступленія противъ частной собственности, корыстолюбіе и алчность, потому что деньги служатъ представителемъ всѣхъ цѣнностей; но это еще не значитъ, что именно деньги вызвали эти пороки. Коммунисты смѣшиваютъ здѣсь средство преступленія съ его причиною. Уничтоженіемъ денегъ мы не искоренимъ преступленій, какъ не искоренимъ ихъ уничтоженіемъ частной собственности и торговли, а только уменьшимъ возможность совершать преступленія. Этимъ способомъ можно только уничтожить одинъ родъ проявленій эгоизма, а не улучшить нравственность. Это все равно, что лишить человѣка свободы для того, чтобы онъ не могъ злоупотреблять ею.

Мнѣніе, будто деньги доставили капиталисту возможность налагать на работника болѣе работы, нежели сколько прежде господинъ налагалъ на своего раба, опровергается тѣмъ простымъ фактомъ, что деньги, съ одной стороны, даютъ работнику возможность во всякое время покинуть своего хозяина, а съ другой стороны, грозятъ и этому послѣднему потерять работниковъ, въ случаѣ дурнаго обхожденія съ ними и соперничества съ другими фабрикантами. Но не говоря уже объ этомъ, замѣтимъ, что вся невыгода этой возможности

обнаруживается только тогда, когда фабрикантъ есть эгоистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, когда онъ нисколько не заботится о благѣ общества и по крайней близорукости своей не видитъ, что бремя общественной благотворительности, которое онъ самъ усиливаетъ, угнетая работниковъ, падетъ на его же собственные плечи.

Съ другой стороны, если коммунисты утверждаютъ, будто деньги породили разладъ между капиталомъ и трудомъ, и будто первоначально капиталъ составлялъ законную собственность работниковъ, то они опять-таки возводятъ въ общее правило отдѣльныя уродливыя отступленія въ исторіи капитала и совершенно упускаютъ изъ виду истинныя и необходимыя, хотя и глубже скрытыя причины происхожденія капитала. Обыкновенно они выставляютъ капиталистовъ какими-то невѣжественными туеядцами и биржевыми спекулянтами, которые, не имѣя за собою никакихъ заслугъ передъ современнымъ поколѣніемъ, живутъ только на чужой счетъ. Но при этомъ они не хотятъ видѣть, что различіе между предпринимателемъ и поденщикомъ, между фабрикантомъ и рабочимъ, есть столько же необходимое слѣдствіе естественнаго неравенства между личными способностями, именно неравенства духовнаго и физическаго труда, какъ и необходимый рычагъ экономическаго развитія народовъ, и что это различіе существовало еще до происхожденія денегъ, въ естественномъ хозяйствѣ, но только подъ другими формами.

Взглядъ коммунистовъ произошелъ изъ чисто-материалистическаго пониманія производства, пониманія, которому подало поводъ само ученіе Смитовой школы. Они смотрятъ на всякое произведеніе, какъ на прѣстой результатъ одного физическаго труда, и поэтому между фабрикантами и рабочими не знаютъ другаго различія, кромѣ того только, что первые владѣютъ капиталомъ, а вторые не владѣютъ имъ, и

что одни не работаютъ, а другіе работаютъ. Но вѣдь каждое произведеніе есть не только результатъ физическаго труда, природы и капитала, но также—и это главное—плодъ чело-вѣческой мысли; всякое произведеніе, еще до начала про-изводства, живетъ какъ совершенно оконченное созданіе въ мысли того, кто берется за его производство и управ-ляетъ имъ; всякому видимому производству цѣнностей предшествуетъ всегда невидимое духовное производство, безъ котораго первое невозможно. Чѣмъ сложнѣе произ-веденіе и чѣмъ сложнѣе самый процессъ производства, тѣмъ болѣе требуютъ они духовнаго напряженія и тѣмъ необхо-димѣе, чтобы духовные творцы произведеній были осво-бождены отъ всякаго матеріальнаго труда. Изъ естествен-наго неравенства чело-вѣческихъ силъ и способностей про-исходитъ раздѣленіе труда между духовными и матеріаль-ными производителями, и первые имѣютъ такое же закон-ное право на вознагражденіе своего невидимаго труда, какое послѣдніе имѣютъ на вознагражденіе своего видимаго труда. Какъ надъ бороздой, которую волъ ведетъ своимъ плугомъ, работаетъ умъ земледѣльца, умѣющаго обходиться съ землею и подчинять силы природы опредѣленнымъ цѣлямъ производства, такъ точно и надъ полчищами рабочихъ, строящихъ какую нибудь машину, носится всегда мысль того, кто знаетъ, какъ дѣйствуетъ эта машина, знаетъ пра-ктическую потребность въ ней и законы природы, на которыхъ она основана. При постройкѣ этой машины только одинъ трудъ рабочихъ бываетъ видимъ для нашихъ глазъ; но тотъ, кто дѣйствительно создаетъ ее и имѣетъ право на боль-шее вознагражденіе и высшую заработную плату, есть пред-приниматель, фабрикантъ, управляющій трудомъ рабочихъ (1).

(1) Если мы будемъ разсматривать по одиночкѣ большія промыш-ленности народовъ до самаго начала ихъ происхожденія, то без-

Въ болѣе грубыхъ производствахъ къ этому присоединяется другая заслуга предпринимателя и капиталиста, которая имѣетъ наиболѣе значенія въ исторіи экономіи. Эта заслуга состоитъ въ томъ, что предприниматель соединилъ вмѣстѣ разсѣяныя силы работниковъ для совокупной цѣли труда. Отдѣльный работникъ, разобщенный отъ другихъ, производитъ, какъ извѣстно, лишь ничтожную долю того, что онъ производитъ, какъ членъ цѣлаго большаго общества работниковъ. Еще А. Смитъ доказалъ на извѣстномъ примѣрѣ булавочнаго производства, что одинъ работникъ отдѣльно сработываетъ въ день не болѣе 20 булавокъ, а въ сообществѣ другихъ работниковъ и при помощи раздѣленія труда—4,800 булавокъ. И такъ, предприниматель, соединивъ разобщенныя силы труда въ одно цѣлое, внесъ въ хозяйство совершенно новое начало, въ которомъ обнаружилось господство человѣческаго духа: онъ явился необходимымъ посредствующимъ членомъ въ развитіи производства, указалъ работникамъ на безконечное преимущество ассоціаціи и мало по малу воспитываетъ ихъ къ тому, чтобы они сами, безъ посторонняго принужденія, соединялись для совокупныхъ цѣлей труда. За эту-то заслугу и получилъ онъ свое вознагражденіе; а на это вознагражденіе имѣетъ онъ полное право по тому, что оно есть продуктъ не отдѣльныхъ работниковъ, но цѣлаго союза ихъ, который онъ создалъ.

престанно будемъ встрѣчаться съ отдѣльными личностями или цѣлыми семействами, которыя выдаются своими талантами, рѣдкою энергіею характера и гражданскими добродѣтелями. Напомню здѣсь только о происхожденіи англійской стеклянной промышленности и укажу на имена Аркрайта, Кокерилля и Терно.

§ 48.

Разборъ положительной части соціальныхъ теорій хозяйства.

Послѣ опроверженія обвиненій, взводимыхъ соціалистами и коммунистами на историческія формы хозяйства, само собою исчезаетъ основаніе, на которыхъ они строили свои планы будущаго общественнаго устройства. Тѣмъ не менѣе мы должны разсмотрѣть вкратцѣ и эти послѣдніе и указать по крайней мѣрѣ на тѣ главныя ошибки, въ которыя впадаютъ всѣ эти общественные строители, не смотря на рѣзкія различія ихъ плановъ. Мы должны уяснить здѣсь, что способами, какіе они указали, нельзя совершить никакого преобразованія ни въ экономической наукѣ, ни въ самой практической жизни.

Здѣсь нечего повторять того, что Аристотель доказывалъ противъ Платона—что не равная, а справедливая доля цѣнностей условливаетъ счастье людей, и что даже при совершенномъ равенствѣ одинъ можетъ имѣть слишкомъ много, а другой слишкомъ мало. Здѣсь также не мѣсто повторять то, о чемъ не разъ уже было говорено, именно: что соціалисты опираются на совершенно превратную психологию и, требуя для своей общины такого человѣка, который былъ бы свободенъ отъ всякаго эгоизма, ставятъ конечную цѣль общественнаго развитія его началомъ. Оба эти возраженія не нуждаются ни въ какомъ объясненіи и справедливы только относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ соціальныхъ школъ. Точно также упрекъ въ матеріализмѣ, который Сталь дѣлаетъ всѣмъ соціалистамъ, относится только къ тѣмъ теоріямъ соціалистовъ, которыя образовались по ту сторону Рейна.

Поэтому мы ограничимся здѣсь только слѣдующими тремя положеніямцъ:

1) мы покажемъ, что всѣ организаціонные планы соціалистовъ неисполнимы;

2) что если бы даже они и могли быть приведены въ исполненіе, то не только не искоренили бы общественныхъ недуговъ, отъ которыхъ они должны освободить человѣчество, но еще болѣе увеличили бы ихъ, и что, наконецъ, они

3) сокрушили бы всю цивилизацію человѣчества.

§ 49.

Продолженіе.

а) всѣ организаціонные планы соціалистовъ неисполнимы.

Неисполнимость всѣхъ соціально-экономическихъ плановъ вытекаетъ уже изъ ихъ совокупнаго стремленія замкнуть въ одну безусловную общинную форму всѣ современные народы, не обращая никакого вниманія на безконечное различіе ихъ представленій и понятій, ихъ нравовъ и обычаевъ, ихъ образованности и исторіи, не обращая никакого вниманія на количественное и качественное различіе въ силахъ природы, труда и капитала, и на проистекающее отсюда различіе въ самыхъ общественныхъ способностяхъ. Соціалисты не хотятъ знать ни народностей, ни различныхъ степеней образованности народовъ. Они предполагаютъ вездѣ одинакія условія природы и одинакія способности народовъ, одинакія стихіи и средства цивилизаціи, а потому они не только стоятъ на той же точкѣ зрѣнія космополитизма, съ которой Руссо и А. Смитъ строили свои политическія и экономическія теоріи, но въ своей бесплодной борьбѣ противъ природы идутъ гораздо далѣе; потому что въ своемъ соціальномъ планѣ они не выставляютъ одной общей формы для всѣхъ отношеній человѣческой жизни, но хотятъ напередъ обозначить въ немъ всѣ движенія, дѣятельности и отношенія отдѣльныхъ лицъ и утвердить ихъ на одномъ непреложномъ началѣ.

При этомъ они не имѣютъ понятія ни объ историческомъ развитіи, ни объ естественномъ возрастаніи общественныхъ формъ. Они отказываются отъ исторіи и хотятъ превратить богатую, свободную и многообразную жизнь человѣчества въ мертвый, одноформенный механизмъ. Они относятся къ существующему порядку такъ, какъ будто сейчасъ только произошли на свѣтъ первые люди, для которыхъ надо еще изобрѣсть первую форму общежитія. Они хотятъ какъ бы магическимъ жезломъ вызвать къ жизни свой воображаемый міръ, а не видятъ того, что каждая новая фаза развитія, которую проходитъ человѣчество въ своей исторіи, можетъ вырасти только изъ прежнихъ данныхъ стихій и должна извлекать свою пищу изъ соковъ данной почвы. Даже такіе социалисты, которые, какъ Луи-Бланъ, хотятъ перекинуть мостъ отъ настоящаго къ будущему, — что дѣлаютъ они, какъ не предлагаютъ средства, которыми можно было бы остановить біеніе жизненнаго пульса въ обществѣ, дабы потомъ какою нибудь внѣшнею силою принудить по одиночкѣ всѣ мертвые члены этого бездушнаго тѣла къ равномерному механическому движенію?

Но предположимъ даже, что на свѣтѣ не существуетъ этого естественнаго и необходимаго разнообразія въ человѣческой образованности и въ общественныхъ способностяхъ, или что въ какомъ нибудь уголкѣ земнаго шара было бы возведено такое механическое искусственное зданіе; то и тогда всѣ эти планы общиннаго хозяйства, и даже тѣ изъ нихъ, которые должны возникнуть еще въ будущемъ, содержали бы сами въ себѣ причины своей неприложимости; ибо каждое общинное хозяйство, исключаящее всякое частное хозяйство, все равно сохранятся ли въ немъ частная собственность и деньги, или нѣтъ, будетъ ли оно имѣть своею цѣлью лишь одно общее пріобрѣтеніе богатства, или

также и общее пользованіе имъ, во всякомъ случаѣ нуждается въ такомъ законѣ, который опредѣлялъ бы какъ отношенія личныхъ услугъ и наслажденій къ цѣлой общинѣ, такъ и взаимное отношеніе ихъ между собою, и въ такой силѣ, которая постоянно поддерживала бы этотъ законъ. Но ни то, ни другое невозможно.

Такой законъ невозможенъ, ибо сумма всѣхъ услугъ должна быть равна по крайней мѣрѣ суммѣ всѣхъ наслажденій; слѣдовательно, онъ предполагаетъ знаніе совокупныхъ потребностей и услугъ всѣхъ членовъ общины. Однако и эти услуги можно узнать только изъ ихъ послѣдствій; а такъ какъ способности и потребности людей безпрестанно смѣняются, то никакъ нельзя напередъ предугадать и этихъ послѣдствій. Слѣдовательно, нельзя даже найти основанія для такого закона. Далѣе, такъ какъ вездѣ способности къ труду, таланты и потребности людей бываютъ различны, то всякій законъ распредѣленія и уравненія ихъ требуетъ напередъ одного безусловнаго мѣрила личныхъ услугъ и потребностей. Но такого мѣрила найти невозможно и невозможно именно по тому, что эти способности и потребности бываютъ индивидуальныя, то есть не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи безконечно разнообразны, и, слѣдовательно, не могутъ быть вычислены. Да если бы и возможно было найти такое мѣрило, то общинное хозяйство было бы совсѣмъ не нужно, потому что единственно только отсутствіе такого закона мѣшаетъ осуществленію совершенной справедливости въ отдѣльныхъ хозяйствахъ и вызвало планы общиннаго хозяйства. И такъ, общинное хозяйство предполагаетъ уже рѣшенную задачу, которую оно должно еще рѣшить (1).

(1) Соціалисты до сихъ поръ съ намѣреніемъ ни разу не брали на себя труда поискать этого уравнительнаго закона. Само собою разу-

Невозможно также найти такую силу, которая поддерживала бы всегда господство этого уравнительного закона. Такая сила необходимо должна нести сама въ себѣ ручательство въ томъ, что она всегда будетъ преобладать надъ всѣми другими противодѣйствующими ей силами; чтобы не подвергнуться опасности погибнуть, она должна быть сильнѣе всѣхъ взятыхъ вмѣстѣ членовъ общины, которыхъ должна подчинить закону общества. Эта сила можетъ существовать только внутри самого общества, то есть въ волѣ отдѣльныхъ лицъ; слѣдовательно, существованіе ея предполагаетъ, что всѣ отдѣльныя лица добровольно подавятъ въ себѣ свою индивидуальность и откажутся отъ своей личности; поэтому существованіе ея такъ сомнительно, что при непрерывной смѣнѣ лицъ, ихъ взглядовъ и проявленій ихъ воли, не можетъ быть и рѣчи о гарантіи для ея прочнаго существованія. Съ другой стороны, если вручить власть надъ общиною отдѣльнымъ лицамъ и основать диктатуру, то не только не будетъ никакого ручательства, что планы социалистовъ о преобразованіи общества ничего не выиграли отъ такихъ общихъ задачъ, какъ, на примѣръ: Каждому по его способностямъ и каждой способности по ея дѣйствіямъ, или: каждый долженъ трудиться по своимъ силамъ и пользуется предметами по своимъ потребностямъ. Точно также социалисты только обошли этотъ вопросъ, когда предоставили опредѣленіе цѣнности всѣхъ продуктовъ общиннымъ начальствамъ. Трудно понять, что разумѣли Фурье и его послѣдователи, предлагая такое распредѣленіе общиннаго дохода, по которому на долю труда приходилось бы $\frac{5}{12}$, на долю таланта $\frac{4}{12}$ и на долю капитала $\frac{3}{12}$. Здѣсь, какъ и вездѣ, слѣдовало бы опредѣлить количество таланта, употребляемаго на извѣстный трудъ и количество труда, отдѣльно отъ таланта. Если Прудонъ не поддавался этому увлеченію коммунистовъ, то по тому только, что хладнокровно вдумывался въ эту задачу. Будемъ надѣяться, что и лучшіе изъ его бывшихъ товарищей скоро послѣдуютъ его примѣру.

ства въ томъ, что всѣ члены общины подчинятся этой диктатурѣ, но и потребуются еще другая власть, которая наблюдала бы за первою, третья—за злоупотребленіями второй и т. д.

И такъ, всякое общинное хозяйство невозможно ни при какихъ обстоятельствахъ, и изъ самой природы этого хозяйства вытекаетъ тотъ справедливый фактъ, что всѣ попытки осуществить его въ отдѣльныхъ общинахъ имѣли успѣхъ только до тѣхъ поръ, пока всѣ члены общины были сдерживаемы вмѣстѣ одною особенно сильною и даровитою личностью.

§ 50.

Продолженіе.

б) если бы организаціонные планы социалистовъ и были приведены въ исполненіе, то они не уничтожили бы социальныхъ недуговъ, отъ которыхъ они должны освободить человѣчество, но еще болѣе усилили бы ихъ.

Если бы социалисты совершили даже невозможное и нашли бы удобоисполнимую форму для общиннаго хозяйства, то они все-таки не искоренили бы въ обществѣ бѣдствій, которыя, по ихъ мнѣнію, созданы будто бы частнымъ хозяйствомъ, но еще болѣе усилили бы ихъ. Это слѣдуетъ уже изъ самаго неравенства и разнообразія силъ, которыми природа надѣлила отдѣльныя страны на земной поверхности. Если положимъ, что повсюду возникли социально-экономическія общины, то все-таки ни одна изъ нихъ не можетъ же сама производить всѣ предметы и сама удовлетворять всѣ свои потребности. Одна община должна будетъ заниматься преимущественно земледѣліемъ, другая въ горныхъ мѣстностяхъ скотоводствомъ или винодѣліемъ, третья, лежащая при морѣ, судоходствомъ, четвертая—горнымъ промысломъ, и т. д., и между этими различными общинами будетъ существовать такое же раздѣленіе труда, какое нынѣ существуетъ, при господствѣ частнаго хозяйства, между частными

лицами. Слѣдовательно, если только соціалисты не хотятъ упорствовать въ безумномъ желаніи осуществить всемірную соціально-экономическую монархію, то вмѣсто частной собственности будетъ только общинная собственность, вмѣсто торговли частныхъ лицъ — торговля общинъ, вмѣсто денегъ, служащихъ орудіемъ обращенія между частными лицами, — новое орудіе обращенія между общинами, и тогда всѣ мнимыя слѣдствія частнаго хозяйства, — неравенство капиталовъ, соперничество, монополія, господство сильнаго надъ слабымъ, пауперизмъ и т. д., — точно также развились бы и между различными общинами. Мы увидимъ здѣсь такую же борьбу эгоистическихъ стремленій и общинъ въ области экономической, какую видѣли въ классической древности въ области политической.

Да и въ самыхъ общинахъ эгоизмъ не будетъ совершенно изгнанъ, а, напротивъ, онъ еще болѣе расширитъ свою область и поведетъ еще къ большимъ бѣдствіямъ.

Нынѣ, эгоизмъ, обращенный на пріобрѣтеніе частнаго богатства и на наслажденіе имъ, приноситъ вредъ только тогда, когда онъ приходитъ въ столкновеніе съ общественнымъ благосостояніемъ и когда личнымъ интересамъ онъ приноситъ въ жертву благо цѣлаго общества. Гдѣ нѣтъ этого столкновенія, тамъ эгоизмъ имѣетъ благотворное вліяніе на общество, ибо такъ какъ личное наслажденіе требуетъ личныхъ усилій, то эгоистическое влеченіе къ лѣности побѣждается эгоистическимъ стремленіемъ къ наслажденію. Эгоизмъ поощряетъ человѣка къ прилежанію и дѣятельности, развиваетъ личныя физическія и духовныя силы, пробуждаетъ въ отдѣльныхъ лицахъ стремленіе къ образованію и къ высшимъ духовнымъ наслажденіямъ, и такимъ образомъ способствуетъ развитію всего человѣчества. Этотъ-то неспоримый фактъ въ прошломъ столѣтіи ввелъ въ заблужденіе нравственную

философію и политическую экономію Англичанъ и заставилъ ихъ видѣть въ эгоизмъ источникъ общественнаго блага.

Въ общинномъ хозяйствѣ всѣ эти благотворныя дѣйствія эгоизма исчезаютъ. Эгоизмъ будетъ находиться въ постоянной борьбѣ съ общиною и содѣйствовать лишь одному разрушенію общественнаго благосостоянія; ибо здѣсь мѣра личнаго наслажденія не зависитъ уже непосредственно отъ личнаго труда, но отъ распредѣленія его, и, наоборотъ, личный трудъ теряетъ свое прямое отношеніе къ личному интересу и опредѣляется въ свою очередь также цѣлымъ обществомъ. Вслѣдствіе этого, эгоизмъ естественно будетъ стремиться къ тому, чтобы, по возможности, освободиться отъ назначеннаго каждому человѣку количества труда и, при распредѣленіи средствъ наслажденія, приобрѣсть себѣ ихъ наибольшую долю. Совокупный эгоизмъ всѣхъ членовъ общины будетъ стремиться къ тому, чтобы какъ можно болѣе уменьшить совокупный трудъ общества и какъ можно болѣе увеличить сумму личныхъ наслажденій, и такимъ образомъ, посредствомъ возрастающаго перевѣса потребленія надъ производствомъ, разрушить самое общество. Сверхъ того, трудъ и наслажденіе повторяются ежедневно у каждаго лица, а потому ежедневно будетъ возобновляться и борьба эгоизма съ общиною, и слѣдовательно возникнетъ множество новыхъ хитростей и обмановъ, направленныхъ къ тому, чтобы за наименьшія услуги пользоваться наибольшими выгодами. Между тѣмъ какъ нынѣ самолюбіе отдѣльныхъ лицъ болѣею частью содѣйствуетъ по крайней мѣрѣ развитію общества и заключаетъ въ себѣ стремленіе къ тому, чтобы содѣйствовать успѣхамъ человѣческаго рода, въ общинномъ хозяйствѣ это чувство будетъ дѣйствовать разрушительно и будетъ тѣснить общество назадъ къ экономическому и нравственному паденію. Это совершится

при всякой формѣ общиннаго хозяйства, то есть, будетъ ли община представлять совершенное равенство имущества и пользованія имъ, или допустить она къ себѣ и частную собственность и предоставить своимъ членамъ право произвольно располагать тѣмъ, что придется на ихъ долю изъ общаго производства. Если члены общины получаютъ свои предметы наслажденія не прямо изъ общиннаго имущества, то во всякомъ случаѣ они должны будутъ отъ общины получать средства для покупки этихъ предметовъ. Такимъ образомъ въ общинномъ хозяйствѣ рядомъ съ распредѣленіемъ труда всегда будетъ существовать и распредѣленіе дохода, при которомъ личное себялюбіе будетъ всегда имѣть разрушительное вліяніе на общество.

§ 51.

Продолженіе.

Вся цивилизація человѣчества вытекаетъ изъ индивидуальностей. Онѣ представляютъ невидимыя мастерскія духовнаго производства, источники, образующіе своими водами общій потокъ цивилизаціи. Безъ нихъ для отдѣльнаго человѣка, какъ и для всего человѣческаго рода осталось бы одно безсознательное прозябаніе безъ развитія и образованія. Но общинное хозяйство, уничтожая личности, жертвуетъ воображаемому интересу всѣхъ интересами каждаго отдѣльнаго лица и тѣмъ сокрушаетъ способности къ цивилизаціи въ цѣломъ обществѣ, слѣдовательно сокрушаетъ всю образованность и даже самое общество.

Далѣе, каждая личность требуетъ для своего собственнаго развитія какого нибудь внѣшняго толчка; она требуетъ, какъ и тѣло, въ которомъ совершается ея развитіе, извѣстной духовной пищи, доставляемой ей извнѣ. Прежде всего каждая личность есть продуктъ взаимодѣйствія между

духовнымъ я каждаго человѣка и внѣшними условіями, въ которыя поставила ее исторія. Чѣмъ тѣснѣе и однообразнѣе среда, въ которой развивается человѣкъ, чѣмъ проще и мелочнѣе отношенія, изъ которыхъ беретъ онъ свои представленія и понятія, тѣмъ ограниченнѣе кругъ его зрѣнія и образованія. Разнообразіе жизненныхъ условій, личныхъ дѣятельностей, стремленій и столкновений есть школа для воспитанія отдѣльныхъ личностей, въ которой пробуждаются и упражняются ихъ духовныя силы. Соціальное хозяйство уничтожаетъ эту школу человѣческаго духа и на мѣсто ея ставитъ механическое однообразіе, гдѣ гибнутъ творческія дарованія личностей, засыхаютъ всѣ растительныя силы, которыя однѣ оплодотворяютъ почву общественнаго развитія.

Наконецъ, вся образованность человѣческаго общества выражается только въ разнообразіи личныхъ воззрѣній на жизнь, убѣжденій и поступковъ. Отдѣльные характеры съ ихъ бесконечно разнообразными способностями, съ ихъ духовными приобрѣтеніями, суть носители и органы образованности, взаимно дополняющіе другъ друга. Ихъ можно сравнить съ отдѣльными тонами, изъ которыхъ слагается гармонія духовной жизни народа, а общинное хозяйство производитъ духовную монотонность. Подъ его владычествомъ, во всѣхъ личностяхъ отражается одинъ и тотъ же мертвый механизмъ; индивидуальная печать духовнаго человѣка исчезаетъ, и на всѣхъ повторяется все одинъ и тотъ же типъ. Поэтому, соціальное хозяйство есть могила человѣческой цивилизаціи, и проповѣдники его напрасно селятся искусственно повернуть богатый потокъ цивилизаціи, образовавшійся изъ безчисленныхъ, малыхъ источниковъ на самыхъ различныхъ высотахъ и равнинахъ, въ бесплодную песчаную пустыню, въ которой онъ мало по малу изсякнетъ.

Все изложенное нами достаточно доказываетъ, что соціально-экономическія теоріи (1) наименѣ способны положить основаніе тѣмъ общественнымъ реформамъ, въ которыхъ нуждается современное общество. Въ основаніи ихъ лежитъ совершенно превратное пониманіе жизни и ея условій. Хотя онѣ выходятъ изъ того положенія, что страданіе и пауперизмъ возстаютъ нынѣ все ужаснѣе и ужаснѣе и происходятъ вездѣ изъ однѣхъ и тѣхъ же всеобщихъ причинъ, однако всякій безпристрастный человѣкъ можетъ убѣдиться изъ основательнаго изученія исторіи и жизни, что такое же, если еще не большее, страданіе существовало всегда и вездѣ. Дѣло въ томъ, что тогда общество еще не развилось до его сознанія, и что современный пауперизмъ, хотя часто и одинаковъ въ своихъ симптомахъ и по самому сходству условій европейской образованности представляетъ много сходнаго, однако выросъ изъ различныхъ мѣстныхъ и національныхъ причинъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ начертать какой нибудь новый

(1) Во всякомъ случаѣ изъ нихъ надо исключить организаціонные планы, содержащіеся въ сочиненіи: Ниспроверженіе и Возсозданіе (см. § 32), потому что авторъ его хочетъ не столько замѣнить частное хозяйство общиннымъ, сколько привести частныя хозяйства въ болѣе тѣсную взаимную-связь. По крайней мѣрѣ мы ничего не найдемъ возразить противъ этихъ плановъ, если только будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на отдѣльныя предложенія, вводимыя при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ. Въ головѣ же автора, который отправляется отъ такихъ же превратныхъ воззрѣній на современное общество, отъ какихъ отправлялся Фурье, и который хочетъ вездѣ одинаково пересоздать всю промышленность, эти планы страдаютъ тѣмъ, что построены чисто а priori, какъ и всѣ соціально-экономическія теоріи. Какіе бы вышли странные результаты, если бы, напримѣръ, мы стали лѣчить пауперизмъ Восточной Пруссіи средствами, предложенными въ такомъ сочиненіи.

соціальный планъ; для этого не нужно никакого изученія исторій и человѣческихъ обществъ и вообще не нужно никакихъ знаній. Но отъ этого ничего не выигрываетъ человечество въ улучшеніи своего положенія.

Кто берется за разрѣшеніе современныхъ соціальныхъ вопросовъ, тотъ долженъ прямо и безо всякихъ предубѣжденій изучить напередъ всѣ состоянія отдѣльныхъ народовъ и ихъ историческое развитіе, раскрыть разнообразныя причины пауперизма и всѣ необходимыя реформы вывести изъ дѣйствительно существующихъ потребностей, а не отвергать неизвѣданный міръ дѣйствительности и не вдаваться въ пустыя мечтанія.

§ 52.

Заслуги соціальныхъ теорій хозяйства.

Не смотря на свою несостоятельность, соціальныя теоріи хозяйства оказали неоспоримую услугу какъ экономической наукѣ, такъ и дѣйствительной жизни.

Они успѣли въ своей полемикѣ доказать несостоятельность началъ, на которыхъ основано Смитово ученіе, а въ особенности весь вредъ отъ обоготворенія личнаго эгоизма, изъ котораго будто бы само собою вырастаетъ общественное благоденствіе. Соціалисты указали на необходимость нравственныхъ связей, которыми каждый человѣкъ связуется съ обществомъ; они доказали, что хозяйственныя отправленія цѣлаго общества и cadaго отдѣльнаго человѣка, равно какъ и всѣ другія отправленія, требуютъ нравственной основы, и что наука не должна упускать изъ виду высшихъ цѣлей человѣческаго общества. Однимъ словомъ, они заставили политико-экономовъ признать, что наука ихъ не есть естественное ученіе человѣческаго эгоизма, но должна быть наукою нравственною.

Въ практической жизни соціалисты утвердили убѣжденіе въ томъ, что право владѣнія, какъ и происхожденіе, не даютъ привилегіи на наслажденія жизнью и на образованіе; но что владѣльческіе классы, которымъ счастье, талантъ и богатство доставили бѣольшую силу и болѣе вліятельное положеніе, суть только управители довѣреннаго имъ обществомъ имѣнія, и что вмѣстѣ съ правомъ собственности они приняли на себя обязанность энергически содѣйствовать возвышенію неимущихъ классовъ на болѣе высокую степень цивилизаціи.

Это двоякое вліяніе имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что вредный принципъ Смитовой теоріи былъ возвѣщенъ именно въ такое время, когда денежное хозяйство достигло окончательнаго господства и, въ силу лежащей въ самой природѣ его подвижности всѣхъ жизненныхъ отношеній, дало человѣческому эгоизму полную свободу расширять свое вліяніе. Это вліяніе имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что самъ А. Смитъ сдѣлалъ большую ошибку, признавъ денежное хозяйство не просто переходнымъ періодомъ экономического развитія, а постоянною и безусловно истинною формою народнаго хозяйства.

Въ естественномъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ люди были тѣсно связаны между собою хотя и внѣшнею, но крѣпкою связью. Владѣльцы земли, этого единственнаго народнаго богатства, со всѣмъ своимъ достояніемъ были крѣпко связаны съ работниками, которыхъ они вознаграждали произведеніями своей земли, или правомъ участія въ своемъ хозяйствѣ; а работники были связаны съ ними тою платою натурою, какую они получали отъ земли своихъ господъ. Единственнымъ вознагражденіемъ за всякую общественную службу ихъ для государства были только земля, да ея произведенія. Отсюда образовались крѣпкія отношенія, ко-

торья по большей части переходили отъ отца къ сыну, и каждый изъ нихъ вращался въ опредѣленной экономической средѣ. Въ то время господствовала во всемъ какая-то неповоротливость, въ которой вся общественная жизнь двигалась очень медленно. Ничтожная торговля, медленное скопленіе капитала, упорство въ однажды избранной отрасли промышленности и въ способѣ ея производства, медленное увеличеніе населенія и неподвижность всѣхъ жизненныхъ формъ, — вотъ характерическія признаки этого хозяйства, повторяющагося у всѣхъ народовъ въ первую эпоху ихъ экономического развитія. Хотя въ то время не было недостатка въ состязаніи отдѣльныхъ общественныхъ силъ и эгоистическихъ стремленій человѣка, хотя уже и въ то время суровый произволъ часто измѣнялъ владѣльческія отношенія, однако все-таки эгоизмъ могъ входить въ силу только съ тою медленностью, которая составляетъ особенность всего тогдашняго времени. Господство и рабство, богатство и бѣдность были столько же наследственны и неподвижны, какъ и всѣ другія жизненные отношенія.

Напротивъ, послѣ того какъ естественное хозяйство было вытѣснено денежнымъ, жизнь пошла гораздо быстрее. Между тѣмъ какъ въ естественномъ хозяйствѣ человѣкъ, его трудъ и мысли, подвижны по самой природѣ своей, оставались неподвижны и прикованы къ землѣ, денежное хозяйство не только разрѣшило эти узы и освободило работника отъ земли, доставлявшей ему скудное содержаніе, но даже увлекло въ потокъ денежнаго обращенія самый неподвижный отъ природы элементъ — землю. Обширныя помѣстья раздробились на мелкія части и стали переходить изъ рукъ въ руки. Барщина и всѣ крестьянскія тягости были уничтожены, натуральныя повинности замѣнены деньгами и вся собственность стала такъ же подвижна, какъ

и самъ человѣкъ. Отсюда началось господство раздѣленія труда въ обрабатывающей промышленности. Старинныя оконченныя цеховыя общества и гильдіи распались. Свобода промышленности дала каждой силѣ просторъ для развитія всей ея энергіи. Повсюду талантъ стремился занять такое мѣсто, на которомъ онъ могъ бы свободнѣе развиваться. На мѣсто прежнихъ степеней, основанныхъ на правѣ рожденія и на юридическомъ отношеніи къ землѣ, въ обществѣ выступила новая лѣстница степеней, утвердившаяся на различіи способностей. Капиталь и населеніе росли исполинскими шагами. Обмѣнъ мыслей и интересовъ окрился. Всѣ соціальные пульсы забились сильнѣе, и быстрое обращеніе, охватившее весь міръ матеріальныхъ цѣнностей, скоро стало господствовать и въ мірѣ идей.

Все это было естественнымъ и необходимымъ развитіемъ хозяйственной жизни европейскихъ народовъ, и надо быть совершенно слѣпымъ, чтобы вмѣстѣ съ А. Мюллеромъ и соціалистами не признавать за этимъ экономическимъ полетомъ неизмѣримаго благодѣянія. Но денежное хозяйство составляетъ только переходъ къ кредитному хозяйству, ко взаимному обмѣну произведеній человѣческаго труда, основанному на личномъ обѣщаніи, на честномъ словѣ, на довѣріи, на нравственныхъ качествахъ. При безусловной продолжительности своей, денежное хозяйство, въ свою очередь, начинаетъ вредить обществу: оно даетъ возможность личнымъ талантомъ употреблять эту подвижность жизни въ свою личную выгоду и во вредъ общественному благу и утверждаетъ господство денегъ и капитала, которое также тягостно, какъ прежде было господство земельной собственности.

Что въ естественномъ хозяйствѣ связывалось между собой внѣшними, чувственными узами и разрѣшено было де-

нежнымъ хозяйствомъ, то при кредитномъ хозяйствѣ опять скрѣпляется духовными и нравственными узами. Оно сообщаетъ личной дѣятельности и нравственному достоинству человѣка тѣ же свойства, какими въ денежномъ хозяйствѣ обладалъ капиталъ. При этомъ хозяйствѣ честный и способный работникъ можетъ не только забрать впередъ прибыль отъ своего труда, распредѣлить ее равномерно на хорошее и дурное время, но и можетъ, подобно капиталисту, пускаться въ большія предпріятія. При этомъ хозяйствѣ наибольшая подвижность соединяется съ внутреннею твердостію и вызываетъ новый экономическій порядокъ жизни, который соединяетъ въ себѣ выгоды обѣихъ прежнихъ формъ экономическаго развитія.

§ 53.

Продолженіе.

А. Смитъ былъ вполне увѣренъ въ томъ, что открылъ непреложный естественный законъ мѣны, и поэтому впалъ въ большую ошибку, принявъ денежное хозяйство своего времени за единственно вѣрную и постоянную форму народнаго хозяйства. Система его, съ ея основаніями и условіями безусловной свободы торговли и промышленности, безграничнаго соперничества и пр., представляетъ собою только послѣдствія началъ денежнаго хозяйства. Она преслѣдовала все, что встрѣчалось на пути свободнаго развитія мѣны, и не вѣдало, что денежное хозяйство имѣетъ только относительное достоинство и что оно могло служить только средствомъ для дальнѣйшаго успѣха экономическаго развитія и, принятое какъ нѣчто безусловное, сдѣлается столько

же вреднымъ, какъ и сохраненіе сокрушеннаго имъ естественнаго хозяйства (1).

Отсюда произошли многіе практическіе промахи въ управленіи средневѣковыми государствами. Средневѣковыя натуральныя повинности въ отношеніи государства и помѣщиковъ были переведены на деньги; но при этомъ позабыли завести кредитныя учрежденія, которыя ссужали бы крестьянъ-землевладѣльцевъ капиталами для выкупа и улучшенія ихъ земли. Уничтожили остатки прежняго цеховаго устройства и забыли издать законы, необходимые для образованія ремесленныхъ ассоціацій, и дать просторъ развитію рабочихъ и ремесленныхъ обществъ. Денежное хозяйство отдѣлило ручное прядильное и ткацкое мастерства отъ сельскаго хозяйства и поставило ихъ въ соперничество съ машинами; но при этомъ забыли, посредствомъ кредитныхъ учрежденій, дать этимъ ремесламъ возможность устроить самостоятельную фабричную жизнь. Повсюду вмѣстѣ съ Смитомъ провозгласили полнѣйшую ремесленную свободу, но лишили ее условій, безъ которыхъ эта свобода не можетъ имѣть благотворнаго вліянія. Мало того, такъ какъ въ большей части государствъ европейскаго материка противодействовали, съ политической точки зрѣнія, всѣмъ стремленіямъ къ ассоціаціи и каждое собраніе, каждое общество, каждое общественное предпріятіе ставили въ зависимость

(1) Мнѣ могутъ возразить, что А. Смитъ во второй книгѣ своего сочиненія подробно говоритъ о кредитѣ и банкахъ. Но всѣ эти разсужденія его относятся только къ обращенію денегъ. Онъ смотритъ на банки, только какъ на средство вызвать бѣольшую подвижность въ денежномъ хозяйствѣ, какъ на учрежденія чисто-торговныя, которыя служатъ въ пользу капиталистовъ, но не въ пользу неимущихъ рабочихъ классовъ.

отъ полицейской власти, отъ государственной опеки, то задавили всѣ дремавшіе въ народѣ зародыши ассоціацій и изъ свободы промышленности сдѣлали какую-то неволю промышленной обособленности.

Вслѣдствіе этого, сильно распространилось корыстолюбіе и частная торговая спекуляція, а свобода, которую денежное хозяйство сообщило естественному развитію всѣхъ общественныхъ силъ, тѣмъ болѣе была отдана въ жертву злоупотребленію, чѣмъ менѣе государственная жизнь на материкѣ была способна возбудить въ гражданахъ глубокій нравственный интересъ къ общественному благу и чѣмъ болѣе наука о народномъ хозяйствѣ какъ бы сама оправдывала это исключительное стремленіе къ личной выгодѣ. Капиталистъ, ради одной минутной выгоды, могъ покупать и продавать землю и лишать крестьянъ ихъ владѣній. Фабрикантъ могъ нѣкоторое время продавать свои товары дешевле ихъ настоящей цѣны для того только, чтобы подорвать своихъ соперниковъ и одному завладѣть цѣлымъ рынкомъ. Хлѣбный продавецъ могъ скупить произведенія земли и не пустить ихъ на рынокъ для того, чтобы произвести искусственную дороговизну. Однимъ словомъ, всякое безнравственное дѣло въ торговлѣ находило себѣ оправданіе въ началахъ науки, а если въ дѣйствительности весь этотъ порядокъ не достигъ еще тѣхъ размѣровъ и силы, какіе можно было ожидать при господствѣ такихъ началъ, если эти безнравственные злоупотребленія являлись только въ видѣ исключеній, и нравственное развитіе народовъ не отставало отъ развитія экономическаго, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе промышленныхъ и торговыхъ странахъ Европы; то это доказываетъ только, что нравственная сила народовъ гораздо могущественнѣе теоретическихъ началъ. Это доказываетъ также, что въ такой странѣ, какъ Великобританія, гдѣ государство

и вся общественная жизнь служить школою для нравственнаго воспитанія народа, ложныя теоретическія начала уничтожаются сами собой. А если эти безнравственные начала Смитова ученія сдѣлались нынѣ ясны, какъ день, и уже невозможны въ будущемъ, то этимъ мы обязаны соціальнымъ теоріямъ.

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Экономическая теорія Прудона.

§ 54.

Сочиненія Прудона.

Къ социалистамъ примыкаетъ Прудонъ, который однако въ важнѣйшихъ пунктахъ является самымъ рѣшительнымъ противникомъ ихъ; это — человекъ съ блестящимъ природнымъ дарованіемъ и искреннимъ стремленіемъ къ благу человечества. Воспитанный въ лагерѣ коммунистовъ, онъ обратилъ на себя еще въ 1840 г. всеобщее вниманіе сочиненіемъ о собственности. Послѣ того, онъ нѣсколько разъ въ литературѣ заявлялъ себя социалистомъ ⁽¹⁾ и въ прошломъ году изложилъ свой экономическій взглядъ въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Система экономическихъ противорѣчій или философія бѣдности“ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Послѣ выхода книги: *Qu'est-ce que la propriété*, издано было Прудономъ: *Lettre à M. Blanqui sur la propriété*. Paris, 1841. — *Avertissement aux propriétaires ou lettre à M. Considérant*. Paris, 1841. — *De la création de l'ordre dans l'humanité ou principes d'organisation politique*. Paris, 1843. Срав. жизнь Прудона и его творенія у Штейна и Грюна.

⁽²⁾ *Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère*. Paris, 1846, 2 тома. Нѣмец. Гордана, Лейпцигъ, 1847, и Грюна, Дармштадтъ, 1847.

Въ этомъ сочиненіи видѣнъ повсюду спокойный мыслитель, который стремится къ открытію истины и совершенно самостоятельно пролагаетъ путь къ рѣшенію этого вопроса. Но ему не достаетъ не только историческаго и статистическаго изученія, но и строго научнаго метода и точности мыслей. Подъ нерѣдко остроумною, но растянutoю и утомляющею формою его изображеній съ ихъ язвительными выходками, мѣшаются въ пестрой смѣси оригинальныя идеи съ самыми грубыми тривіальностями. Въ философскихъ разсужденіяхъ, которыя вплетены въ сочиненіе Прудона, и во многихъ попыткахъ автора изложить общія воззрѣнія на міръ часто видны многочисленныя слѣды недоконченнаго образованія.

Не смотря на этотъ недостатокъ, сочиненіе Прудона заслуживаетъ особеннаго вниманія, не только потому, что оно занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ ряду научныхъ направленій новѣйшаго времени, но и потому, что содержитъ въ себѣ такія подробности и взгляды, которые имѣютъ прочное значеніе для науки о народномъ хозяйствѣ.

§ 55.

Отношеніе Прудона къ другимъ системамъ политической экономіи.

Между тѣмъ какъ А. Смитъ въ исторіи нашей науки служитъ представителемъ литературы прозрѣнія прошлаго вѣка и можетъ назваться экономическимъ Кантомъ и между тѣмъ какъ А. Мюллеръ служитъ представителемъ эпохи возстановленія прошлаго и стоитъ въ связи съ философіею Шеллинга, — Прудонъ старается построить свое ученіе на

началахъ Гегелевой философіи. Въ дѣйствительной жизни, вмѣстѣ съ социалистами наведенный нищетою рабочихъ классовъ на размышленіе о переустройствѣ современнаго общества и соглашаясь съ ними въ отрицательномъ воззрѣніи на нынѣшнее состояніе его, Прудонъ однако отказывается совершенно отъ ихъ мечтаній: онъ отвергаетъ ихъ положительный идеаль, отвергаетъ всякое общинное хозяйство, а въ особенности тотъ лишенный всякой твердой почвы методъ, по которому социалисты хотятъ перестроить общество. Скорѣе онъ занимаетъ средину между господствующимъ ученіемъ Смитовой школы и призрачными представленіями коммунистовъ, а противоположность между этими обоими ученіями беретъ за исходную точку своей теоріи. Ученіе Смита, по его мнѣнію, есть только общественная теорія прошедшаго, а коммунизмъ — теорія будущаго. Основателей перваго ученія онъ упрекаетъ въ томъ, что они выдаютъ свои сырые неудовлетворительные начатки за науку, а коммунистовъ въ томъ, что они совсѣмъ отрѣшились отъ существующаго, и потому не имѣютъ никакой почвы подъ своими ногами. Самъ онъ создаетъ такую науку, которая содержитъ въ себѣ систематическое познаніе общества въ совокупности всей его жизни, со всѣми его слѣдующими одно за другимъ проявленіями, и которая не ограничивается исключительно однимъ прошедшимъ или исключительно только будущимъ человѣчества.

Считая, вмѣстѣ съ Гегелемъ, бытіе и мысль, дѣйствительную жизнь и науку понятіями тождественными, Прудонъ старается путемъ діалектики открыть въ экономическихъ состояніяхъ существующія противорѣчія и единство ихъ высшихъ понятій, а этотъ процессъ мышленія тождественный съ историческимъ развитіемъ человѣчества, считаетъ содержаніемъ истинной экономической науки,

которую объявляетъ метафизикой дѣла, то есть продолженіемъ творенія.

§ 56.

Прудонова теорія цѣнностей.

Прудонъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ открытія противорѣчій въ господствующемъ понятіи о цѣнности противорѣчій между полезностью и мѣнною цѣнностью (Nutzwerth и Tauschwerth).

Обѣ цѣнности, по его мнѣнію, выражаютъ собою понятія чисто-общественныя; потому что если бы всѣ предметы находились въ такомъ изобиліи, что отъ нихъ всегда оставался бы излишекъ, то мы считали бы ихъ полезностями, а никакъ не цѣнностями. Поэтому, и полезность и цѣнность тѣсно связаны между собою; полезность есть необходимое условіе мѣнновой цѣнности и, наоборотъ, мѣнновая цѣнность есть необходимое условіе общественной полезности.

Но обѣ эти цѣнности противорѣчатъ другъ другу, потому что усиленное производство полезностей уменьшаетъ, а уменьшенное производство полезностей возвышаетъ ихъ мѣнновую цѣнность, такъ что полезность и мѣнновая цѣнность находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Если всѣ прядильщики удвоятъ трудъ и вмѣсто, на примѣръ, 50 аршинъ каждый изъ нихъ нарядетъ 100 аршинъ, то и заработная плата не увеличится отъ этого вдвое, а произведенія ихъ труда будутъ стоить вдвое дешевле, потому что ихъ будетъ уже вдвое болѣе, чѣмъ прежде. Если въ неурожайные годы сельскій хозяинъ произведетъ хлѣба на половину менѣе, чѣмъ прежде, то мѣнновая цѣнность хлѣба подыметъ, хотя полезность его останется одна и та же. Слѣдовательно, не полезность и не сумма труда, потраченнаго на производство, и не болѣшая или мѣншая прибыль отъ издержекъ

производства, но единственно только рѣдкость предмета опредѣляетъ его мѣновую цѣнность.

Если прослѣдить до конца это противорѣчіе между утвердившимися понятіями о цѣнности, то выйдетъ, что самыя полезныя предметы, требующіе наибольшаго труда, будутъ, при достаточномъ изобиліи ихъ, самыми дешевыми и, наоборотъ, самыя рѣдкіе и совершенно безполезныя предметы будутъ самыя дорогими, или, другими словами, полезнѣйшій трудъ будетъ оплачиваться наименѣе, а безполезнѣйшій наиболѣе, и одна только практика не даетъ развиться этимъ крайностямъ.

Это противорѣчіе господствуетъ во всей исторіи хозяйства и составляетъ причину всѣхъ экономическихъ бѣдствій, торговой борьбы, застоевъ, гибели отъ соперничества, упадка заработной платы и всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ современное общество. Политико-экономы впали, съ своей стороны, въ жестокую ошибку, успокоившись на этомъ противорѣчьи и принявъ его за основаніе своей системы. Они сокрушили всякую надежду на избавленіе и преобразованіе, а взаимодействіе спроса и предложенія, склоняющихъ цѣны предметовъ то на ту, то на другую сторону, поставили всеобщимъ закономъ хозяйства, между тѣмъ какъ это есть только условленная форма, въ которой противопоставлены другъ другу полезность и мѣновая цѣнность предметовъ. Поэтому, социалисты были совершенно въ правѣ требовать прекращенія этого противорѣчія; но они сдѣлали, съ своей стороны, ту большую ошибку, что, не открывши источника этого противорѣчія, признали его только промахомъ человѣческаго разума, промахомъ, который можетъ быть устраненъ лишь радикальнымъ измѣненіемъ всѣхъ отношеній.

§ 57.

Продолженіе.

Прудонъ думаетъ устранить это противорѣчіе слѣдующимъ новымъ понятіемъ о цѣнности:

Общественное богатство представляетъ массу, которая посредствомъ химической силы будетъ всегда держаться вмѣстѣ и въ которую постоянно будутъ прибывать новыя стихіи, соединяющіяся съ цѣлою массою хотя и различнымъ образомъ, но всегда по одному и тому же закону. Движеніе, въ силу котораго совершается это соединеніе, сліяніе всѣхъ стихій, есть торговля. Сила, создающая эти стихіи и устанавливающая ихъ взаимное отношеніе къ общественному богатству, есть трудъ, который съ такимъ краснорѣчіемъ возвѣстилъ А. Смитъ; а самое отношеніе или мѣра, въ которой каждая изъ стихій прибываетъ для образованія цѣлаго, есть цѣнность.

По этому опредѣленію понятіе о цѣнности вообще содержитъ въ себѣ понятіе какъ о полезности, такъ и о мѣновой цѣнности, но то и другое въ болѣе совершенномъ видѣ. Полезность предмета проявляется въ твердой части цѣнности, въ постоянномъ отношеніи продукта ко всему богатству. На полезности основывается социальная цѣнность; безъ нея произведеніе перестало бы быть основой богатства. Напротивъ, мѣновая цѣнность содержится въ подвижной части цѣнности. Здѣсь отношеніе цѣнности къ богатству подвижно и измѣняется съ каждою минутою, въ которую прибываютъ къ богатству новыя стихіи, а поэтому измѣняется и самая цѣнность каждаго отдѣльнаго произведенія относительно всѣхъ другихъ произведеній.

Но въ этомъ понятіи о цѣнности полезность не есть простая способность служить предметомъ личныхъ наслаж-

деній, но представляетъ отношеніе къ суммѣ всѣхъ предметовъ; а измѣнчивость цѣнности не есть только случайный результатъ произвольно установившагося отношенія между спросомъ и предложеніемъ, но зависитъ отъ закона, отъ общаго начала. Всякій продуктъ въ нѣкоторой степени имѣетъ сходство съ пищею, которая, открытая чувствомъ голода, сначала переваривается пищеварительными органами и потомъ уже поступаетъ въ общую мастерскую организма, гдѣ преобразуется по опредѣленнымъ условіямъ и законамъ въ тѣло, кости и жизненные соки и пр., и такимъ образомъ сообщаетъ тѣлу жизнь, силу и красоту. Надъ измѣнчивостью цѣнностей господствуетъ неизмѣнный законъ, который уничтожаетъ противорѣчіе между полезностью и мѣною цѣнностью, и по которому всякое произведеніе становится тѣмъ необходимѣе, чѣмъ менѣе труда требуетъ его производство и поэтому чѣмъ незначительнѣе мѣра, въ которой онъ содѣйствуетъ образованію общаго богатства,—или, другими словами, развитіе общества и его богатства состоитъ въ прогрессивномъ уменьшеніи издержекъ производства и въ прогрессивномъ увеличеніи необходимости всѣхъ продуктовъ.

Общество начинаетъ свою борьбу съ скупостью природы съ того, что посредствомъ труда добываетъ самые необходимые предметы; а самые необходимые предметы суть именно тѣ, которые стоятъ наименьшаго труда. Потомъ, по мѣрѣ пониженія обыкновенной цѣны предметовъ, общество продолжаетъ производить такіа цѣнности, которыя требуютъ гораздо большаго труда и доставляютъ болѣе утонченныя и высокія наслажденія, но которые поэтому уже менѣе необходимы. Чѣмъ интензивнѣе и совершеннѣе будетъ трудъ человѣка, тѣмъ слабѣе будутъ

усилія для полученія прежде произведенныхъ предметовъ; такимъ образомъ цѣнность всѣхъ произведеній уменьшается вмѣстѣ съ количествомъ труда, требуемаго для ихъ производства, а необходимость въ нихъ растетъ вмѣстѣ съ ихъ дешевизною. Если какой нибудь предметъ, стоившій прежде 10 дней работы, производится нынѣ въ одинъ рабочій день, то цѣнность его падаетъ со 100 на 10, а необходимость въ немъ увеличивается вдесятеро. Слѣдовательно, противорѣчіе между полезностью и мѣрною цѣнностью представляется необходимымъ свойствомъ общественной цѣнности, которою и уничтожается это противорѣчіе.

Но это новое понятіе о цѣнности имѣетъ свои особенныя свойства, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ каждомъ изъ устраненныхъ имъ противорѣчій. Такъ какъ собственно одинъ только трудъ опредѣляетъ равномерность между стихіями богатства или общественную цѣнность и такъ какъ трудъ самъ по себѣ есть законъ, то онъ и служитъ единственно вѣрнымъ мѣриломъ цѣнности, а, слѣдовательно, и правильной заработной платы каждаго человѣка. Теорія соразмѣрности цѣнностей есть именно теорія равенства и справедливости.

По мнѣнію Прудона, экономисты ошибались, если искали общую мѣру цѣнности въ хлѣбѣ, въ деньгахъ или въ какомъ нибудь другомъ предметѣ, и изъ того, что мѣриломъ этимъ не можетъ быть ни тотъ, ни другой предметъ, заключили, что мѣры цѣнности, строго говоря, не существуетъ. Всѣ предметы, которые принимались за мѣру цѣнностей, если бы даже они были всегда постоянны, никогда не выражали бы отношенія каждаго предмета къ цѣлому, ни общественной цѣнности, ни закона, которому она подчинена. Они опредѣляютъ цѣнность столько же, сколько

термометръ опредѣляетъ теплоту. Какъ термометръ съ своимъ произвольнымъ дѣленіемъ на градусы показываетъ только прибыль или убыль теплоты, а не выражаетъ закона равновѣсія теплоты, такъ точно и деньги не выражаютъ закона, по которому устанавливается отношеніе произведеній къ общественному богатству. Подъ мѣриломъ цѣнности надо понимать только силу, которая выражаетъ правильное отношеніе и которая выводится изъ сравненія предметовъ между собою и съ цѣлымъ богатствомъ, а такая сила и есть собственно трудъ.

Все, что говорили противъ этой мѣры цѣнности съ точки зрѣнія Сэ и его школы, а именно: что трудъ равенъ всякому другому товару и также подлежитъ оцѣнкѣ, и что поэтому онъ не можетъ быть принятъ за начало цѣнности, — основано на заблужденіи, потому что здѣсь говорится о цѣнности труда, по отношенію къ другимъ цѣностямъ, которыя могутъ содержаться въ ней, а не говорится, что трудъ есть такой же товаръ, какъ и всѣ другіе. Цѣнность труда есть только иносказательное выраженіе, принятіе причины за ея дѣйствіе.

§ 58.

Отношеніе Прудоновой теоріи цѣнностей къ его политико-экономической системѣ.

Эта теорія цѣнности имѣетъ у Прудона совершенно другое отношеніе ко всей экономической наукѣ, чѣмъ у всѣхъ прежнихъ экономистовъ. Эта теорія даетъ содержаніе цѣлой системѣ. Она есть грамматика мѣны и вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ совокупному общественному развитію человѣчества; ибо такъ какъ стремленіе установить социальную цѣнность тождественно съ стремленіемъ къ равенству и справедливости, то осуществленіе этой цѣнности составляетъ условіе

всякаго соціальнаго блага и вмѣстѣ великую всеобщую цѣль человѣческаго рода.

Гдѣ цѣнность опредѣляется не этимъ синтетическимъ способомъ, тамъ господствуетъ вездѣ замѣшательство, недобросовѣстность въ мѣнѣ, хитрость противъ хитрости, застой въ производствѣ, въ обращеніи и потребленіи предметовъ, непроизводительный трудъ, нужда и роскошь, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе общества къ справедливости, постоянное тяготѣніе къ ассоціаціи и порядку. Вся политическая экономія есть ничто иное, какъ исторія этой великой борьбы. Съ одной стороны, освящая беспорядочность цѣнности и право эгоизма и стараясь увѣковѣчить ихъ, она представляется теоріею бѣдствія и несчастья; а съ другой стороны, изслѣдуя указанная цивилизаціей средства къ искорененію пауперизма, она служитъ введеніемъ къ организаціи общества, хотя эти средства постоянно и содѣйствовали исключительной выгодѣ монополіи. Она воспроизводитъ всѣ историческія ступени развитія всѣхъ тезовъ, антитезовъ и синтезовъ, посредствомъ которыхъ человѣчество дѣлало доселѣ неослабныя усилія разрѣшить великое противорѣчіе въ понятіи о цѣнности, или задачу о равномерности отношеній всѣхъ продуктовъ.

§ 59.

Ступени экономического развитія человѣчества. — Раздѣленіе труда. Машины. Соперничество. Монополія.

Выходя изъ такихъ основныхъ началъ, Прудонъ изображаетъ отдѣльныя ступени экомического развитія человѣчества и насчитываетъ десять такихъ ступеней.

Сначала страданіе было общимъ удѣломъ человѣчества. Всѣ люди были отрицательно равны между собой; трудъ, первый объявилъ войну такому положенію и устроился на первой ступени развитія посредствомъ раздѣленія.

Раздѣленіе труда усилило производство, умножило произведенія и побороло страданіе; но тутъ же оно впало въ противорѣчіе и потому само измѣнило собственной цѣли: трудъ сдѣлался механическимъ; работникъ отступилъ назадъ и сталъ лишь слугою собственника; изъ состоянія свободы онъ перешелъ въ состояніе скотской зависимости. Такимъ образомъ, въ то время, какъ трудъ, благодаря своему раздѣленію, шелъ впередъ, работникъ, вслѣдствіе того же раздѣленія, пятился назадъ.

Этому противорѣчію положили конецъ машины, уже на второй ступени развитія. Машины уменьшили трудъ работника, сняли съ него чисто-механическую работу и вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе уменьшенія издержекъ производства, сдѣлались могущественнымъ средствомъ къ возрастанію всеобщаго благоденствія. Но машины, въ свою очередь, заключаютъ въ себѣ новое противорѣчіе, потому что онѣ уничтожили множество услугъ работниковъ, ограничили ихъ производительную дѣятельность, освободили капиталъ отъ необходимости доставать себѣ работниковъ и сдѣлали ихъ рабами механической силы. Такимъ образомъ хотя машины сдѣлались новымъ источникомъ богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ сдѣлались также постоянною необходимою причиною страданія.

Этой борьбѣ между машинами и рабочими положило конецъ соперничество на третьей ступени. Соперничество освобождаетъ трудъ, дѣлаетъ каждого рабочаго независимую силу, даетъ ему возможность свободно пользоваться всѣми его способностями, ограничиваетъ господство капитала посредствомъ состязанія его съ другими капиталами и разоблачаетъ истинную цѣнность произведенія. Соперничество необходимо для полного развитія человѣческаго труда; оно даетъ полетъ человѣческому генію, дѣлаетъ каждого промышленника

отвѣтственнымъ за самого себя и обращаетъ на его же голову всѣ послѣдствія его безопасности, невѣжества и недобросовѣстности. Гдѣ нѣтъ соперничества, тамъ промышленность составляетъ монополію, которая живетъ насчетъ потребителей. Слѣдовательно, соперничество не только увеличиваетъ богатство, но и возвышаетъ достоинство и общественное положеніе работниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно неизбѣжно ведетъ къ деспотизму сильныхъ и къ угнетенію слабыхъ. Оно отнимаетъ у рабочаго класса хлѣбъ, извращаетъ всѣ понятія о соразмѣрности и справедливости, ставитъ случай на мѣсто права, производитъ то дороговизну, то страшную дешевизну произведеній, и въ своемъ конечномъ результатѣ, черезъ всѣ эти ничѣмъ не сдерживаемыя колебанія, ведетъ къ монополіи.

Монополія, которую порождаетъ соперничество постояннымъ отрицаніемъ самого себя, въ свою очередь, на четвертой ступени развитія также необходима для успѣха общества, какъ на предъидущихъ ступеняхъ были необходимы — раздѣленіе труда, машины и соперничество. Монополія составляетъ новое звѣно въ цѣпи двигателей труда и установителей цѣнности, потому что она составляетъ награду побѣдителя, могущественнѣйшій рычагъ всѣхъ совершенныхъ отъ начала міра успѣховъ. Монополія есть право, самую природою дарованное работнику, — безгранично располагать способностями, которыми онъ обладаетъ, орудіями производства, которыя онъ изобрѣлъ, капиталами, которые онъ сберегъ, для того, чтобы онъ одинъ могъ наслаждаться плодомъ своего изобрѣтенія и своей отваги. Безъ монополіи великіе изобрѣтатели, можетъ быть, унесли бы свои открытія съ собою въ могилу. Она составляетъ награду, которую общество платитъ каждому своему члену за пожертвованіе своимъ здоровьемъ и достояніемъ. Общество

можетъ допустить каждое нововведеніе, каждое открытіе только на страхъ одного лица; ибо если общество не можетъ усчитывать людей геніальныхъ, такъ какъ оно никогда не можетъ знать напередъ, что будетъ открыто въ каждую отдѣльную минуту, то оно рисковало бы своимъ существованіемъ, если бы захотѣло впередъ брать на себя ручательство за всякое новое открытіе. Слѣдовательно, оно можетъ награждать частную предприимчивость только тогда, когда предприниматель счастливо, на свой собственный страхъ, довелъ свое дѣло до конца; а эта награда именно и есть монополія, которой законность вытекаетъ изъ необходимой отвѣтственности, принимаемой на себя каждымъ изобрѣтателемъ передъ обществомъ.

Но монополія имѣетъ также свои пагубныя стороны. Она сбиваетъ заработную плату, расширяетъ свои завоеванія въ постоянно возрастающей прогрессіи, охватываетъ одну отрасль промышленности за другою, забираетъ въ свои руки землю, трудъ, орудія производства, произведенія и ихъ распредѣленіе; она дѣлаетъ оцѣнку предметовъ не по отношенію къ обществу и совокупности богатства, но по отношенію къ частной прибыли. По этому, цѣнность предметовъ, опредѣленію которой должна способствовать монополія, теряетъ по ея милости свой соціальный характеръ и становится неопредѣленнымъ, произвольнымъ, эгоистическимъ отношеніемъ.

§ 60.

Продолженіе. — Налоги и полиція.

Послѣ того какъ монополія лишила бѣднаго работника его достоянія, общество вступаетъ на пятую ступень развитія и при посредствѣ государства, открываетъ новую эпоху для установленія цѣнности. Государство оставляетъ

монополисту его монополію, но облагаетъ ее налогомъ для того, чтобы снова поднять упавшаго работника; оно получаетъ свою долю съ землевладѣльцевъ, съ фабрикантовъ, — вводитъ пошлины, чтобы обуздать монополію въ торговлѣ, — основываетъ школы, чтобы работникъ могъ получить образованіе и стать самъ капиталистомъ, — проводитъ дороги, каналы и строитъ мосты для всеобщаго употребленія, чтобы ограничить вредныя дѣйствія монополіи, — раздаетъ бѣднымъ милостыню и создаетъ цѣлое воинство чиновниковъ и правителей, которыхъ мѣста доступны пролетаріямъ, но должны оплачиваться монополистами.

Налогъ и полиція, посредствомъ которыхъ государство заботится о работникахъ, въ свою очередь точно также заключаютъ въ себѣ противорѣчіе и обращаются во вредъ пролетаріата. Каждый налогъ, налагаемый на монополію, падаетъ опять на рабочихъ. Если этотъ налогъ взимается пропорціонально имуществу, такъ что каждое имущество платитъ государству опредѣленные проценты, то бремя его возрастаетъ вмѣстѣ съ нуждою, и чѣмъ бѣднѣе гражданинъ, тѣмъ болѣе онъ платитъ государству. Такой именно налогъ, взимаемый соразмѣрно имуществу, увеличиваетъ наиболѣе неравенство гражданъ. Если же налогъ возрастаетъ прогрессивно, такъ что капиталистъ долженъ платить относительно гораздо болѣе, нежели работникъ, то этотъ налогъ можетъ падать или на оборотный капиталъ, или на продукты. Въ первомъ случаѣ капиталистъ разбиваетъ общую сумму платимаго имъ налога на издержки производства, и тогда, произведеніе, не смотря на возвышеніе продажной цѣны, или будетъ раскупаться потребителями, и слѣдовательно капиталистъ освободится отъ налога, или же, по дороговизнѣ своей, не будетъ раскуплено, и тогда затруднится са-

мое производство. Во второмъ случаѣ, весь налогъ выплачивается потребителемъ, смотря по количеству своего потребления, и капиталистъ все-таки останется свободнымъ отъ налога. Наконецъ, если хотятъ прибѣгнуть къ послѣднему средству и обложить чистый доходъ каждаго плательщика, не разбирая того, какъ этотъ доходъ получается, то налогъ будетъ отнимать у самыхъ дѣятельныхъ производителей всегда бѣольшую часть ихъ дохода и будетъ ослаблять или вовсе уничтожить производство, которое государство обязано поддерживать. Тогда для капиталистовъ въ большей части случаевъ будетъ гораздо выгоднѣе совсѣмъ отказаться отъ своего капитала и расходовать его, а не получать проценты. Помѣстья, отъ дохода которыхъ государство присвоиваетъ себѣ третью часть, упадутъ въ цѣнѣ на третью же часть ихъ стоимости. Большіе землевладѣльцы раздробятъ свои имѣнія на такіе малые участки, что доходъ съ нихъ не будетъ уже подлежать никакому налогу. Большіе капиталы подешевѣютъ, и повсюду водворятся посредственные состоянія. Всякое большое производство будетъ задержано, всякое значительное имущество подвергнется преслѣдованію, а обращеніе цѣнностей и рынокъ придутъ въ замѣшательство. Вытѣсненное богатство скроется, а трудъ будетъ лишенъ главнѣйшихъ условій развитія. Такимъ образомъ налогъ, конечной цѣлью котораго было возстановить работника въ его прежнихъ правахъ, будетъ простою протестаціей, вслѣдствіе которой положеніе работника еще болѣе ухудшится.

Сверхъ того, государство со всѣми своими органами, которые необходимы при существованіи налога и полиціи, само ничего не производитъ, и содержаніе его отнимаетъ у общества часть его доходовъ. Слѣдовательно, все, что было

учреждено прежде для охраненія и облегченія работника: войско, суды, школы, больницы и т. д., будутъ содержаться на счетъ работниковъ, и пролетаріатъ, работавшій прежде только на капиталистовъ, долженъ теперь работать еще и на указанные предметы.

§ 61.

Продолженіе.—Торговый балансъ. Кредитъ.

Обманувшись въ послѣдствіяхъ, какія полиція и налогъ внутри государства имѣютъ для уничтоженія пролетаріата, общество приходитъ, на шестой ступени своего развитія, къ тому, что ищетъ новыхъ обезпеченій уже внѣ своей области. Заграничная торговля должна усилить сбытъ, а слѣдовательно трудъ и заработную плату, и такимъ образомъ вознаградить работниковъ за платимые ими налоги. Но она порождаетъ двѣ противорѣчащія одна другой теоріи,—теорію безусловной свободы и теорію запрещенія.

Теорія безусловной свободы естественно вытекаетъ изъ свободы личности, ибо каждый членъ общества пользуется безграничнымъ правомъ запасаться по своему произволу всѣми необходимыми для потребленія предметами и давать произведеніямъ собственнаго труда такую цѣну, какую онъ пожелаетъ. Охранительный же тарифъ заставляеть каждого потребителя платить премію въ пользу внутренней промышленности и удовлетворять свои потребности дороже, а потому этотъ тарифъ есть нарушеніе частныхъ правъ каждого потребителя. Но свободный обмѣнъ произведеній есть также необходимое условіе для увеличенія совокупнаго богатства и благоденствія каждого отдѣльнаго народа. Въ немъ законъ раздѣленія труда примѣняется къ потребленію

произведеній. Какъ раздѣленіе труда служитъ сильною пружиною къ размноженію цѣнностей, такъ точно раздѣленіе потребленія, совершающееся съ помощью обмѣна товаровъ, служитъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ пользованію этими цѣнностями и къ увеличенію способовъ потребленія. Международная торговля есть только расширеніе начала соперничества. Подобно соперничеству, международная торговля доставляетъ каждому народу не только естественное обезпеченіе въ дешевизнѣ произведеній, но и защиту противъ внутренней монополіи. Запретительная система слишкомъ натягиваетъ внутреннее производство и въ то же время затрудняетъ потребленіе; на мѣсто состязанія съ иностранными производителями она ставитъ насильственные боробы внутренняго соперничества.

Но зато и свобода торговли, уничтожая всякія преграды взаимнаго сношенія и обмѣна, открываетъ самое широкое поле всякаго рода антагонизму. Она расширяетъ господство капитала, усиливаетъ вредныя послѣдствія соперничества и сообщаетъ всякому народному бѣдствію, всякой монополіи и денежной аристократіи космополитическій характеръ. Чѣмъ болѣе расширяется свобода торговли, тѣмъ болѣе народы, продающіе и перепродающіе, господствуютъ надъ народами покупающими. Защитники свободы торговли выходятъ изъ того ложнаго положенія, что золото и серебро суть такія же произведенія труда и такіе же товары, какъ и всѣ другіе предметы. Но деньги суть товаръ по преимуществу, который болѣе спрашиваютъ, нежели предлагаютъ, и который служитъ представителемъ всѣхъ полезныхъ предметовъ и капиталовъ. Кто владѣетъ товарами, тотъ не владѣетъ еще богатствомъ; для этого требуется еще одно условіе, — обмѣнъ, исполненный опасностей и подверженный безчисленнымъ колебаніямъ и всякаго рода

случайностямъ. А кто владѣеть деньгами, тотъ владѣеть и богатствомъ, потому что тотъ владѣеть цѣнностью, на которую, на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, онъ можетъ приобрѣсти всѣ другія цѣнности, — потому что кто владѣеть деньгами, тотъ — господинъ на рынкѣ. Цѣнность денегъ колеблется только въ количественномъ отношеніи, но не въ качественномъ, какъ всѣ другіе товары; деньги — единственный товаръ, который вездѣ имѣетъ цѣну и принимается при всѣхъ платежахъ. Страна, которая постоянно ввозитъ къ себѣ болѣе товаровъ, нежели вывозитъ, постоянно терпитъ убытокъ. Вывозимыя ею деньги, хотя опять и возвращаются назадъ, однако только въ уплату за какое нибудь новое произведеніе туземной промышленности, и всегда все съ большими и большими потерями національнаго богатства, и этотъ процессъ продолжается до тѣхъ поръ, пока изъ страны, покупающей иностранные товары, не будутъ высосаны послѣдніе соки и пока она сама не пойдетъ въ закладъ къ другому государству, — до тѣхъ поръ, пока вывезенный народный капиталъ не поработитъ и тѣхъ, которые до того времени были владѣльцами этого капитала, — наконецъ, до тѣхъ поръ, пока работники, оставшись безъ работы и хлѣба, не переселятся за границу и оттуда не будутъ все болѣе и болѣе содѣйствовать гибели своего отечества. Свобода торговли, способствуя развитію благосостоянія народовъ, въ то же время уничтожаетъ національность, усиливаетъ господство монополистовъ, основываетъ въ торговлѣ феодальную зависимость и иноземное господство и распространяетъ пауперизмъ. Свобода торговли есть какъ бы исполинская мортира, которая на каждомъ пунктѣ земнаго шара разбиваетъ въ дребезги мелкія промышленности и тѣмъ самымъ способ-

ствуесть грабительству свободной монополіи и увеличиваетъ страданія рабочаго класса.

Это противорѣчіе между свободою торговли и покровительствомъ труда разрѣшается торговымъ балансомъ. Совокупныя національности—тоже, что независимыя лица, которыя, обрабатывая отдѣльные участки различнаго достоинства, составляютъ изъ себя большое общество для совокупнаго воздѣлыванія земли, общество, котораго каждый членъ пользуется нераздѣльнымъ правомъ собственности на совокупную поверхность земли. Итакъ, если одна страна приноситъ сырыми продуктами 100, а другая 80 за 50 труда, то при обмѣнѣ произведеній первая должна вознаграждать вторую 10-ю процентами своей жатвы, то есть при вывозѣ и ввозѣ всѣ товары должны быть обмѣниваемы, смотря по цѣнности ихъ труда и производства, и общественная экономія должна стремиться къ тому, чтобы осуществить въ международной торговлѣ эту истинную цѣнность и такимъ образомъ постоянно поддерживать экономическое равновѣсіе между всѣми народами. Съ этой точки зрѣнія дифференціальныя пошлины или торговый балансъ есть синтетическое выраженіе свободы и монополіи; устраняя невыгоды той и другой, они не только создаютъ совокупныя выгоды ихъ, но и производятъ еще то, чего не можетъ произвести ни та, ни другая, взятая порознь, потому что при существованіи торговой взаимности всѣ трудящіеся народы, въ какихъ бы поясахъ земнаго шара они не жили, всѣ одинаково пользуются дарами природы и своимъ благоденствіемъ удваиваютъ свои производительныя силы. Если бы осуществилась соразмѣрность цѣнностей внутри каждой страны и такимъ образомъ водворился истинный общественный порядокъ, то уже не зачѣмъ было бы уравнивать цѣнности товаровъ на границѣ, во время ввоза ихъ

въ страну. Это уравненіе совершалось бы тогда само собою въ отдѣльныхъ мастерскихъ, и солидарность народовъ естественно развивалась бы изъ фактической солидарности отдѣльныхъ производителей.

Послѣ того какъ, вслѣдствіе внѣшней торговли, положеніе работниковъ снова ухудшилось, потому что монополисты возстали противъ нихъ на всѣхъ концахъ земнаго шара, — общество на седьмой ступени возвращается къ внутренней торговлѣ и старается найти въ кредитѣ. необходимое обезпеченіе мѣны.

Такъ какъ деньги служатъ въ обществѣ средствомъ для продажи продуктовъ и для взаимнаго обмѣна предметовъ одинаковой цѣнности, и такъ какъ кредитъ даетъ возможность пользоваться этимъ свойствомъ денегъ въ большомъ размѣрѣ и облегчаетъ производителямъ продажу ихъ продуктовъ и сбытъ товаровъ внутри государства, то, слѣдовательно, онъ поддерживаетъ трудъ и даетъ въ руки работника то же оружіе, какое употребляли противъ него монополисты.

Но кредитъ, въ свою очередь, выражается въ двойкаго рода учрежденіяхъ, которыя противорѣчатъ другъ другу. Къ первому разряду учрежденій принадлежатъ векселя, депозитные банки и ссуды подъ залоги, или ипотеки; а ко второму разряду — оборотные учетные банки и въ особенности всѣ учрежденія для бумажныхъ денегъ. Первыя учрежденія имѣютъ своею цѣлью умножить въ обращеніи количество монеты, облегчить ея употребленіе; другія же, напротивъ, имѣютъ цѣлью совершенно устранить употребленіе монеты. Съ помощью векселя челоуѣкъ, владѣя деньгами въ Петербургѣ, можетъ свободно располагать ими въ Парижѣ. Депозитные банки спасаютъ монету отъ порчи и поддѣлки и облегчаютъ ея обращеніе. Ссудами подъ залоги, или ипотеками,

имущество землевладѣльцевъ и капиталистовъ можетъ быть въ каждую данную минуту, при первой надобности, обращено въ деньги. Однимъ словомъ, кредитныя учрежденія перваго рода только устраняютъ несовершенство монеты, какъ орудія обращенія. Напротивъ того, оборотный банкъ учитываетъ купеческіе векселя, уплачиваемые въ опредѣленные сроки, и въ свою очередь выдаетъ вексель на себя, т. е. выдаетъ билеты, которые купецъ принимаетъ какъ настоящую монету, хотя эти билеты, какъ и всякіе векселя, представляютъ одно только обѣщаніе уплаты. Между тѣмъ какъ депозитный банкъ только принимаетъ отъ кунца наличныя деньги, снабжая его за это орудіемъ обращенія въ размѣръ ввѣренной ему суммы,—оборотный банкъ выдаетъ отъ себя билеты, обезпеченные хранящимся фондомъ, и дѣлаетъ монету ненужною. Сверхъ того, этотъ банкъ можетъ увеличивать по произволу сумму выпускаемыхъ имъ билетовъ, если только онъ соразмѣряетъ свой текущій доходъ съ вѣроятною суммою, которую могутъ потребовать у него по учету билетовъ. Подобно банку, и всякій промышленный предприниматель, всякій купецъ можетъ дать на себя вексель и даже при посредствѣ какого нибудь довѣреннаго лица на подряды, которыхъ онъ никогда не дѣлалъ, и на товары, которыхъ онъ не имѣетъ, и государство, благодаря этому механизму, можетъ ворочать многими милліардами и не производить ни на одну копѣйку. Уже давно сознавалось это противорѣчіе, но отстранить его старались только тѣмъ, что думали согласить обѣ эти крайности. Такъ, положено было, чтобы каждый банкъ не выпускалъ своихъ билетовъ свѣше $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ противъ металлическаго фонда. Настоящее же разрѣшеніе этого противорѣчія открылъ прежде всѣхъ Цѣшковскій, который изъ обоихъ орудій кредита — изъ монеты, которая представляетъ вполнѣ совершенный залогъ, но несовершенный кредитный

знакъ, и изъ банковаго билета, который ничтоженъ какъ залогъ, но важенъ какъ кредитный знакъ, составилъ такое орудіе обращенія, которое въ одно и то же время соединяетъ въ себѣ совершенство монеты, какъ залога, и совершенство банковаго билета, какъ кредитнаго знака, и сверхъ того производительно, какъ земля и капиталъ. Цѣшковскій предлагаетъ оцѣнить всѣ движимыя и недвижимыя имущества народа, какъ количество капиталовъ, такъ и доходовъ съ нихъ, и свидѣтельства на отдѣльныя имущества превратить въ билеты, которые обращались бы какъ кредитные знаки и принимались въ уплату налоговъ и при всякихъ другихъ платежахъ. Эти билеты составляли бы такой же вещественный капиталъ, какъ и благородные металлы, были бы самымъ совершеннымъ и удобнымъ кредитнымъ знакомъ и въ то же время были бы производительны, потому что они представляли бы собою производительную собственность.

Но такое рѣшеніе задачи не устраняетъ тягостей рабочаго класса, потому что такой кредитъ потребуетъ вездѣ залоговъ и будетъ доступенъ только тому, кто обладаетъ какою нибудь вещественною собственностью. Слѣдовательно, онъ не уничтожаетъ нищеты, а увеличиваетъ только капиталъ богачей.

§ 62.

Продолженіе. — Собственность. Община

И такъ, международная торговля и кредитъ не уничтожили антагонизма, но только усилили его еще болѣе, а потому на восьмой ступени общественнаго развитія является собственность, которая есть ничто иное, какъ особаго рода монополія. Сама по себѣ монополія не зависитъ ни отъ какой промышленности, ни отъ какихъ орудій труда,

ни отъ какой прочной осѣдлости, и люди дорожатъ ею только потому, что она выгодна. Но вслѣдствіе этой самой неопредѣленности она ненадежна и подвержена всѣмъ случайностямъ соперничества; только превратившись въ собственность, она упрочивается, тѣсно связывается съ землею, можетъ переходить отъ одного лица къ другому и распространяется на семейство. Ненадежное притязаніе превращается тогда въ постоянное право, а то, что прежде служило только средствомъ къ пріобрѣтенію, становится уже его цѣлью. Но, превратившись въ собственность, монополія представляетъ новое противорѣчіе: подобно всѣмъ предыдущимъ моментамъ экономическаго развитія, она способствуетъ одинаково какъ благосостоянію страны, такъ и увеличенію страданія рабочаго класса. Она создаетъ болѣе постоянную и нравственную привязанность монополиста-собственника къ его промышленности, умѣряетъ въ немъ жажду пріобрѣтенія, пробуждаетъ привязанность къ мѣсту рожденія и какое-то благоговѣніе предъ наслѣдственнымъ имуществомъ и отечествомъ, соединяющимъ всѣ поколѣнія, охраняющимъ и защищающимъ самага послѣдняго рабочаго; наконецъ, она дѣлаетъ собственниковъ покровителями и патріархами пролетаріевъ. Собственность тѣсно связываетъ человѣка съ природою, удваиваетъ силу его личности. Какъ любовь растетъ и усиливается тѣмъ быстрѣй, чѣмъ болѣе она увѣрена въ обладаніи своимъ предметомъ и чѣмъ болѣе она высказывается, такъ точно и собственность дополняетъ человѣческое существо и сообщаетъ ему болѣе силы и достоинства. Наконецъ, собственность получаетъ свой глубочайшій смыслъ въ бракѣ, въ семействѣ и въ домашнемъ хозяйствѣ; въ бракѣ она осуществляетъ экономическій дуализмъ, который природа вложила въ различныя способности обоихъ половъ, назначивъ

мужу быть руководителемъ производства, а жену—руководительницею потребленія и сбереженія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ собственность подрываетъ общество, потому что она есть право—пользоваться и злоупотреблять. Собственникъ есть полный господинъ своего имущества и не только можетъ заблуждаться при пользованіи имъ, не принимая на себя никакой отвѣтственности въ своемъ заблужденіи, но и руководствуется только личнымъ интересомъ, который противорѣчитъ цѣли и благу общества. Хотя договоръ собственности, заключенный между обществомъ и отдѣльнымъ человѣкомъ, и налагаетъ на послѣдняго извѣстныя обязанности относительно его согражданъ, однако собственникъ совершенно воленъ исполнять или не исполнять этихъ обязанностей. Никто, напримѣръ, не сомнѣвается въ томъ, что дробленіе земли вредно для общества, и что совокупная обработка земли въ большихъ размѣрахъ выгодна для усиленія земледѣльческой производительности; а между тѣмъ собственники несогласны съ этимъ и никто не имѣетъ права заставить ихъ согласиться на чтонибудь противное ихъ желанію, если бы даже своимъ эгоизмомъ они препятствовали благосостоянію общества и улучшенію положенія рабочихъ классовъ. Но такъ какъ, сверхъ того, собственность, вслѣдствіе соперничества, монополіи и кредита, все болѣе и болѣе расширяетъ свои предѣлы, становится властелиномъ надъ всѣми орудіями труда и цѣлымъ рынкомъ и такъ какъ своими злоупотребленіями она дѣлаетъ ущербъ потребителямъ, а владѣльцамъ своимъ предоставляетъ право оставаться непроизводительными потребителями,—то она все далѣе и далѣе оттѣсняетъ назадъ работниковъ, утѣшая ихъ надеждою, что когданибудь счастливый случай или бережливость сдѣлаетъ и ихъ такъ же собственниками, и что розги, которыми наказывали ихъ, они обратятъ когда

нибудь противъ другихъ. Собственникъ, по самому своему характеру, есть врагъ общественнаго блага и перестаетъ быть этимъ врагомъ только тогда, когда лишается своей собственности. Итакъ, собственность, которая въ началѣ служила необходимымъ и нравственнымъ рычагомъ экономическаго прогресса, становится вредною для общества и безнравственною и усиливаетъ зло пролетаріата.

Какъ частная собственность есть монополія на второй степени своего развитія, такъ община есть преувеличенное государство, усиленная полиція. Государство на пятой ступени общественнаго развитія противодѣйствовало монополіи, на девятой же ступени коммунизмъ противодѣйствуетъ частной собственности и, подобно всѣмъ предъидущимъ категоріямъ, заключаетъ въ себѣ такое же противорѣчіе, но только другимъ образомъ.

Община есть необходимая пружина экономическаго прогресса и въ исторіи народовъ проявляется въ безчисленныхъ формахъ. Обширныя работы производятся общими силами; пользованіе дорогами, площадями, библіотеками и учебными заведеніями составляютъ также общее достояніе; бракъ есть таже община. Но она примѣнима вездѣ только до известной степени и можетъ существовать только рядомъ съ личностью и съ частнымъ хозяйствомъ. Бракъ основанъ на различіи половъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ время труда, отдохновенія и ученія принадлежитъ всѣмъ, а трудъ принадлежитъ отдѣльному лицу, и вся задача воспитанія состоитъ именно въ томъ, чтобы пробудить эгоизмъ генія. Община никогда не можетъ сдѣлаться образовательнымъ началомъ общества; она необходима только относительно и при исключительномъ господствѣ дѣйствуетъ разрушительно. Ложность коммунизма открывается изъ слѣдующихъ положеній:

а) Коммунизмъ принимаетъ за начало общиннаго устройства его конецъ, потому что онъ хочетъ основать общество на братствѣ мысли и духа, а это братство можетъ быть только результатомъ примиренія всѣхъ частныхъ интересовъ въ обществѣ и плодомъ общественнаго развитія.

б) Общинное устройство несовмѣстно съ семействомъ, этимъ первообразомъ общины, потому что семейство, основываясь на взаимной любви ея членовъ, предполагаетъ разнообразіе личныхъ характеровъ и свободное пользованіе частною собственностью. Слѣдовательно, семейства не можетъ быть тамъ, гдѣ существуетъ община, гдѣ никто ничего не имѣетъ и гдѣ каждый еще до вступленія въ семейство не принадлежитъ себѣ.

в) Община невозможна безъ закона распредѣленія, а распредѣленіе уничтожаетъ общину, потому что распредѣленіе тождественно съ обособленіемъ личности и необходимо предполагаетъ различіе между моимъ и твоимъ.

г) Община невозможна безъ закона организаціи, а организація уничтожаетъ общину, потому что самое первое и могущественное средство есть раздѣленіе труда, на которомъ основывается существованіе личности и которое ведетъ за собою распаденіе общины.

Слѣдовательно, съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на общину, она уничтожаетъ самоё себя. Она не имѣетъ никакого прочнаго основанія и есть пустое изобрѣтеніе эклектизма, составленное изъ отдѣльныхъ непонятыхъ стихій, государства, семейства и политической экономіи и неимѣющее никакого дѣйствительнаго, болѣе глубокаго начала.

§ 63.

Продолженіе. — Народонаселеніе.

Показавъ сейчасъ нами изложеннымъ способомъ, что на

всѣхъ ступеняхъ развитія экономической жизни повторяется все одно и то же противорѣчіе между постоянно возрастающимъ благосостояніемъ и постоянно усиливающимся страданіемъ, и что всѣ усилія человѣчества устранить это противорѣчіе до сихъ поръ оставались напрасны, — Прудонъ приходитъ, наконецъ, къ десятой ступени, къ вопросу о народонаселеніи. Здѣсь невидать связи этой части изслѣдованія съ предъидущими, связи, которую мы видѣли между прежними ступенями развитія. Скорѣе авторъ смотритъ здѣсь на страданіе рабочаго класса, какъ на великій совокупный результатъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ противорѣчій. Прудонъ старается доказать, что нищета не есть, какъ думалъ Мальтусъ, слѣдствіе сгущенности населенія, но происходитъ отъ недостатка общественной организаціи и, слѣдовательно, донынѣ было продуктомъ самой политической экономіи. Какъ въ состояніи первоначальной дикости, когда человѣкъ жилъ только одними естественными произведеніями земли, такъ и на высшей ступени развитія, когда человѣкъ живетъ своимъ трудомъ, общественныя бѣдствія не даютъ развиваться чрезмѣрному сгущенію населенія и упреждаетъ всегда оскудѣніе запасовъ продовольствія. Хотя населеніе и стремится увеличиваться въ геометрической прогрессіи, однако богатство, вслѣдствіе раздѣленія труда, машинъ, торговли и пр., умножается пропорціонально квадрату числа рабочихъ, и слѣдовательно, въ благоустроенномъ обществѣ нечего болѣе бояться пауперизма. А потому тутъ остается только рѣшить вопросъ о томъ, какой законъ поддерживаетъ равновѣсіе между совокупнымъ населеніемъ и пространствомъ земной поверхности. Такъ какъ послѣ введенія правильной организаціи общества населеніе и богатство не могутъ уже увеличиваться всегда равномерно въ продолженіе всей жизни человѣчества, ибо въ такомъ случаѣ въ нѣсколько столѣтій люди и

продукты загромоздили бы собой весь земной шаръ, то спрашивается: что сдерживаетъ стремленіе человѣчества къ такому увеличенію населенія и богатства? На этотъ вопросъ Прудонъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

Вмѣстѣ съ населеніемъ и примѣненіемъ раздѣленія труда, машинъ и пр. не только растетъ производительность труда, но вмѣстѣ съ этимъ увеличеніемъ труда и его результатовъ идетъ параллельно еще другое движеніе. Постепенно совершенствуясь, трудъ становится все интенсивнѣе, все тяжеле и изнурительнѣе для человѣка. Какъ время работы каждаго человѣка, такъ и внутреннее напряженіе силъ постоянно увеличиваются. Постоянно растутъ также требованія отъ воспитанія и время ученія. Способность наслаждаться благами жизни нуждается столько же въ наукѣ и опытѣ, сколько и способность производить, а чтобы человѣкъ могъ стоять въ уровень съ вѣкомъ, отъ него требуется болѣе и болѣе широкое и напряженное научное и эстетическое образованіе. Трудное дѣло цивилизаціи требуетъ отъ человѣческаго рода неослабнаго напряженія его физическаго и духовнаго труда. Но чѣмъ тяжеле становится для человѣка производство цѣнностей, тѣмъ слабѣе становится его воспроизводительная способность. Трудъ и воспроизводительная способность находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Цѣломудріе есть спутникъ прилежанія, а похотливость — спутница праздности. Недостаточные классы населенія плодовиты, потому что нищета по самой природѣ своей мало работаетъ, и энергическіе мыслители и великіе труженики по большей части свободны отъ чувственной страсти. По этому-то для умноженія цѣнностей и населенія требуется все болѣе и болѣе времени, а періодъ, въ который можетъ учетвериться богатство и удвоиться населеніе, увеличивается до тѣхъ поръ, пока

не обратится въ безконечность, и общество идетъ постоянно впередъ, но сгущеніе населенія и чрезмѣрное увеличеніе продуктовъ, останавливаются.

Такъ разрѣшаетъ Прудонъ вопросъ о населеніи, и отнынѣ призваніе человѣчества — безконечно совершенствоваться и постепенно облагораживать жизнь свою — перестаетъ быть невозможнымъ. Но для того, чтобы эта возможность превратилась въ дѣйствительность и общество могло спастись отъ гибели, которою грозитъ ей пауперизмъ, необходимо измѣнить условія труда и справедливой заработной платы, посредствомъ осуществленія истинной цѣнности. Но какъ совершить эту реформу и разрѣшить задачу опредѣленія цѣнности посредствомъ труда, на это Прудонъ не даетъ никакого отвѣта ни въ своей теоріи цѣнности, ни въ своемъ ученіи о кредитѣ. Слѣдующій разборъ покажетъ, что есть справедливаго въ этой задачѣ.

§ 64.

Разборъ экономической теоріи Прудона.

Что изложенный здѣсь рядъ ступеней экономическаго развитія не соотвѣтствуетъ дѣйствительному экономическому, развитію человѣчества, — это само собою ясно для всякаго знакомаго съ дѣломъ человѣка. Не смотря на остроумныя, иногда справедливыя подробности, въ цѣломъ вся теорія Прудона представляетъ произвольно составленную цѣпь уже извѣстныхъ фактовъ, которая приспособлена только къ діалектическому методу и возвѣщенной вначалѣ теоріи цѣнности. Въ этой цѣпи фактовъ, всѣ отдѣльныя, въ дѣйствительности рядомъ лежащія, звѣнья приведены въ такую причинную связь, которая опровергается всею исторіею, такъ что ихъ можно переставлять и передвигать по произволу. Если же разбирать Прудонову теорію цѣнности, которой онъ самъ придаетъ наиболѣе значенія, то прежде всего надо разсмо-

трѣть, дѣйствительно ли въ понятіи о цѣнности есть противорѣчіе между полезностью и мѣновою цѣнностью, какое предполагаетъ въ немъ Прудонъ.

Очевидно, что это противорѣчіе должно быть или логическое или фактическое, то есть должны противорѣчить другъ другу или понятія о полезности и мѣновой цѣнности, или самые законы, которымъ обѣ эти цѣнности подчинены въ дѣйствительности; при этомъ, все равно, признаемъ ли мы, или нѣтъ вмѣстѣ съ Прудонъ, на основаніи принимаемой Гегелемъ тождественности между бытіемъ и мышленіемъ, также тождественными и оба эти противорѣчія.

Полезность и мѣновая цѣнность представляютъ также мало логическаго противорѣчія въ понятіи о цѣнности вообще, какъ *красное* и *черное* въ понятіи о цвѣтѣ, какъ *подѣльный* и *строевой лѣсъ* въ понятіи о лѣсѣ вообще, какъ *плоды* и *металлы* въ понятіи о товарѣ и т. д. Цѣнность сама по себѣ есть только отношеніе предмета, который оцѣнивается, къ лицу, который цѣнить, все равно, будетъ ли это лицо отдѣльный человекъ, или цѣлое общество. По этому въ дѣйствительности бываетъ столько же цѣнностей, сколько существуетъ причинъ оцѣнки, и полезность и мѣновая цѣнность составляютъ только два различные вида, содержащіяся въ родовомъ понятіи о цѣнности вообще. Если основаніе оцѣнки лежитъ въ самомъ оцѣниваемомъ предметѣ, то есть въ его способности удовлетворять человѣческія потребности, а не въ причинахъ ея или въ личныхъ склонностяхъ оцѣнивающаго лица, то цѣнность предмета называется полезностью. Если же эта оцѣнка принадлежитъ другимъ лицамъ, которыя также хотятъ приобрести предметъ, то цѣнность называется мѣновою. И такъ, мѣновая цѣнность основывается всегда на оцѣнкѣ третьяго лица, и въ основаніи ея не только можетъ лежать, но дѣйствительно всегда

и лежитъ годность предмета. Машина имѣетъ полезность для того, кто ее цѣнитъ и покупаетъ, ибо она ему нужна, и мѣновую цѣнность для того, кто ее цѣнитъ и покупаетъ, потому что въ ней нуждаются другіе. Слѣдовательно, мѣновая цѣнность и полезность могутъ имѣть свое основаніе даже въ одномъ и томъ же свойствѣ предмета, и здѣсь ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о логическомъ противорѣчій между обоими понятіями.

Эти два вида фактически еще менѣе противорѣчатъ другъ другу. Прудонъ дѣлаетъ большую ошибку, когда говоритъ, что увеличеніе полезности предмета уменьшаетъ его мѣтовую цѣнность, и молча вводитъ въ свой силлогизмъ совершенно ложную посылку. Очевидно, что для подтвержденія открытаго имъ противорѣчія Прудонъ долженъ былъ выразиться такъ: чѣмъ болѣе увеличивается число полезныхъ предметовъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ ихъ полезность и падаетъ ихъ мѣновая цѣнность. Первая посылка этого положенія фактически ложна, и справедливѣе было бы сказать совершенно наоборотъ, что чѣмъ болѣе увеличивается количество полезныхъ предметовъ, тѣмъ ниже падаетъ полезность каждаго изъ нихъ отдѣльно, если только не измѣнилась существующая въ нихъ потребность; ибо такъ какъ полезность выражаетъ всегда отношеніе предмета къ человѣку, то мѣра полезности каждаго рода предметовъ содержится въ суммѣ и степени человѣческихъ потребностей, которыя удовлетворяютъ эти предметы, а гдѣ нѣтъ людей и потребностей, тамъ не можетъ быть и полезности. Такимъ образомъ сумма полезности, содержащейся въ каждомъ родѣ предметовъ, остается неизмѣнною и распредѣляется между отдѣльными видами предметовъ одного рода, смотря по количеству этихъ видовъ, если только не измѣняются самыя

потребности въ нихъ общества. Чѣмъ болѣе такихъ отдѣльныхъ видовъ, тѣмъ меньшая доля полезности, принадлежащей цѣлому роду, приходится на каждый изъ нихъ, и наоборотъ, чѣмъ меньше число этихъ видовъ, тѣмъ больше полезности приходится на каждый изъ нихъ. Если мы положимъ, на примѣръ, что совокупныя потребности народа равняются 100, то полезность каждаго рода предметовъ можетъ быть выражена въ извѣстныхъ процентахъ; такъ, на примѣръ, полезность желѣза можетъ равняться 5⁰/₀, и если совокупная потребность народа не измѣняется, то въ каждую данную минуту, когда производство желѣза увеличивается, эта полезность въ 5⁰/₀ будетъ вновь распредѣляться между всѣми отдѣльными количествами наготовленнаго желѣза. Такимъ образомъ если производство желѣза равняется 500 центнеровъ, то каждый центнеръ желѣза будетъ содержать въ себѣ $\frac{1}{100}$ процента совокупной національной полезности; а при производствѣ 5,000, 50,000, 500,000 и т. д. центнеровъ, полезность каждаго центнера будетъ уменьшаться до 0,001, 0,0001, 0,00001 и т. д. процентовъ совокупной полезности народа.

Хотя потребности народовъ никогда не остаются однѣ и тѣже, а увеличиваются частью вмѣстѣ съ населеніемъ, частью вмѣстѣ съ благосостояніемъ страны, частью, наконецъ, вмѣстѣ съ удешевленіемъ товаровъ, происходящемъ вслѣдствіе успѣховъ производства; однако это увеличеніе потребности въ равной степени и равнымъ образомъ дѣйствуетъ какъ на мѣновую цѣнность, такъ и на полезность предметовъ.

Слѣдовательно, полезность и мѣновая цѣнность не только не противорѣчатъ другъ другу, но, напротивъ, находятся между собою въ величайшей гармоніи. Полезность и мѣновая цѣнность всѣхъ произведеній падаютъ и поднимаются

всегда вмѣстѣ, и обѣ одинаково зависятъ отъ совокупной потребности народа, отъ отношенія отдѣльныхъ родовъ цѣнностей къ этой совокупной потребности и отъ количества отдѣльныхъ видовъ цѣнностей, содержащихся въ цѣломъ родѣ. И такъ, все изслѣдованіе Прудона о полезности и мѣновой цѣнности построено на томъ ложномъ положеніи, будто мѣновая цѣнность есть понятіе объективное, содержащееся исключительно въ самомъ предметѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, наоборотъ, она зависитъ отъ человѣка и его потребностей.

§ 65.

Продолженіе.

Послѣ того какъ уяснилось, что признаваемое Прудонъ противорѣчіе въ понятіи о цѣнности въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, то нѣтъ болѣе никакой надобности стараться объ устраненіи этого противорѣчія. Впрочемъ, и помимо этой задачи отъ всей положительной части Прудоновой теоріи цѣнности наука ничего не выигрываетъ. Хотя Прудонъ, подобно А. Мюллеру, признавалъ совершенно вѣрно, что истинная экономическая цѣнность всѣхъ произведеній выражаетъ собою одно лишь отношеніе къ цѣлому, но этому цѣлому онъ не даетъ никакого опредѣленнаго понятія. Онъ разумѣетъ подъ нимъ все общественное богатство, которое обозначаетъ неопредѣленными названіями: *изобиліе, разнообразіе и соразмѣрность произведеній*, и такимъ образомъ въ своемъ пониманіи соціальной цѣнности совсѣмъ не принимаетъ въ соображеніе ни общества, ни его потребностей, ни необходимости его поддержанія и развитія. По этому противъ него можно сказать тоже самое, что А. Мюллеръ сказалъ противъ того понятія о богатствѣ, какое возвѣстила Смитова школа, — что народъ, при вели-

чайшемъ изобиліи, разнообразіи и соразмѣрности предметовъ, можетъ постепенно бѣднѣть и дичать, если производство и его результаты не представляютъ обществу обезпеченія въ его сохраненіи и развитіи.

Къ этому присоединяется еще другое болѣе важное обстоятельство, именно — что Прудонъ признаетъ трудъ, въ его общемъ понятіи, такую силу, которая опредѣляетъ общественную цѣнность всѣхъ произведеній; но при этомъ онъ не изслѣдуетъ, при какихъ условіяхъ и въ какой степени трудъ обладаетъ этимъ свойствомъ.

Если представимъ себѣ, что народъ находится въ такомъ нормальномъ экономическомъ состояніи, при которомъ національный трудъ и національныя потребности покрываютъ другъ друга и если совокупныя потребности народа и совокупный трудъ приравняемъ 100, то при условіи, что потребности и трудъ различаются между собой только въ количественномъ отношеніи, каждому разряду народныхъ потребностей будетъ соотвѣтствовать особенный разрядъ народнаго труда, и первый можно будетъ выразить въ процентахъ совокупныхъ народныхъ потребностей, а второй — въ процентахъ совокупнаго народнаго труда. Но совокупные разряды труда находятся между собой совсѣмъ въ другомъ отношеніи, чѣмъ совокупные разряды потребностей. Потребность, составляющая 50% общихъ потребностей народа, можетъ быть удовлетворена двумя проценгами народнаго труда, а напротивъ, другая потребность, составляющая только 10% общей потребности народа, можетъ быть удовлетворена 60% труда. Отсюда происходитъ двоякое отношеніе каждаго рода предметовъ къ цѣлому, а именно — отношеніе къ совокупной потребности и къ совокупному труду народа. Первое изъ этихъ отношеній выражаетъ, какъ мы видѣли,

полезность предметовъ, второе же — цѣнность труда, а оба вмѣстѣ они выражаютъ дѣйствительную социальную цѣнность.

Слѣдовательно, социальная цѣнность каждаго произведенія опредѣляется не исключительно только однимъ трудомъ, но столько же и отношеніемъ его къ народнымъ потребностямъ, а потому трудъ можетъ имѣть весьма различное вліяніе на цѣнность отдѣльныхъ произведеній. Если потребность не измѣняется, то удвоеніе числа рабочихъ въ какой нибудь отрасли производства уменьшаетъ социальную цѣнность его произведеній столько же, сколько и открытіе какого нибудь новаго способа производства, который требуетъ въ половину менѣе труда для производства необходимыхъ для удовлетворенія потребности предметовъ, хотя въ первомъ случаѣ произведеніе обойдется ровно вдвое дороже, чѣмъ во второмъ. Если, на примѣръ, требуется 100 кусковъ полотна, изъ которыхъ на каждый надо употребить 30 дней работы, то социальная цѣнность каждаго куска уменьшится на половину, какъ скоро, при улучшенномъ способѣ производства, каждый кусокъ можетъ быть сработанъ въ 15 дней. Точно также социальная цѣнность перваго куска понизится на половину, какъ скоро удвоится число производителей полотна, которые будутъ готовить вмѣсто прежнихъ 100 кусковъ уже 200, и если половина ихъ будетъ совершенно излишня. Въ первомъ случаѣ цѣнность предмета уменьшается вслѣдствіе усовершенствованія труда, въ послѣднемъ — вслѣдствіе увеличенія труда — свыше существующей потребности.

§ 66.

Продолженіе.

Отсюда открывается сама собою совершенная несостоятельность заключенія, какое Прудонъ сдѣлалъ изъ того по-

ложенія, что трудъ опредѣляетъ общественную цѣнность, о возможности опредѣлить соразмѣрную заработную плату и осуществить справедливость отношеній. Такъ какъ трудъ производитъ вмѣстѣ съ общественными цѣнностями и такіе предметы, которые не имѣютъ для общества никакой цѣнности, то онъ и не можетъ служить мѣриломъ ни цѣнности предметовъ, ни заработной платы производителей.

Если бы даже всякій трудъ, употребленный на производство предметовъ, дѣйствительно заключалъ въ себѣ мѣру ихъ цѣнности, и если бы даже потребности не имѣли никакого вліянія на опредѣленіе цѣнности, или если бы всѣ производители могли всегда опредѣлить взаимное отношеніе потребностей съ такою точностью, что дѣйствительное число рабочихъ, занятыхъ въ какой нибудь отрасли производства, совпадало всегда съ тѣмъ числомъ рабочихъ, какое именно требуется въ извѣстное время и соотвѣтствовало всегда существующей въ немъ потребности, то даже и при этихъ условіяхъ нельзя было бы примѣнить такое мѣрило цѣнности къ опредѣленію личнаго вознагражденія за трудъ. Для этого нужно было бы напередъ найти такую мѣру труда, посредствомъ которой можно было бы привести къ единицѣ и сравнить между собой различные роды работъ и личные услуги при производствѣ соціальныхъ цѣнностей. Временемъ можно измѣрять только грубый механическій поденный трудъ, но нельзя измѣрять имъ бесконечно разнообразныя духовныя усилія, посредствомъ которыхъ отдѣльныя лица принимаютъ участіе въ общественномъ производствѣ. Неразрѣшимая задача — «найти безусловно-справедливую мѣру цѣнности» въ пространнхъ изслѣдованіяхъ Прудона облеклась только въ новую форму — «найти безусловно справедливую мѣру труда» и изслѣдованіе его собственно должно бы начаться только тамъ, гдѣ оно прекращается.

§ 67.

Справедливая сторона въ теоріи Прудона.

Хотя изъ предъидущаго разбора выходитъ, что теорія Прудона представляетъ только неудачную попытку—подготовить рѣшеніемъ задачи болѣе справедливое распредѣленіе цѣнностей; однако въ основаніи нанизанныхъ этимъ писателемъ различныхъ моментовъ развитія и противорѣчій лежатъ двѣ глубокія истины.

Прудонъ сознаетъ, что въ промышленномъ мірѣ разнообразныя стремленія и явленія не представляютъ отдѣльныхъ, лишь вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, измѣняющихся проявленій, всегда неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ хозяйства, но что въ экономической жизни человѣчества господствуютъ такіе законы развитія, познаніе которыхъ составляетъ содержаніе экономической науки. Если при напередъ заданной имъ мысли о развитіи дуализма, при недостаткѣ всякаго историческаго изученія и при апіорическомъ построеніи идей, господствующихъ въ дѣйствительности, попытка его — открыть самыя ступени этого развитія, совершенно не удалась, то по крайней мѣрѣ онъ перенесъ здѣсь идею о законности развитія на хозяйственную сторону человѣческой жизни.

Вторая истина лежитъ въ той господствующей мысли, что всякое экономическое учрежденіе, всякая форма, въ которой раскрывается хозяйственная жизнь народовъ, имѣютъ лишь одно относительное значеніе и потому могутъ имѣть столько же вредное, какъ и благотворное дѣйствіе. Между тѣмъ какъ въ политикѣ воззрѣнія Руссо и Канта уже давно утратили свое значеніе и нынѣ уже повсюду утвердилось убѣжденіе, что ни одинъ законъ, ни одно государственное учрежденіе, ни одно устройство не могутъ одинаково при-

мѣняться ко всѣмъ народамъ и ко всѣмъ ступенямъ развитія, и что, напротивъ, всякая государственная форма годится лишь для какого нибудь одного, опредѣленнаго, народнаго организма, изъ котораго она естественно проистекаетъ, — въ политической экономіи до сихъ поръ еще господствуетъ абсолютная теорія, по которой исключительно одна форма хозяйства признается справедливою для всѣхъ народовъ и на каждый вопросъ экономической жизни всегда готово одно безусловное рѣшеніе. Спорять о выгодахъ и невыгодахъ большихъ и малыхъ помѣстievъ для сельскаго хозяйства, объ охранительномъ тарифѣ и свободѣ торговли, о цеховомъ устройствѣ и свободѣ промышленности и о многихъ подобныхъ вопросахъ политической экономіи и никогда не придерживаются какого нибудь одного частнаго случая, а всегда теоретически становятся на ту или на другую сторону, признаютъ одну изъ нихъ безусловно справедливою, а другую безусловно ложною; возвѣщаютъ всегда отвлеченныя правила, изъ которыхъ признаютъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя исключенія на практикѣ, и не видятъ того, что въ хозяйственной жизни народа, которая всегда непосредственно развивается примѣнительно къ даннымъ условіямъ физической природы, доставляющей матеріалъ народному труду, еще въ большей степени, чѣмъ въ сферѣ политической всякое учрежденіе имѣетъ лишь относительное значеніе, которое никогда нельзя отрывать отъ историческихъ условій и измѣрять на основаніи однихъ отвлеченныхъ соображеній. Если со времени А. Смита что нибудь задерживало свободное развитіе политической экономіи, то именно этотъ недостатокъ историческаго пониманія, вслѣдствіе котораго различныя школы на материкѣ Европы крѣпко держались отвлеченныхъ понятій и субъективныхъ идеаловъ,

признавая ихъ исключительнымъ мѣриломъ всѣхъ формъ экономическаго развитія.

Заслуга Прудона состоитъ въ томъ, что онъ первый указалъ на эту односторонность взгляда. Правда, въ отдѣльных частяхъ своего изслѣдованія онъ мѣшаетъ истинное съ ложнымъ, ошибочно признаетъ вездѣ свѣтлыя и темныя стороны экономическихъ учрежденій за противорѣчія въ этихъ учрежденіяхъ и не подозреваетъ болѣе глубокаго историческаго основанія, изъ котораго вытекаютъ эти противорѣчія; тѣмъ не менѣе, въ своемъ изложеніи такъ-называемыхъ «противорѣчій» онъ указалъ на относительное значеніе всѣхъ хозяйственныхъ учрежденій и, слѣдовательно, на несостоятельность всякихъ отвлеченныхъ теорій и на необходимость историческаго метода въ политической экономіи.

§ 68.

Взглядъ на совокупныя системы политической экономіи.

Теорію Прудона мы оканчиваемъ обзоръ системъ, которыя въ настоящее время встрѣчаются въ экономической наукѣ. Историческое развитіе этихъ системъ находилось, какъ мы видѣли, въ тѣсной связи съ исторією новѣйшаго денежнаго хозяйства. Въ то время, когда приливъ американскаго металла вытѣснилъ неудобныя естественныя орудія обмѣна и въ государственномъ управленіи вызвалъ систему денежнаго вознагражденія, когда римское право и ученіе его о безграничной частной собственности подкопали феодализмъ и вновь возникшія государственныя власти начали подрывать и сокращать прежнія самостоятельныя корпораціи и помѣщичье право, однимъ словомъ — въ то время, когда естественное хозяйство начало подаваться передъ новѣйшимъ денежнымъ хозяйствомъ, въ это время возникли первыя несовершенныя экономическія теоріи меркантилистовъ и

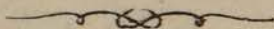
фізіократовъ. Когда же завершилась побѣда денежнаго хозяйства, А. Смитъ впервые создалъ обширную науку — политическую экономію, которая однако была выраженіемъ одного лишь денежнаго хозяйства.

Реакціи, выступившія противъ этой системы, образовали три послѣдовательныя группы. Первая изъ нихъ ратовала еще за послѣдніе остатки стараго и побѣжденнаго естественнаго хозяйства среднихъ вѣковъ; рѣзкими красками изображала она темныя стороны новаго господства и съ жаромъ и любовью идеализировала побѣжденное достояніе человѣчества. Тогда послѣдовало обоготвореніе результатовъ новой системы: вызванную денежнымъ хозяйствомъ фабричную промышленность стали считать занятіемъ, которое только одно приноситъ счастье, и упрекали Смитову теорію только за то, что она стремилась въ своихъ практическихъ ученіяхъ сдѣлаться исключительнымъ достояніемъ Англіи. Наконецъ, односторонне выработавшееся денежное хозяйство вызвало своими темными сторонами ученія, которыя противопоставили Смитову ученію планы совершенно новаго устройства человѣческаго хозяйства.

Хотя эти различныя реакціи не представили никакихъ новыхъ основаній для будущаго зданія нашей науки, однако за ними нельзя не признать той заслуги, что онѣ выставили въ настоящемъ свѣтѣ недостатки и односторонность Смитова ученія и указали на необходимость совершеннаго преобразованія экономической науки.

Сверхъ того, каждая изъ этихъ реакцій вызвала на свѣтъ отдѣльныя истины, и тѣмъ доставила основанія для созданія будущей науки. А. Мюллеръ указалъ политической экономіи на нравственное средоточіе государства и доказалъ необходимость считать ее нераздѣльною частью совокупной науки о человѣческомъ обществѣ. Ему слѣдо-

вали въ этомъ послѣднемъ пунктѣ соціалисты. Листъ, вмѣстѣ съ А. Мюллеромъ, возвѣстилъ начало національности и призналъ различныя ступени національнаго развитія. Соціалисты разоблачили темныя стороны денежной системы и доказали несостоятельность человѣческаго эгоизма, какъ основанія политической экономіи. Наконецъ, Прудонъ указалъ на относительное достоинство всѣхъ экономическихъ учрежденій и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно противъ воли своей на несостоятельность всякой абстрактной теоріи. Все это — отрывочные, важные результаты; имъ не достаетъ только одного общаго средоточія, изъ котораго они выходили бы, какъ послѣдствія одного начала, господствующаго надъ совокупнымъ содержаніемъ политической экономіи.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНИЕ.

Системы политической экономіи.

Стран.

Отъ переводчика. I

Введение V

Первый отдѣлъ. — Адамъ Смитъ и его школа.

§ 1.	Взглядъ на меркантилистовъ и фізіократовъ	1
§ 2.	Смитова система	7
§ 3.	Значеніе Смитовой системы въ исторіи политической экономіи.	9
§ 4.	Ученики Адама Смита	12
§ 5.	Давидъ Рикардо.	14
§ 6.	Односторонность Смитовой школы	17

Второй отдѣлъ. — Адамъ Мюллеръ и политико-экономическій романтизмъ.

§ 7.	Положеніе Адама Мюллера въ современной ему образованности	23
§ 8.	Мюллерова критика Смитовой теоріи.	25
§ 9.	Взглядъ Мюллера на относительное значеніе Смитовой теоріи для Англіи и на непримѣнимость ея для материка Европы	29
§ 10.	Взглядъ Мюллера на государство.	31
§ 11.	Главные экономическія положенія Мюллера.	34
§ 12.	Разборъ экономическихъ положеній Мюллера	37

Третій отдѣлъ. — Фридрихъ Листъ и національная система политической экономіи.

§ 13.	Александръ Гамильтонъ, предшественникъ Листа	43
§ 14.	Обвиненія Листа противъ Смитовой системы и отношеніе его къ Адаму Мюллеру	44
§ 15-16.	Національная экономическая теорія Листа	47
§ 17.	Заслуги Листа	53
§ 18.	Разборъ теоретической части Листова ученія	56
§ 19-20.	Разборъ практической части Листова ученія	61

Четвертый отдѣлъ. — Соціальныя теоріи хозяйства.

§ 21.	Взглядъ на историческое развитіе соціальныхъ ученій о хозяйствѣ.	79
§ 22.	Отношеніе соціальныхъ теорій хозяйства къ экономическимъ ученіямъ Адама Мюллера и Листа	85
§ 23.	Обзоръ отдѣльныхъ частей соціальныхъ теорій хозяйства	87

I. Нападенія социалистовъ на различныя историческія формы хозяйственнаго быта.

§ 24.	Нападенія социалистовъ на частную собственность	88
§ 25.	Нападенія социалистовъ на торговлю	92
§ 26.	Нападенія социалистовъ на деньги	95

II. Положительное содержаніе соціальныхъ теорій хозяйства.

A. Цѣль общиннаго хозяйства

§ 27.	100
-------	-----------	-----

B. Формы общиннаго хозяйства.

§ 28.	Организаціонные планы коммунистовъ	105
§ 29.	Организаціонные планы Сентъ-Симонистовъ	112
§ 30.	Организаціонные планы социалистовъ. — Симондъ-де-Сисмонди. Луи-Бланъ	114
§ 31.	Шарль Фурье и Викторъ Консидеранъ	118
§ 32.	Организаціонные планы нѣмецкихъ социалистовъ	123

III. Нападенія социалистовъ на науку о народномъ хозяйствѣ.

§ 33-34.	Фридрихъ Энгельсъ	126
----------	-----------------------------	-----

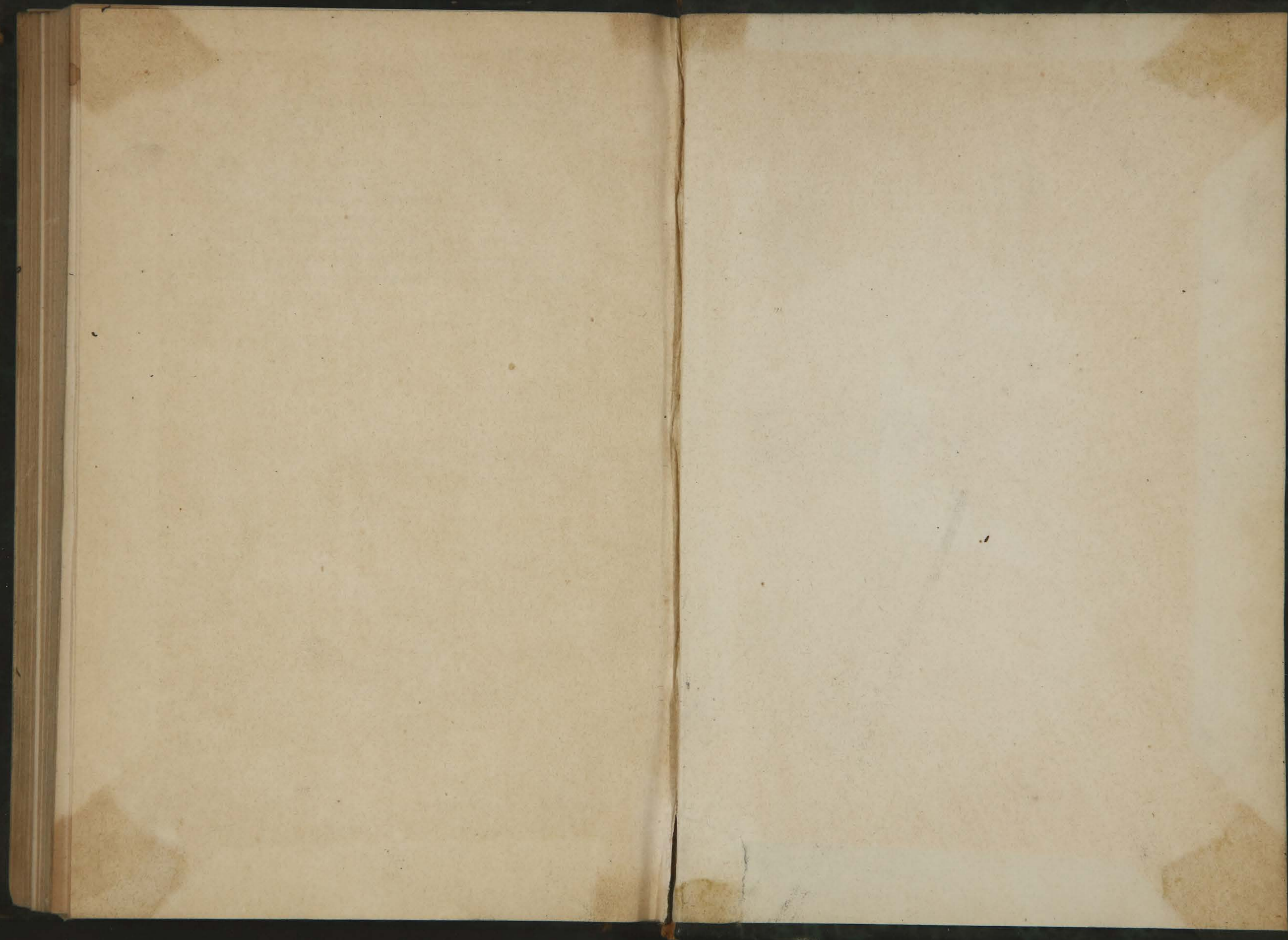
IV. Разборъ социальныхъ теорій хозяйства.

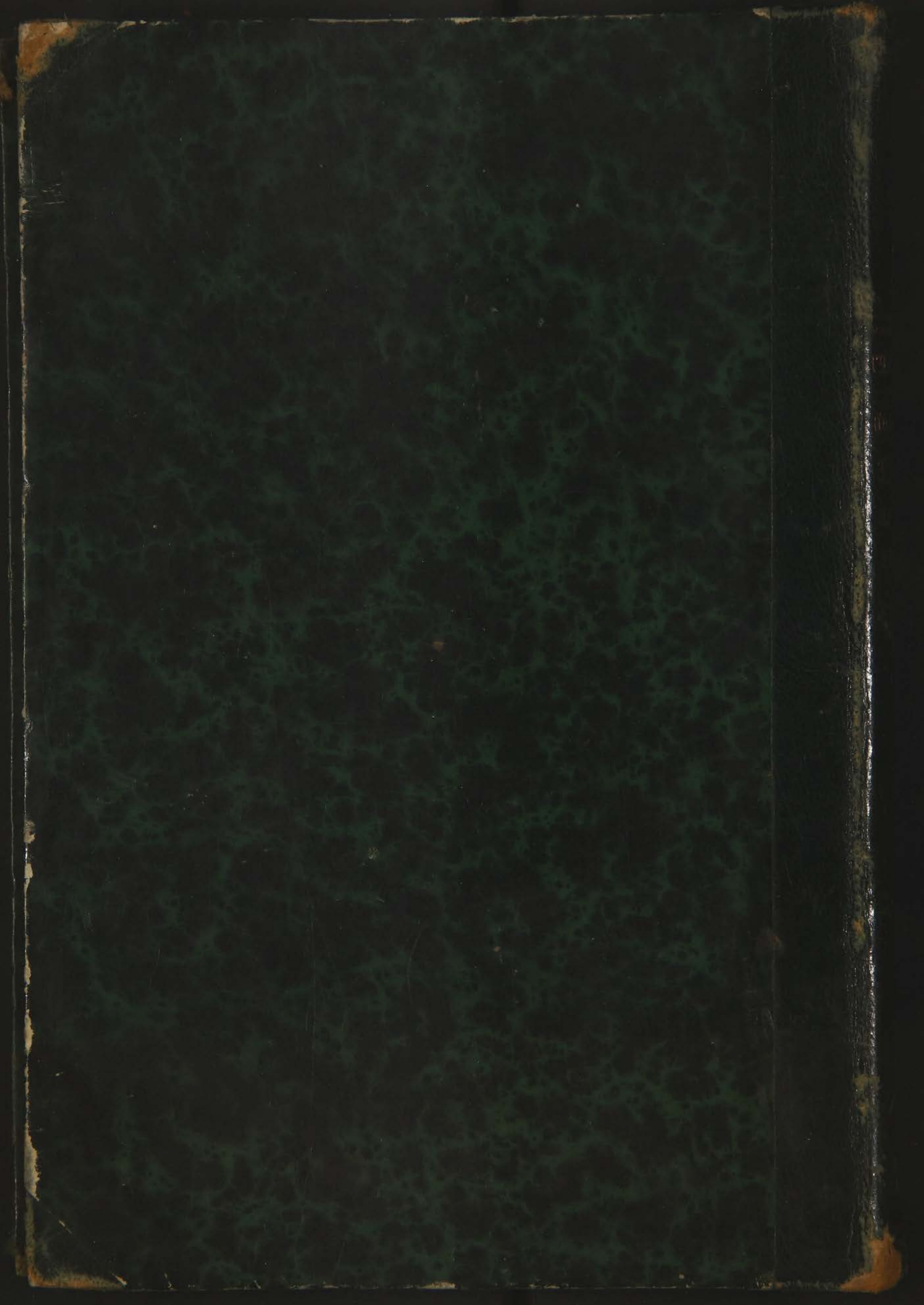
- § 35-36. Оцѣнка Энгельсовой критики политической экономіи. 134
- § 37. Разборъ Энгельсовой книги о положеніи рабочихъ классовъ въ Англіи, какъ основаніи коммунистическихъ теорій 140
- § 38. Сравненіе промышленнаго пролетаріата въ Англіи съ нѣмецкимъ ремесленнымъ пролетаріатомъ въ областяхъ, неразвитыхъ въ промышленномъ отношеніи 143
- § 39. Сравненіе нынѣшняго положенія рабочихъ въ Англіи съ прежнимъ 155
- § 40. Сравненіе цѣнности денегъ для рабочихъ классовъ въ Германіи и въ Англіи 160
- § 41. Сравненіе мѣншой цѣнности платы рабочихъ классовъ въ Англіи и Германіи 166
- § 42. Оцѣнка статистическихъ данныхъ, доказывающихъ будто бы увеличивающуюся безнравственность рабочихъ классовъ въ Англіи, какъ слѣдствіе новѣйшей промышленности 173
- § 43. Всемирно-историческое значеніе новѣйшей промышленности. 184
- § 44-45. Разборъ нападеній социалистовъ на частную собственность 198
- § 46. Разборъ нападеній социалистовъ на торговлю 209
- § 47. Разборъ нападеній социалистовъ на деньги 212
- § 48-51. Разборъ положительной части социальныхъ теорій хозяйства 216
- § 52-53. Заслуги социальныхъ теорій хозяйства 227

Пятый отдѣлъ.— Экономическая теорія Прудона.

- § 54. Сочиненія Прудона 235
- § 55. Отношеніе Прудона къ другимъ системамъ политической экономіи. 236
- § 56-57. Прудонова теорія цѣнностей. 238
- § 58. Отношеніе Прудоновой теоріи цѣнностей къ его политико-экономической системѣ 243

§ 59.	Ступени эконоическаго развитія челоѣчества.— Раздѣленіе труда. Машины. Соперничество. Мо- нополія	244
§ 60.	Налоги и полиція	247
§ 61.	Торговый балансъ. Кредитъ	250
§ 62.	Собственность. Община	256
§ 63.	Народонаселеніе	260
§ 64-66.	Разборъ экономической теоріи Прудона	263
§ 67.	Справедливая сторона въ теоріи Прудона	271
§ 68.	Взглядъ на совокупныя системы политической экономіи	273





2720

ИЛЬДЕБРА

ЮЛИЯТИ

ЖУКОВИ

НАСТОЯЩА

ВЕУДУЩА